

57 110
110
22

336

Инв. № 2292
Отд. _____

И 110
629

Ж-4

НАЪЗДЫ
ГАЙДАМАКТЪ

НА
ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ.

1753 — 1768.

Соч. А. Скальковского.

Р. Дзенин 1768

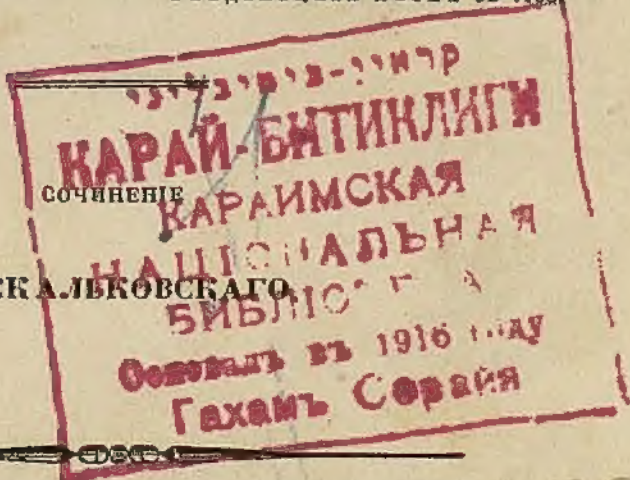
ф/5

НАВЪЗДЪ
ГАЙДАМАКЪ
НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ,
ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

1755 — 1768.

«Мы того коника въ твоего пана купили,
Въ зеленой дуброви гроши получили (сосчитали),
Въ холодной крыницѣ могоричь запили
Подъ гнилу колоду пана підкотили».

Гайдамацкая пѣсня съ 1768.

А. СКАЛКОВСКАГО

Одесса,

Инв. № 2202

Отд. 4

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса , 22-го
Ноябра 1844 года.

Ценсоръ К. Зеленецкій.

9-1750-44

2007080485

Его Превосходительству,

Милостивому Государю,

Ивану Ивановичу

ФУНДУКЛЕЮ,

*Господину Кіевскому Гражданскому Губернатору
Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и разныхъ
орденовъ Кавалеру,*

посвящаетъ

СОЧИНТЕЛЬ.

5
Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Вашему Превосходительству угодно было поручить мнѣ собрать нѣсколько историческихъ фактовъ и документовъ о Западной Украинѣ, часть которой, т. е. Кіевская губернія, Высочайше ввѣрена Вашему управленію.

Исполняя Ваше желаніе, я нашелъ, что однимъ изъ любопытнѣйшихъ событій того края есть появленіе въ XVII и XVIII столѣтіяхъ Гайдамакъ, этихъ неразгаданныхъ доселѣ сухопутныхъ пиратовъ, имѣвшихъ свою цѣль, свое вѣрованіе, фанатизмъ и даже какое-то правильное устройство. Я рѣшился заняться преимущественно этимъ предметомъ и воспользовавшись служебными порученіями въ 1842 году въ Подольской и Кіевской губерніяхъ, посетилъ нарочно многіе города и села, прославившіеся Гайдамацкими набѣгами, какъ-то: Лисянку, Чигринъ, Бѣлую-Церковь и въ особенности Умань,

которой разореніе въ 1768 году, приобрѣло громкую и печальную извѣстность.

Составивъ такимъ образомъ это повѣствованіе, я честь имѣю посвятить его Вамъ и поручить Вашему покровительству. Если изложеніе и трудъ мой не совсѣмъ удовлетворяютъ Ваше ожиданіе, то надѣюсь, что занимательность и оригинальность предмета извинятъ ошибки или недостатки самаго сочиненія.

Примите увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и искренней благодарности,

А. Скальковскій.

ПѢЗДЫ ГАЙДАМАКЪ НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ.

1733 — 1768.

ВВЕДЕНІЕ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Мало найдется въ Россіи читателей, которые-бы не слыхали или не читали чего-либо о *Гайдамакахъ*, объ этихъ особаго рода сухопутныхъ пиратахъ, которыхъ имя сдѣлалось наконецъ поруганіемъ, а подвиги предавались жестокимъ казнямъ, какъ преступленія. Но мнѣ до сихъ поръ немного удалось встрѣтить подлинныхъ, а тѣмъ болѣе современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ. Ученые издатели пѣсень Украинскихъ *Максимовичъ* и *Срезневскій*¹, снискавшіе уже себѣ

---

¹ *Украинскія Народныя пѣсни*, изд. М. Максимовичемъ. Москва, 1834 г. *Запорожская Старина*, П. С. Харьковъ, 1833.

почетное имя на поприщѣ бытописанія и, знающіе очень близко языкъ и исторію Малороссіи, оба согласны въ значеніи слова «Гайдамакъ» и утвердительно опредѣляютъ ихъ бытъ и происхождение. Позволяемъ себѣ выписать здѣсь мнѣніе и того и другого.

«Гадамаками», говоритъ г. Максимовичъ, «сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значить — бродяга, а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что бродники Молдавскіе. Впослѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ-же Запорожцевъ называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово козакъ было бранное, особенно у Турковъ. Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: гайдамакъ слово Татарское; употребительное также у Турковъ, Молдаванъ: *гайда* — пошелъ, гуляй; *макъ* окончаніе неопредѣленнаго склоненія. Впрочемъ, слово *гайда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай*, гуляка (откуда и слово гультайство)». (У. Народ. П., стр. 66).

Г. Срезневскій опредѣливъ значеніе *луговъ* Украинскихъ и *Великаго Луга* (полуострова), образованнаго протоками Днѣпра вблизи нынѣшняго Никополя, а Запорожскаго *Никитина Перевоза*, такъ го-

ворить: «Преданіе народное, согласное съ лѣтописями, повѣствуетъ, что сіи луга были первоначальнымъ лѣтнимъ стойбищемъ козаковъ, что и дало имъ названіе Запорожцевъ. Впослѣдствіи времени, когда козаки подвинулись къ сѣверу, а современемъ начали расселяться по Украинѣ, луга сіи достались въ удѣлъ Гайдомакъ, т. е. лѣсныхъ разбойниковъ, собственно лѣсныхъ жильцевъ. Имя Гайдомакъ носили и тѣ Запорожцы, кои жили въ лѣсахъ, по лѣвому берегу Днѣпра, около пороговъ; однако не долго, не далѣе какъ до Хмѣльницкаго. Разбойники-Гайдомаки существовали до конца прошлаго столѣтія, переселившись по большей части на Самарь, Пселъ и другія рѣки впадающія въ Днѣпръ. Оставшіеся въ Лугахъ, стали извѣстны подъ именемъ *Лугарей*, и производили ужасные грабежи и пр.» (З. С., стр. 46 и 47).

Не смотря на искреннее уваженіе, питаемое мною къ глубокимъ свѣденіямъ объ Украинѣ ученыхъ писателей, мною приведенныхъ, я позволю себѣ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя замѣчанія.

1. Не знаю, гдѣ нашелъ г. Максимовичъ свѣдѣніе, что Запорожцы сами себя когда-то называли Гайдамаками. Намъ это не случалось ни гдѣ видѣть, ни въ *исторіяхъ* Малороссіи и Украины, ниже въ собственныхъ Запорожскихъ бумагахъ, которыхъ цѣлыя тысячи имѣемъ предъ глазами. Запорожцы называли себя всегда: «Запорожскими Козаками», «войскомъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскимъ», «Е. И. В.

славнымъ войскомъ Запорожскимъ Низовымъ», «Рыцарствомъ Запорожскимъ», «Товариствомъ», «добрыми Молодцами, братчиками», и пр. и пр. Но никогда не именуютъ себя Гайдамаками. Развѣ въ пѣсняхъ встрѣчается это слово, но въ смыслѣ подобномъ тому, какъ храбрецы и теперь величаютъ себя разбойниками, головорѣзами, или какъ Персіане (по свидѣтельству Хаджи-Бабы) называютъ себя железодами, а Турецкаго Султана кровоопійцею. Даже и Поляки не называли такъ Запорожцевъ. Разверните любую лѣтопись, исторію, *Opisania*, *Ordynacyje*, конституціи, статуты, т. е. королевскія повелѣнія, *Uchwały sejmów*, (постановленія сеймовъ), универсалы Гетмановъ, ординансы региментаровъ и пр., вездѣ Запорожцы называются или *rycerstwo Ukrainne i Ruskie*, Е. К. В. войско Низовое Запорожское, или же въ эпохи мятежей и тяжкихъ съ ними войнъ и бѣдствій для Польши, сія послѣдняя и оффиціально и частно именовала ихъ Запорожцами, Низовцами, Нижемъ, (т. е. Низовьемъ), Сичею, козацтвомъ, *chłopsstwo*, (мушкетство) даже, по сколько знаемъ, никогда ихъ не называли Поляки Гайдамаками, развѣ въ пасквильныхъ запискахъ, подобныхъ книгѣ *О. Китовича*, впрочемъ весьма любопытной, и т. п. пристрастныхъ и одностороннихъ сочиненій, а не въ серьезномъ, оффиціальномъ языкѣ.

2. Мы не оріенталисты, но слышали отъ оріенталистовъ и на нихъ ссылаемся, что козаками, Турки и самые Татары называютъ своихъ

же степныхъ легкихъ всадниковъ, непременно свободныхъ и кочевыхъ, каковы: Киргизъ-Козаки, Ногайцы, Калмыки и Черкесы. Но козаковъ-Русскихъ, т. е. Запорожцевъ называли всегда *Боткалы* или *Буткалы* (сбродъ), а Донцевъ раскольниковъ, что нынѣ Некрасовцы, величали *Игнатъ-Козаками*. Читатели наши легко это найдутъ во всѣхъ договорахъ Россіи съ Турціею и Крымомъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи законовъ Россійской имперіи.

3. Знатоки Турецкаго языка, въ Одессѣ гг. Фонтонъ, Цегри, Борзенко и Григорьевъ говорятъ, что слово Гайдамакъ вовсе не Турецкое и не Татарское. Слово *гайда*! употребляемое Крымскими Татарами не есть глаголъ и не значить пошелъ, но скорѣе междуметіе и восклицаніе въ родѣ Русскаго: ну! Изъ чего и трудно заключить, чтобы Поляки и Украинцы XVII и XVIII столѣтій, составили изъ этой частицы слово гайдамакъ, для изображенія, бродника, бродяги или разбойника. Въ Польшѣ употреблялось слово *гайда*, но какъ значеніе слова бѣглеца, безпаспортнаго, *włósega*, но не разбойника вооруженнаго пикой и ружьемъ.

4. Равнымъ образомъ постигнуть не можемъ какъ г. Срезневскій, знающій исторію Запорожья, его географическіе раздѣлы на паланки, и слѣдственно топографію степей нашихъ, могъ сказать: что Гайдамаки цѣлымъ обществомъ жили на лѣвомъ берегу Днѣпра (почти въ Протовчанской и

Калміусской паланкахъ) и еще до Хмѣльницкаго! Чтобы они послѣ селились *гласно* на Самарѣ и Пселѣ, — т. е. рѣчкамъ, текущимъ въ лучшихъ частяхъ Запорожья и Украины, гдѣ уже въ XVII столѣтіи были богатые села и множество зимовниковъ, владѣнныхъ Бопланомъ. Даже Гайдамакъ не былъ исключительно лѣсный житель, ибо онъ подобно хищнымъ звѣрямъ, водился вездѣ и въ Сѣчи и въ селахъ и въ уединенныхъ хуторахъ; — а еще больше на устьяхъ большихъ рѣкъ, на берегу лимановъ, какъ мы это увидимъ ниже, изъ собственнаго сознанія Гайдамакъ, и какихъ Гайдамакъ, — простыхъ и грубыхъ, участвовавшихъ въ самой кровавой сценѣ Гайдамацкаго быта, оставившей послѣ себя неизгладимую память въ народѣ, въ Уманскомъ мятежѣ!

Ктожь такіе были эти Гайдамаки, извѣстные всему міру изъ исторій, пѣсень и даже романовъ¹; которыхъ старики наши сами если не выдали лично, то вѣрно боялись, если жили въ южныхъ губерніяхъ Россіи, или въ пограничныхъ воеводствахъ, «Свѣтлѣйшей и найяснѣйшей речипосполитой Польской?». Отвѣтъ нашъ будетъ если не

---

¹ Знающимъ Польскій языкъ рекомендуемъ превосходные повѣсти г. *Михаила Грабовскаго*, напечатанныя въ Вильнѣ: 1) *Koleszczuzna i Stepy* (Колывщина и Степи), переведенныя по Русски и помѣщенные въ № 4 Москвитянина 1842 г. *Stanica Hulajpoliska*. Вильно, 1841, 5 частей (Станица Гуляйпольская), т. е. форпостъ въ м. Злотопохъ Кіевской губерніи, принадлежащемъ теперь г. Лопухину.

удовлѣтителенъ, то очень ясный; что значитъ этимологически и археологически слово *Гайдамакъ*, мы также не знаемъ, какъ не знаемъ, что такое слова: *козакъ*, *курганъ*, *Русь* и много подобныхъ. Но гдѣ явились, какъ дѣйствовали и какъ исчезли Гайдамаки? исторія знаетъ, и мы ея поклонники, собравъ небольшой запасъ достовѣрныхъ свѣдѣній, предлагаемъ объ нихъ отечественному бытописанію нѣсколько словъ истины.

Мы думаемъ, что самое лучшее опредѣленіе если не слова «Гайдамакъ», то ихъ происхожденія, сдѣлано Запорожцами въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда въ 1749 году для рѣшенія взаимныхъ неудовольствій и распрей между Запорожьемъ и Ногайскими Татарами, учреждена была со стороны Россіи и Крыма особая Коммиссія¹, то козаціе депутаты, на упрекъ и обвиненія Крымскихъ коммиссаровъ, говорили въ защиту своего товарищества слѣдующее: «Татарамъ обиды не Запорожскіе козаки причиняють, но такіе люди, кои ни въ Малой Россіи, ни въ войскѣ Запорожскомъ не служатъ; а уповательно, подъ претекстомъ Запорожскихъ козаковъ сіе чинятъ *Польскіе Гайдамаки* и гультаи шатающіеся по степамъ и кромѣ степа, никакого пристанища себѣ не имѣють; и такъ на Запорожскихъ козаковъ токмо слава и напрасное нарѣканіе слѣдуетъ». 2) Когда

---

¹ См. мой: «Сношенія Запорожскаго съ Крымомъ». Одесса, 1841, стр. 10.

ненствовства Гайдамаковъ въ Умани и другихъ Польскихъ южныхъ городахъ, вызвали противу нихъ строгость и нашего правительства, имѣвшаго подозрѣніе на участіе Запорожцевъ; Кошевой атаманъ на запросъ высшей власти: какіе люди Польшу грабятъ? — далъ отвѣтъ: что тѣ Гайдамацкія шайки не суть Запорожское войско, «а по слухамъ вышли отъ *аргатующихъ* (*иргетъ* по-«денщикъ») въ Очаковѣ людей, Польскихъ мужи-«ковъ и винокуровъ, — которыми предводитель-«ствовало нѣсколько ватажковъ изъ Запорожскихъ «воровъ и *самосбройцевъ* (негодяевъ)».

Вотъ очень ясные доводы, что люди преступные и жестокіе, извѣстные подъ названіемъ Гайдамаковъ, не были никогда особымъ обществомъ, никогда особыхъ жилищъ въ Запорожскихъ земляхъ не имѣли и никогда имя ихъ не означало имени «славнаго Запорожа». Бѣглецы изъ разныхъ Славянскихъ земель, скрывшіеся въ Запорожьи отъ преслѣдованія закона, хотя принимали новыя имена и записывались по куренямъ, приносили присягу вѣрности престолу Русскихъ Монарховъ, и войску Запорожскому, но не желая исполнять трудной и опасной службы военной или пограничной, были истинными виновниками Гайдамацтва. Они то изъ корысти или личныхъ обидъ, дѣлались предводителями, т. е. *ватажками* простыхъ и грубыхъ козаковъ или подобныхъ-же себѣ бродягъ, и подъ предлогомъ ненависти къ латинскимъ католикамъ и бусурмапамъ, занимались

грабежемъ и разбоемъ въ Крыму, Польшѣ, Молдавіи. Такіе Гайдамаки XVIII столѣтія мало чѣмъ рознились отъ обыкновенныхъ грабителей XVII вѣка и ихъ-то *подвиги* покрыли срамомъ храброе, хотя и полуобразованное Низовое общество, оказавшее столько услугъ Русскому міру. Предводители такихъ шаскъ сперва, иѣтъ сомнѣнія, подымали оружіе на Поляковъ какъ на враговъ своей вѣры и родины; ихъ славные подвиги хотя и сопровождаемые жестокостію, но облагороженные святою цѣлію защиты церкви Православной, воспѣла народная поэзія Украины. Но въ XVIII столѣтіи, когда Россія приняла навсегда Запорожье подъ свою Державу, когда слѣдственно Польское Правительство ни само, ни чрезъ свое дворянство не могло дѣлать угнетеній козачеству, — этотъ благородный предлогъ исчезъ, — но Гайдамацтво не прекратилось, ибо не укротилось молодечество и алчность ватажковъ. Они вооружались просто для разбоя и грабежа изъ видовъ одной корысти, но свои ватаги увѣряли въ противномъ и, такимъ образомъ кровавыя сцены не разъ происходили на границахъ. Такого рода было происшествіе, извѣстное въ Польской и Украинской исторіяхъ подъ названіемъ *Колівщины* и *Уманской рѣзни* (Koleszczyna, Rzeź Humańska), бывшей въ 1768 году, о которомъ желаемъ рассказать соотечественникамъ правдивую повѣсть, основанную на современныхъ свидѣтельствахъ. Но чтобы понять взаимныя отношенія сосѣдей: Поляковъ и Козачества и раз-

гадать причины этихъ мелкихъ, но смертоносныхъ распрей, должно намекнуть кое-что и о географическо-этнографическомъ положеніи тѣхъ и другихъ; упомянуть о взаимныхъ обидахъ, гоненіяхъ и кровавыхъ ихъ послѣдствіяхъ.

Источники, изъ которыхъ позаимствованы свѣденія наши довольно многочисленны и достовѣрны. Это 1) четыре рассказа очевидцевъ: а) *Записки Констанціи (Вероники) Кребсовой вдовы*, урожденной *Младановичъ*, жившей еще въ 1831 году, которая при разореніи Уманн Гайдамакамъ, лишилась родителей и имущества¹, б) «*Бунтъ Гайдамакъ въ Украинѣ въ 1768 году*», описанный Украинскимъ помѣщикомъ *І. Липоманомъ*, переводчикомъ *Іосифа Флавія* и сочинителемъ статьи о *Курганахъ*: («*Bunt Hajdamaków na Ukrainie въ 1768 г.*²»), с) *Умань*

---

¹ Эти *Записки* помѣщены были первоначально въ польскомъ журналѣ «*Ogrodownik Naukowy*», издаваемомъ въ Познани (въ Пруссіи) въ №№ 1, 2, 3, на 1840 годъ. Но въ рукописи въ большомъ числѣ экземпляровъ, рассказъ этотъ былъ давно извѣстенъ на Украинѣ; г. Яворскій, теперь уже умершій молодой помѣщикъ Кіевской губерніи, сообщилъ мнѣ это рукописное помѣствованіе въ гораздо большемъ видѣ, нежели оно напечатано. Три другіе рассказа напечатаны извѣстѣ въ книгѣ, подъ заглавіемъ: *Bunt hajdamaków na Ukrainie opisany przez I. Lipomana i innych bezimiennych wydany przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań 1842 года.* (*Бунтъ Гайдамакъ и пр.*, изд. *Е. Рачинскимъ*).

² Онъ былъ знакомъ съ многими очевидцами этого событія и посѣтилъ Чигринъ, Умань и Лисянку немедленно послѣ ихъ разоренія. Г. Грабовскій писалъ ко мнѣ (отъ 3 Ноября 1842), что кромѣ упомянутыхъ здѣсь 4-хъ описаній есть еще объ этомъ предметѣ много другихъ ненаданныхъ, напр. въ *Запискахъ графа Адама Мощеньскаго* и много поэмъ о томъ-же; одну онъ самъ имѣлъ, но отдалъ ее графу А. Пржездѣцкому.

ская рѣзня или исторія революціи, произведенной Железнякомъ и Гонтю и проч., описанная, по мнѣнію г. Грабовскаго, о. Павломъ Младановичемъ, монахомъ ордена Піаритовъ. («Rzecz Humañska, czyli historia rewolucij zrobionej przez Żelczeniaka i Gontę, napisana rzetelnie, wiernie i dokładnie, przez znajdującego się wteǳe okropney rewolucij»). d) *Краткое описаніе рѣзни въ городѣ Умані совершенной чернью Украинскою 20/8 Іюня 1768 года*: (Opis krótki rzezi w mieście Humaniu od czerni Ukrainiskiej dnia 20 miesiąca Czerwca 1768 roku zdziałanej). Оно сдѣлано однимъ изъ монаховъ Базиліанскаго ордена (кажется *Тупчаскимъ*), принадлежащимъ къ Уманскому монастырю этого ордена, который какимъ то чудомъ спасся отъ гнѣблн своихъ братьевъ въ то время убіенныхъ, и составилъ этотъ расказъ изъ монастырскихъ актовъ въ 1787 году. Всѣ эти расказы въ главныхъ событіяхъ совершенно съ собою сходны. 2) Многіе документы почерпнутые изъ Запорожскаго архива, которые подтверждаютъ почти вполне вышеприведенныя повѣсти и записки. 3) Пѣсни и расказы простаго народа въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, сохранившіяся до-селѣ, по преданію отъ дѣдовъ и отцевъ. 4) Три Еврейскія повѣсти о томъ же предметѣ, сообщенные намъ, одна г. Штерномъ въ Одессѣ, двѣ другія въ Умані докторомъ Абрамсономъ и купцомъ Берештейномъ, которыя перевелъ мнѣ Одесскіе Евреи гг. Іоахимъ Тарнополь и молодой Финкель, ученики здѣшняго Еврейскаго училища. 5) Въ расказѣ самаго событія въ

Умани, мы приведемъ записки Констанціи Кребсъ какъ самыя достовѣрныя, дополняя ихъ въ нуждѣ и другими. Часть изъ приводимыхъ документовъ, въ видѣ письменныхъ доказательствъ (*pièces justificatives*), будутъ приложены въ концѣ, гдѣ помещаемъ и переводъ 4-го изъ упомянутыхъ рассказовъ какъ самаго краткаго, и кажется самаго правдоподобнаго. (Приложеніе № 15).

I.

Въ началѣ XVIII столѣтія Польское государство граничило еще широкою стѣною съ Южною Россіею, т. е. степью, гдѣ подвизались вѣрноподданные Россіи рыцари, козаки Запорожскіе. Трактаты заключенные съ Польшею при Іоаннѣ III Собѣскомъ и Августѣ II на счетъ этихъ границъ, еще въ 1749 году вновь обозначенныхъ, были соблюдаемы старательно съ обѣихъ сторонъ правительствами. Воеводы: Брацлавскій и Кіевскій, были охранителями пограничныхъ дѣлъ и сношеній со стороны Польши; Кіевскій военный губернаторъ (управлявшій г. Кіевомъ и частью Малороссіи), со стороны Россійской Имперіи. На основаніи правъ добраго сосѣдства, Русскія войска многократно переходили чрезъ Польскую межу и даже средину королевства, слѣдуя въ Турцію или Пруссію, и это нисколько не нарушало обоюднаго согласія. Но на этой границѣ, Поляки встрѣчали всегда злѣйшихъ враговъ своихъ — козаковъ Запорожскихъ, и противу нихъ, равно какъ и противъ Татаръ, среди внутреннихъ смутеній,

своевольства мѣлкого и честолюбія высшаго дворянства, не имѣли ни войскъ для защиты, ни денегъ для ихъ содержанія. Древній обычай содержать пограничную стражу посредствомъ милиціи старостовъ еще не существовалъ, и при недостаткѣ лучшихъ средствъ, *народная гвардія*, т. е. небольшіе отряды вольно-служащаго дворянства была единственныиъ спасеніемъ государства, клонившагося къ совершенному своему разрушенію.

Возьмемъ для начала нашего рассказа эпоху возвращенія Запорожцевъ въ Россію, т. е. 1734 годъ, слѣдственно утвержденіе на престолѣ Польскомъ Курфюрста Саксонскаго Августа III, и окончательное отреченіе отъ короны его соперника Станислава Лещинскаго. Въ это время Польша на Югѣ своихъ владѣній граничила посредствомъ воеводства Подольскаго съ Бессарабією, посредствомъ же Брацлавскаго и Кіевскаго съ Русско-Запорожскою областью, на земляхъ которой Россія постепенно устраивала крѣпостцы, села, а послѣ и цѣлыя колоніи Сербскія. Небольшія рѣчки: Спнуха, Кодыма, Впсь и Тясьмина составляли эту послѣднюю границу. На всемъ пространствѣ отъ Каменца Подольскаго, единственной пограничной крѣпости (только съ 1699 года и Карловицкаго трактата отъ Турціи возвращенной), до Крылова на Днѣпрѣ, правительство Польское неимѣло, можно сказать, ни одного клочка земли; ибо казенныя имѣнія, т. е. староства, всѣ были отданы вельможамъ или ихъ родственникамъ, въ награду

за истинныя и мнимыя службы и съ условіемъ содержанія на ихъ счетъ региментовъ или хоругвь (отрядовъ) кавалеріи, или пѣхоты, для защиты границъ отъ Ногайцевъ и козаковъ. Это войско съ упомянутою кавалеріею народовою т. е. на свой счетъ служащимъ дворянствомъ коего часть именуемая *партія Украинская*, находилась въ упомянутыхъ выше трехъ пограничныхъ воеводствахъ, составляло всю военную силу Польши на Югѣ, и то болѣе номинальную, нежели существенную. Богатѣйшіе вельможи: Потоцкіе, Ржевускіе, Браницкіе, Мишехъ, князья Любомпрскіе, Сангушки, Радзивиллы, Яблоновскіе, Чарторійскіе, были вмѣстѣ и старостами — оберегателями границы Украинской. Ихъ управители: въ Немировѣ, Савраи, Умани, Корсуни, Чигринѣ, Черкасахъ, Смилой, Грановѣ, Тарговицѣ, Лясанкѣ, и другихъ пограничныхъ или близкихъ къ границѣ мѣстечкахъ и селахъ, были комендантами этихъ постовъ и назывались *губернаторами*. Разумѣется всѣ они были дворяне и очень часто военные. Во всякомъ такомъ главномъ мѣстѣ (*włosci*) былъ родъ укрѣпленнаго господскаго дома, съ башнею и пушками, или по крайней мѣрѣ *лямусомъ* (*latus*), т. е. четвероугольнымъ магазиномъ съ казармами внизу и стрѣльницами. Но въ 1750 году опасность отъ гайдамакъ сдѣлалась столь велика, — что дворянство Брацлавскаго воеводства, собравшись въ Винницѣ, опредѣленіемъ (*laudem boni ordinis*), 17 Сентября 1750 года, назначило: не ожидая помощи отъ

короны, составить милицію, которую содержать отъ дворянства ¹. На основаніи этого положенія всякій помѣщикъ, въ домахъ своихъ, которые назывались замками, имѣлъ всегда цѣлый полкъ, сотню или хотя десятокъ, сообразно съ своимъ могуществомъ, конныхъ *козаковъ* (ибо такъ всегда называли это войско), одѣтыхъ въ мундиры по цвѣту (*барва, barwa*) своего герба и съ знаменами, на которыхъ изображались шифры или гербы ихъ фамилій. Кромѣ того въ самомъ концѣ XVI столѣтія, а именно конституціею 1590 года (fol. 527 tit. porządek strony Nizowców i Ukrainy), учреждены были особые *смотрители* (*dozorcy*) границъ со стороны козачества. Они зависѣли отъ гетмановъ великихъ коронныхъ, и занимались только тѣмъ, чтобы наблюдая за Запорожьемъ, о всѣхъ ихъ своевольствахъ или набѣгахъ доносить немедленно правительству и принимать мѣры къ ихъ укрощенію. Последнимъ такимъ смотрителемъ былъ уже въ 1748 и 1749 годахъ, весьма памятный Запорожцамъ Уманскій полковникъ *Станиславъ Ортынский*, о которомъ мы упоминаемъ ниже.

Со стороны Россіи, границу содержали Русскіе гарнизоны въ небольшихъ укрѣпленіяхъ *Орловскомъ* (или Орликѣ нынѣ Ольвіополь) противу Богополя, *Архангелородѣ* (Новоархангельскѣ) противу Тарговицы, и *Крыловѣ* противу мѣстечка

---

¹ Въ приложеніяхъ подъ № 5-мъ, помещаемъ отрывокъ этого *Laudum*.

сего-же имени въ Польской Украинѣ¹. Но еще болѣе берегли Русскую грань Запорожскія паланки, Бугогардовская и Ингульская, которыя отъ устья Синюхи въ Бугъ съ одной, и отъ впаденія въ него Ингула съ другой стороны, содержали по всему пространству степи: шанцы, пикеты и разъѣзды, доходившіе отъ Александръ-шанца (нынѣ Херсона) до Кременчуга. Главные Русскіе посты были въ Орликѣ и Крыловѣ.

Чтобы имѣть понятіе о вооруженіи и устройствѣ пограничныхъ Польскихъ губернаторствъ, опишемъ подробно одно, именно Уманское, какъ чаще другихъ съ Запорожьемъ сношенія имѣвшее. Всѣ наши свѣденія заимствуемъ изъ рассказовъ *Вероники Кребса*, о которой говорили выше и изъ разныхъ фамильныхъ архивовъ, которые удалось намъ видѣть въ 1842 и 1843 годахъ. Но прежде считаемъ долгомъ сказать два слова о самомъ краѣ или такъ называемой *Уманской волости*, ибо она въ нашей исторіи и въ сношеніяхъ съ Запорожьемъ играла главную роль.

Первое извѣстіе письменное или документальное объ Уманѣ, нашли мы въ нѣсколькихъ актахъ 1609 года. До того знаемъ только, что эти земли въ XV столѣтіи были жалованы отъ великихъ князей Литовскихъ *Семену Кошки*, и другимъ Русскимъ дворянамъ и земляникамъ, т. е. помещикамъ. Въ 1609 году, такъ называемая Уманская

---

¹ Всѣ эти укрѣпленія сооружены едва въ 1743 году.

пустыня (Pustynia Humańska) со всѣми къ ней принадлежащими урочищами, находившаяся, по словамъ документа, въ воеводствѣ и староствѣ Брацлавскомъ, привилегією т. е. грамотою короля Сигизмунта III, отъ 13 Мая 1609 года, пожалована старостѣ Винницкому и Брацлавскому *Валентину Александру Калиновскому*. Въ томъ же году, четыре королевскіе комиссара (rewizorowie) пустыню эту осматривали, размежевали и сдѣланный ими *обводъ* т. е. разграчченіе оной законнымъ порядкомъ, грамотою 11 Апрѣля 1609 года былъ утвержденъ. Такое-же *утверждение* этой пустыни для волости постепенно давали грамоты королевскія 1618 года 26 Апрѣля, и 1642 г., 25 Марта, — сія послѣдняя Владиславомъ IV. Основываясь на этомъ *обводѣ* можно сказать, что Уманская волость занимала огромныя земли, доходившія съ одной стороны до *Синей-воды* (рѣки Синюхи) или такъ называемаго *Чернаго Шляху*, т. е. Югайской границы; съ другой, до рѣчки Удыча впадающаго съ востока въ Бугъ; съ третьей наконецъ, до основаннаго въ 1550 году Брацлавскаго городка¹. Этотъ *Черный Шляхъ*, называется во всѣхъ документахъ двумя *Татарскими дорогами* (Drogi Tatarskie) *Криво-Саровская* или *Криво-Сарайская* и *Удыцкая*, сія послѣдняя проходила

---

¹ Князь Богусъ Федоровичъ Корецкій, воевода Волынскій и проч. основалъ два замка: въ 1530 г. Брацлавскій, а въ 1572 г. Винницкій.

мимо озера Удычь, нынѣ и слѣдовъ не оставившаго по себѣ, но которое было гдѣ-то около мѣстечка Шаулихи и было окружено многими деревьями. Калиновскіе вѣроятно были первыми основателями города Умани, хотя положительнаго акта на то не имѣемъ. Имя города производятъ отъ небольшой рѣчки близь него текущей, которая издревле называлась *Гуманкою* или *Уманкою*. Они и какъ помѣщики и какъ старосты были защитниками южныхъ границъ и вели почти постоянную войну съ Татарами и козаками. 28 Мая 1648 года *Мартынъ Калиновскій* сынъ упомянутаго Валентина, воевода Черниговскій и Гетманъ Польскій короцный, въ сраженіи съ козаками подъ Корсуномъ (Кіев. губ.) попался имъ въ плѣнъ. Въ 1654 году, войска Царя Алексѣя Михайловича, соединясь съ козаками, имѣли съ Поляками кровавую битву подъ самою Уманью, безъ пользы для обѣихъ сторонъ. Въ 1652 году, тотъ-же Калиновскій, въ сраженіи съ козаками подъ Батогомъ, лишился жизни. Въ 1672 году Умань вмѣстѣ съ частью Подольской Украины захвачена Турками и знаменитый Гетманъ Собѣсскій (въ послѣдствіи король Іоаннъ III), осадилъ этотъ замокъ и взялъ его приступомъ.

Родъ Калиновскихъ владѣлъ Уманскою пустынею, уже порядочно заселившеюся, до 1726 года. Дочь Мартына Калиновскаго *Елена* вышла за мужъ за *Якова зѣ Рацибору Моритына*, воеводу Сендомирскаго, и всѣ свои отъ отца наслѣдованныя

имѣнія, въ томъ числѣ Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и 40 другихъ, передала « другу « своему и родственнику *Станиславу Потоцкому*, « стражнику коронному », — съ собственнаго его согласія, — какъ сказано въ данной. Вотъ какииъ образомъ Потоцкіе сдѣлались помѣщиками въ Украинѣ и сосѣдями Запорожцевъ. До сихъ поръ они были землевладѣльцами въ Чермной Русси, въ Белзкомъ воеводствѣ, гдѣ ихъ *инъздомъ* былъ *Потокъ*, а резиденціею замокъ въ *Крыстынополѣ*. Другая часть имѣній Калиновскихъ, чрезъ родство съ богатѣйшимъ домомъ *Сынявскихъ*, въ томъ числѣ м. Тульчинъ, досталось также Потоцкимъ. Сынъ Станислава, *Францъ-Салезы Потоцкій*, воевода Кіевскій, былъ такимъ образомъ около 1750 годовъ, владѣтелемъ въ обѣихъ Украиннахъ: Кіевской и Подольской, до 50,000 семействъ поселянъ, безмѣрныхъ земель и лѣсовъ.

Частые набѣги Татаръ (Буджацкихъ Ногаевъ), а еще болѣе гайдамакъ на Украинну, были причиною, что Умань, какъ пограничный укрѣпленный городокъ, терпѣлъ многократныя нападенія, осады, штурмы, подвергался пожарамъ и грабежамъ. Въ 1760 году онъ представлялъ одни развалины и графъ Потоцкій рѣшился его отстроить и укрѣпить вновь. Мы имѣемъ довольно подробное его описаніе, сдѣланное въ 1760 году, и сообщаемъ его читателямъ въ надеждѣ, что оно обратитъ ихъ вниманіе.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

A B C D. Местность около м. древний Монах
 E. Преподобный Митрофан.
 F. Монастырь м. Никита около
 G. Преподобный Давыдов.
 H. М. Монах
 I. М. Вокров.
 K. М. Монахский монастырь в м. д.
 L. М. Монахский монастырь
 M. М. Монахский монастырь / монастырь / монастырь.
 N. М. Монахский монастырь.
 O. М. Монахский монастырь в 1768 г.

Hammer he may be. Anvil. Text at 250 words.

● 2010年10月10日

509 *Drum*

Городъ Умань лежащій надъ рѣкою Уманкою, на большомъ возвышеніи и огражденный со стороны предмѣстій оврагами, въ этомъ небольшомъ объемѣ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ; среди города *зѣмокъ* (zamek), т. е. господскій домъ, съ большимъ каменнымъ магазиномъ и службами, былъ еще укрѣпленъ другимъ валомъ и палисадами. На верхнемъ этажѣ магазинъ имѣлъ башню съ бойницами. Изъ зѣмка двое воротъ вели: одна въ такъ называемый *Новий-городъ* (Nowe miasto), а другая къ оврагу со стороны предмѣстія *Бабанки*. У всякихъ воротъ стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства¹. Гарнизонъ состоялъ изъ козаковъ, т. е. одного коннаго полка въ 2,000 человекъ, набраннаго изъ людей, принадлежащихъ къ имѣніямъ гр. Потоцкихъ; 5 семействъ (dymów), давали одного козака, но за то освобождался отъ всякихъ работъ и повинностей. Начальникомъ ихъ былъ полковникъ по выбору помѣщика; полкъ раздѣлялся на 3 отряда командуемые сотниками, и имѣлъ свои знамена, которые носили хорунжіе большею частью изъ дворянъ. Сотники, эсаулы и атаманы избирались изъ среди козачества, имъ самымъ. Они-то отвѣчали предъ владѣльцемъ за вѣрность и покорность войска. Остальной гарнизонъ составляли: сотня пѣшихъ козаковъ, которыхъ называли *лизнями* (liźnie,

---

¹ Положеніе древняго города хорошо обозначено на прилагаемомъ здѣсь планѣ, литеры: А. В. С. D.

улитки); ихъ употребляли въ мирное время для службъ и посылокъ, а въ тревогу вмѣстѣ съ козаками противу гайдамакъ, въ чемъ они были очень искусны; — и 60 чел. дворянъ составлявшихъ корпусъ тѣлохранителей и внутреннюю оборону замка. Полковникъ вмѣсто жалованья получалъ какое нибудь имѣніе, въ пожизненное владѣніе; сотники, нѣсколько дворовъ съ нужнымъ числомъ земли и крестьянъ. Въ парадѣ, полку предшествовала музыка, состоящая изъ трубъ, литавръ и барабановъ; знамена въ Уманѣ были голубыя съ изображеніемъ золотого патріаршаго креста, герба Потоцкихъ. Войска одѣты были слѣдующимъ образомъ: кунтуши и шаравары голубые, жупаны (зипуны) желтые, еломы (шапки) желтые же, отороченные черными крымскими смушками. Поясы кожаные; на кожаныхъ перевязяхъ висѣли: съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, съ другой лядунка съ пулями, кремнями и пр. Ремни были украшены мѣдными бляхами у козаковъ и серебряными у сотниковъ. Ружье, 2 пистолета и пика составляли ихъ вооруженіе; сабля, принадлежность дворянства, носили: полковникъ, сотники и хорунжіе. Лошади были одношерстные по сотнямъ. Народъ былъ отличный, говоритъ г-жа Кребсъ, видный и на такихъ лошадяхъ, что иной государь не постыдился-бы такой кавалеріи. Для пріученія козаковъ и гарнизона къ военному ремеслу, дѣлался ежегодно смотръ (porisy), обыкновенно въ праздникъ Св. Троицы и продолжа-

лись съ понедѣльника до пятницы. Къ этому смотру собиравсь всѣ сотни козаковъ и даже отдѣльныя команды, расположенныя по имѣніямъ. Въ замкѣ была особая комната называемая *коменда*, (*komenda*, штабъ), въ которой хранились знамена, прапоры, литавры и трубы: почетный караулъ всегда стоялъ у дверей этой комнаты. Въ день смотра, знамена выносились торжественно на площадь, войска становились въ боевой порядокъ и маневры начинались. Они состояли изъ ученія, турпировъ (*gopitwy*), стрѣлянія, маршовъ и проч. Все оканчивалось прѣшествомъ; всякая сотня садилась за столъ отдѣльно, подъ начальствомъ своей старшины, и тогда бандуристы своими пѣснями и думами, восхваляя гостей, иногда приводили ихъ въ самое восторженное состояніе¹.

Начальство Уманскаго замка и волости (*Zwierzchność Zamkowa*), состояло изъ *коммисара*, т. е. главнаго управителя, который вмѣстѣ былъ и губернаторомъ цѣлой волости и комендантомъ города Умани; казначея (*podskarbi*), повѣреннаго по дѣламъ (*plenipotent*), и козачьяго полковника. Нѣсколько меньшихъ чиновниковъ (*officialisci*), занимались канцеляріею и службою по хозяйственной

---

¹ Эти пѣсни производили на козаковъ такое впечатлѣніе, что губернаторъ Уманскій *Младановичъ*, запретилъ бандуристамъ пѣть думы о Хмѣльницкомъ. Въ особенности восхвалялись козаки пѣснею о Савѣ:

« Ой булъ Савѣ въ Немировѣ
« Въ Ляховѣ на обиди...

которая прилагается въ прилож. № 4-й.

части. Отрядомъ дворянства командовалъ поручикъ регулярныхъ войскъ, или народной гвардіи. Часть полка въ 300 чел. съ однимъ сотникомъ и знаменемъ, отправлялась на цѣлый годъ для почетныхъ карауловъ и эскорта въ *Кристинополь*, ибо тогда не только магнаты подобные *Потоцкимъ*, но и средне-богатые помѣщики, безъ гвардіи (*roszet*) не могли существовать; въ малѣйшую поѣздку, цѣлые десятки гайдуковъ и козаковъ вездѣ ихъ сопровождали. Ни одинъ комиссаръ, казначей и проч. опредѣленнаго жалованья не получалъ, но вмѣсто того пользовался по-смерть арендою, т. е. доходами отъ имѣнія на то имъ жалуемаго, которое за усердную службу, по милости помѣщика, дѣлалось иногда вѣчною собственностью вѣрнаго *дворжанина* (*dworzanin*, придворный).

Всѣ подробности сказанныя здѣсь объ *Уманскомъ* помѣстьи, съ весьма немногими переменами мундира или *барвы* (просто *ливерн*), гербовъ и числа милиціи, можно сказать обо всѣхъ другихъ пограничныхъ и даже внутри королевства находившихся староствахъ. Тѣ-же формы, то же управленіе, тѣ-же козаки и то-же вооруженіе.

Представивъ такимъ образомъ взаимное положеніе сосѣдей, ибо о *Запорожьи* сказано уже довольно подробно въ своемъ мѣстѣ¹, должно упомянуть теперь о тѣхъ сношеніяхъ, которыя происходили между ними. Сношенія эти были или

---

¹ *Исторія Новой Сѣчи* и проч. Одесса, 1841. 8°.

дружескія или вражьи, оба равно часты, только первыя явились гораздо позже. Сношенія непріятельскія «добраго козачества», «славнаго товариства», «славнаго войска Запорожскаго», — съ «вражьими Ляхами, съ Лядскою землею, съ католиками вовколаками», были столь-же древни, какъ само существованіе Запорожской общины. Ихъ всегда раздѣляла вѣра, языкъ и происхождение; не связало братство войны и шляхетства въ дни королей Сигизмундовъ Ягеллонскихъ и Стефана Баторія, — и на вѣки-вѣковъ разсорила Унія. Со времени гоненій за вѣру и неслыханныхъ казней героевъ козачества, мучениковъ православія, уже никогда не думалъ козакъ о сближеніи съ Ляхомъ. — «Кровь Лядская и кровь Русскаго человѣка, т. е. козака, не иначе могла быть вмѣстѣ, думали Украинцы, какъ на полѣ битвы, или въ пожарѣ и грабежѣ наѣздовъ». — Даже любовь и супружество не соединяли ихъ, и ничего больше добрыя матушки и нѣжныя супруги Польскія не боялись, какъ вліянія *вечерницъ* (вечернихъ собраний) и черныхъ глазъ Украинскихъ дѣвъ, называемыхъ всегда волшебницами (*czarownice*), на сердца мужей и сыновъ, служившихъ на Украинской границѣ. Вотъ понятія шляхты и козачества; о сближеніи ихъ съ Запорожьемъ, слѣдственно и говорить нечего. Вотъ начала вѣчной, неумолимой борьбы между ними, вотъ причина *наѣздовъ* (*zajazdy i najazdy*), со стороны Поляковъ, — вотъ наконецъ источникъ гайдамацтва со стороны Рус-

скихъ, (т. е. Мало-Русскихъ) поселянъ и самыхъ Запорожцевъ.

Подъезды и *наезды* были ничто иное, какъ особаго рода *охота* молодыхъ Польскихъ дворянъ, офицеровъ пзъ королевской или какой нибудь пограничной помѣщичьей гвардіи, которые подъ предлогомъ охраненія предѣловъ или наказанія грабителей, пускались въ степь, т. е. въ Запорожскія земли, въ которыхъ обходились они такъ, какъ въ завоеванной странѣ. Жечь Запорожскія села и зимовники, захватывать ихъ скоть или табуны лошадей, убивать или брать въ плѣнъ козаковъ, считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Захваченные *молодцы* Нпзовые (*mołojcy niszowi*), торжественно отправлялись въ Смилу, Умань, Чигринъ и другіе замки и тамъ безъ дальней расправы, по приговору губернаторовъ вооруженныхъ Магдебургскимъ и городскимъ правомъ (*jure gladii*), прямо отправлялись на висѣлицу или на колъ, среди грома пушекъ и звука литавръ. Взаимно Запорожцы, которые видѣли съ одной стороны паспльное обращеніе православныхъ церквей въ Уніятскіе или Латинскіе костелы, нарушеніе правъ и *вольностей* (землевладѣнія) Русскаго народа (обптавшаго въ Украинѣ), введеніемъ жидовъ и раскольниковъ, отдачу Еврееямъ на откупъ виной и пивной продаж, соли, рыбныхъ ловлей, перевозовъ и даже, въ поруганіе святыни, отдачу въ откупъ Св. требъ при церквахъ и монастыряхъ православныхъ; — съ другой, опасаясь строгости Рус-

скаго правительства и презирая ничтожную личную месть, пускали сами, разумѣется тайно отъ старшины, или водили на Польшу гайдамацкія шайки. Отчаянныя головы между козаками, согласивъ съ собою цѣлыя толпы подобныхъ-же товарищей, называли себя *ватажками*¹ и даже полковниками; и такъ безъ вѣдома Коша и куренной старшины, а часто быть можетъ и съ тайнаго потворства атамановъ, пускались въ походъ. Имъ всегда помогали Польскіе поселяне Русскаго происхожденія, богатые и бѣдные, ибо считая себя сильнѣе своихъ владыкъ, ненавидѣли и презирали ихъ. Запорожцевъ-же, а въ особенности гайдамацкихъ ватажковъ, считали они героями степи и молодечества. Въ началѣ быта Запорожскаго, нѣтъ сомнѣнія, эти степные герои, были истинные поборники православія и они дѣлали Полякамъ зло пзъ одной національной и религіозной мести. Таковы были подвиги во времена войнъ Хмѣльницкаго: Павлюка, Морозенка, Лободы, Полторакожуха, Нечая, Кривоноса и многихъ другихъ, которыхъ гайдамацтво было освящено высокою цѣлю — освободиться: «зподъ пга Лядскаго Египетскаго». Всѣ почти они какъ истинные мученики положили свои буйныя головы на плахѣ, или на полѣ битвы, но все таки они «до грунту зруйновали Лядскую землю». Объ этихъ-то походахъ и сборищахъ го-

---

¹ О «Ватажкахъ» смотри въ *исторіи Новой-Сѣчи* главу IV-ю 1-й части, стр. 221.

ворять народныя думы и пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

« Славна стала, славна стала
Та Чигринска рада, (совѣтъ)
Що всіей Украинѣ
Далася порада (пособіе).

* *

« Славна стала, славна стала
Та Чигринска Сича,
Що побила Католяковъ,
з'Подоля з'Паричя '».

Эти благородныя чувства націонализма, произвели наконецъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи, совершенное отдѣленіе Украины отъ Польши и воссоединеніе ея съ великою Россією. Казалось, что въ концѣ XVIII столѣтія, когда уже вліяніе и сила Россіи на югѣ были прочно утверждены, когда уже козаки, въ Украинѣ Польской, гдѣ они были сильнѣе и богаче шляхты, — гордо могли подымать голову, — всѣ причины вражды взаимной должны были-бы исчезнуть: — но на дѣлѣ вышло противное. Запорожская община или Низовое войско (Nizowcy), которое въ XVII столѣтіи начало первое неравную борьбу, участвовало во всѣхъ подвигахъ и опасностяхъ братьевъ украинцевъ, и вмѣстѣ съ ними успокоилось подъ сѣнію двуглавыхъ орловъ Русскихъ; послѣ всѣхъ дру-

---

¹ Запор. Старина Ч. 1, стр. 49, *Porzecze*, *Поричье*, часть Волини между западнымъ Бугомъ и Днѣпромъ.

гихъ своихъ братій, оставило смертельную вражду къ латинцамъ. Его *регула* осталась не измѣнною, степь также осталась степью — регулярнымъ его поприщемъ; бѣдность и грубость были тѣ-же; оружія никогда не оставляло, ибо какъ передовой постъ охраняло Русскую землю противу Турокъ, Крымцевъ и Поляковъ, а потому въ толпѣ этого храбраго, но разнороднаго воинства, трудно было поселить чувства мира, тишины и порядка. Старшина войсковая, и самое войско пока было въ Сѣчи или на своихъ *постныхъ командахъ* (пикетахъ), сидѣли тихо и отправляли службу охотно и усердно. Но Запорожскія земли имѣли нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ въ пространствѣ, и на этомъ безмѣрномъ поприщѣ, жили въ Сѣчи, или уединенно зимовниками, хуторамъ и селамъ не болѣе 50,000 душъ об. пола, изъ которыхъ и половина въ войсковыхъ реестрахъ не была записана. У нихъ-то, подъ защитою козачьяго, т. е. древне-славянскаго гостепріимства (*asilium*), въ такъ называемыхъ *Днѣпровскихъ вольностяхъ*, скрывались цѣлыя сотни бродягъ и бѣгловъ, всѣхъ вѣръ и націй. Какая сила, какая власть, могли гоняться за ними въ нашихъ степяхъ, особенно въ XVII и началѣ XVIII столѣтій? Надобно знать Новороссійскія степи даже въ настоящее время, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. И вотъ явись какой нибудь злодѣй, или даже просто безпокойный, предприимчивый ватажокъ, предложивъ молодецкую охоту: сей часъ вокругъ него

сбредутся съ «балокъ, байраковъ и полевыхъ рѣчекъ» цѣлыя десятки бездомнаго и часто безыменнаго народу. «Пойдемъ братцы! панове молодцы добрые козаки, въ Лядскую поганую землю на истребленіе этой нехристи (жидовъ и католиковъ), поживитъсѣ Лядскимъ добромъ, заплатить за Русскую кровь христіанскую, за всякій православный законъ, за народъ Украинскій!» — говоритъ хитрый ватажокъ, и грубая толпа, полудикая и невѣжественная, идетъ какъ говорится, очертя голову, невѣдая что дѣлаетъ. Если и случится, что какой нибудь *дуже цѣкавий* бурлакъ, почесывая свой чубъ спросить у ватажка: «а що скажуть Панове Старшина и нашъ Осударь»? Предводитель не заикаясь отвѣчаетъ: «у мене братцы ё на то позволеніе писанное и печатанное». Какое *позволеніе*? и отъ кого? — грубая толпа не спрашиваетъ и не разбираетъ; немедленно всѣ вооружаются и вотъ ватаги въ 10, 20, даже 100 человекъ, вооружась пиками и рушницами пускаются въ *Гардь* (на Бугъ), чтобы переправиться за границу. Если паланочная старшина не пускала ихъ, то они переходятъ Бугъ въ мѣстахъ имъ однимъ извѣстныхъ, или спускаются по теченію его до Лямановъ «до Лямы на рыбалкахъ»; идутъ въ Очаковскую степь, и тамъ силою или за деньги изготовивъ себѣ дубы и лодки, уже съ «ханской стороны» набѣгаютъ на Польшу, главное поприще гайдамацтва. Къ нимъ толпами присоединяются Польскіе крестьяне (сродные вѣрою и языкомъ) —

и тогда ужасъ и бѣдствія наполняютъ южную Польшу. Крикъ: «Гайдамаки! гайдаймаки идутъ»! раздается повсюду. Посланцы скачутъ отъ замка до замка, шляхта и жидаы бросаютъ все; скрываются въ крѣпкихъ городахъ или въ лѣсахъ, по словамъ пѣсни:

....«Якъ набизишь на якого свата...
Жидъ зъ биды за ридного батька почитае
А Ляхъ «милостивымъ добродіємъ» называе».

Часто не довѣряя своимъ замкамъ и городамъ, Поляки и Жидаы бѣгутъ къ Татарамъ, или за Днѣпръ подъ защиту Русскихъ крѣпостей. Гайдамаки прогостивъ недѣли двѣ, три, уставъ отъ разбоя, грабежа, пожаровъ и пьянства — бѣгутъ назадъ въ степь, гдѣ знали что ихъ никто, или рѣдко кто отыщетъ. Въ 1745 году одинъ гайдамакъ въ судѣ войсковомъ говорилъ, что его и 15 товарищей, цѣлая Запорожская команда подъ начальствомъ войсковаго эсаула «по многимъ и долгимъ по степу поискамъ» настичь и взять не могла. Бывали примѣры, что гайдамаки открыто жилали въ Польскихъ южныхъ губерніяхъ, защищаемые чернію, видѣвшею въ нихъ любимыхъ своихъ вптязей и заступниковъ.

Вотъ правдивая картина гайдамацтва; такъ было вконцѣ и такъ продолжалось до конца XVIII столѣтія. Съ поселеніемъ въ Запорожьѣ Сербовъ и другихъ славянъ, съ постановленіемъ Нѣмецкихъ офицеровъ и комендантовъ по шандамъ и

крѣпостямъ, наконецъ съ возвращеніемъ къ православной Руси древняго ея достоянія: Кіевскаго и Волинскаго княжествъ, гайдамацтво уменьшалось по немногу и наконецъ совершенно исчезло. Но при самомъ издыханіи своемъ оно разыграло еще одну кровавую драму, о которой скажемъ ниже.

Теперь взглянемъ на дружескія связи Запорожья съ Польшею, на сношенія ихъ «по *сосѣдству и купецтву*». Эти сношенія изрѣдка существовали и до 1709 года, но въ самомъ дѣлѣ начались не раѣе второй половины XVIII столѣтія, съ воцареніемъ Станислава Августа, послѣдняго короля Польскаго, истинно желавшаго добра своему отечеству. Здѣсь торговля какъ и вездѣ, сближала сосѣдей и мы имѣемъ многіе документы, доказывающіе частыя сношенія Польскихъ губернаторовъ съ Кошемъ, и Запорожскихъ торговцевъ съ Польскими городами. Но они могли утвердиться только тогда, когда Кошевые: *Григорій Федоровъ Лантухъ*, а послѣ *Петръ Каминевскій*, истребили или усмирили гайдамакъ, этого истиннаго бича степей, прерывавшаго всякую промышленность двухъ сосѣдей. Объ этой торговлѣ намекнули мы уже въ нашей *исторіи Новой-Сѣчи* (стр. 110), здѣсь-же въ дополненіе къ уже сказанному приведемъ еще нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ.

II.

Торговля и можно сказать дружескія сношенія Запорожья съ Польшею, произошли отъ долгаго мира между этою державою и Россіею (въ концѣ XVII и большей части XVIII столѣтія) и, взаимныхъ потребностей. Польша имѣла нужду въ Запорожскихъ лошадяхъ, скотѣ, салѣ, медѣ, воскѣ, овечьей шерсти, рыбѣ, нѣхъ, мѣхахъ, а еще болѣе въ соли, добываемой въ Крымскихъ озерахъ. Запорожцамъ нужны были: Польское и Нѣмецкое оружіе, порохъ, свинецъ, водка, сукно, богатая конская сбруя (*gynsztunek*), одежда, шелковыя и бумажныя ткани, полотно и пр., въ особенности же деньги, которыхъ количество, съ запрещеніемъ ввоза серебряной и золотой монеты изъ Россіи въ Запорожье, значительно тамъ уменьшилось. Г-жа Кребсъ въ *Запискахъ* своихъ упоминаетъ, что въ ея время (1758 — 1768) на Уманскихъ ярмаркахъ много было Запорожцевъ. «Они прѣзжали», говоритъ она, «съ лошадьми, рыбою и солью и много зарабатывали, но добытыя деньги скоро издерживали на пиршества, музыку, бан-

дурнстовъ и на напѣтки. Это были люди большаго роста, сильные и богато одѣтые¹». Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ торговыхъ и дружескихъ сношеній.

Въ Іюнѣ 1761 года Корсунскій губернаторъ *Суходольскій*, имѣлъ денежные дѣла съ Запорожцами, которыхъ письменно никакъ не могъ окончить. По совѣту Кошеваго, рѣшился самъ прибыть въ Сѣчь. Но изъ предосторожности отправился прежде въ крѣпость Св. Елисаветы на ярмарку и оттуда послалъ къ Кошевому своего гонца, прося прислать ему для безопасности въ пути войсковый *перначь*². Кошевой ему отвѣчалъ: «по вашему письменному отзыву перначь войсковый для знаку посылается при семъ, и вы извольте безъ всякаго сумнѣнія въ Сѣчь Запорожскую приѣздить, а мы съ В. Д. видѣться желаемъ» (23 Іюня 1761). Хитрый Ляхъ все еще колебался и не прежде пустился въ дорогу какъ удержавъ въ крѣпости Св. Елисаветы заложникомъ, привезшаго перначь Запорожца. Но въ пути убѣдился въ своемъ не правомъ опасеніи; вездѣ, въ самыхъ глухихъ степяхъ и оврагахъ, гдѣ только встрѣчались ему За-

---

¹ Любопытно ея свѣдѣніе о торговлѣ Уманской: «Въ лавкахъ» говоритъ она, «мало было Жидовъ, а больше Грековъ и Турковъ; отъ того не только множество бакалій, но апельсины мы имѣли по 2 копѣйки, каштаны какъ желуди, пекру бочками, а семга какъ свиное сало въ большемъ количествѣ продавалась».

² Родъ желѣзнаго или серебрянаго жезла, съ колючимъ или звѣздообразнымъ набалдашникомъ.

порожскія команды или отдѣльные люди, — видъ священнаго для обитателей степи клейнота, былъ истинною защитою для путешественника не смотря на Польское его происхожденіе. Вѣроятно пріемъ и угощеніе въ Сѣчи весьма понравились Суходольскому, ибо онъ по возвращеніи во свояся, послалъ Кошевому въ подарокъ сшитыя рубашки и благодаря за гостепріимство и за перначъ, просилъ объявить въ Кошѣ: «чтобы козаки Запорожскіе «имѣли къ нему добрую приязнь и довѣренность «и бывали у него въ Корсунской губерніи на яр-«маркахъ съ лошадьми и товаромъ».

Другой сосѣдъ, Лысянскій губернаторъ *Андрей Кржимовскій*, приглашая равнымъ образомъ Запорожцевъ къ приѣзду для торговли въ Лысянскую губернію, поздравляетъ Кошеваго *Григорія Федорова Лантуха*, прославившагося истребленіемъ гайдамакъ, что онъ умѣлъ: «своевольное гультайство «строго наказывать и удерживать, отъ чего теперь «Польскіе помѣщики спокойно въ Польшѣ живя, «Господа Бога за его добродѣтель молятъ» (10 Іюня 1761).

Какой то чесникъ¹ Червоногородскій *Даніилъ Мацевичъ*, поручикъ королевской коронной гвардіи, посылая Кошевому вмѣсто подарка одинъ нумеръ Польской газеты вышедшей 18 Октября 1760 г.,

---

¹ Чесникъ, Подчасій стольникъ и др., придворныя званія въ титулахъ употреблялись Поляками вмѣсто чиновъ, которыхъ у нихъ не было.

въ которомъ описаны были побѣды Русскихъ войскъ въ Пруссіи и взятіе генералами: Чернышевымъ и Тотлебенемъ Берлина, — просить: «милостиваго соизволенія Кошевого (Алексѣя Бѣлицкаго) въ замѣнъ нѣсколькихъ кусковъ Гданскаго сукна, купить въ Запорожьи лошадей: верховыхъ, пуговыхъ и для фургоновъ». Пограничный же комендантъ Тарговицкій полковникъ *Яковъ Квяткевичъ*, входитъ въ самыя дружескія сношенія съ Запорожцами. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Кошевому говоритъ: «по милости Божьей, въ нашей области (Польшѣ), во всемъ состоитъ благополучно; въ *Палевомъ озерѣ* съ Татарами и Польскимъ краемъ нынѣ правится коммисія, а что между ними сдѣлается, о томъ вашей вельможности писать непременно. Москва благополучно съ Пруссіи маршруетъ въ свою землю; Прусакъ крѣпость Свидницу въ Цесарѣи чрезъ четверть года сильно штурмомъ и бомбами добуваетъ» и пр. (30 Сентября 1762). Взапно Кошевой въ отвѣтъ пишетъ: «У насъ ни какихъ повостей и вѣдомостей нѣтъ и состоитъ по милости вышняго «благополучно. Августѣйшая наша Монархія, «коронацію соизволила принять сентября мѣсяца «въ 22 день».

Въ 1762 году графъ *Францъ Салезій Потоцкій*, воевода и генералъ (т. е. предводитель провинціальныхъ сеймовъ) земли Кіевской, главный regimentарь войскъ партіи Украинской, староста и владѣлецъ сотни тысячъ крестьянъ на Волыни,

Подоліи, Украинѣ и Чермной-Руси, — такъ писалъ къ Кошевому Григорію Лантуху:

«Вельможный господинъ Кошевой войска Запорожскаго въ сосѣдствѣ любезный пріятель нашъ!

«Пользуясь случаемъ возложенія на Васъ по волѣ Е. И. В.¹ власти надъ войскомъ вашимъ и зная благоразумныя Ваши распоряженія къ устройству своевольныхъ людей и тѣмъ обезпеченіе мира въ краѣ нашемъ, я, поздравляя васъ съ этимъ званіемъ, желаю Вамъ долготѣняго въ войскѣ управленія. Желая кромѣ того съ вами, какъ ближайшимъ сосѣдомъ Польскаго королевства, имѣть самыя дружескія сношенія, къ чему поощряетъ меня настоящее цвѣтущее положеніе мира и тишины между государствами; въ знакъ моей дружбы прошу принять предлагаемый здѣсь вамъ подарокъ. А какъ въ наслѣдственной моей вотчинѣ Умани, моимъ стараніемъ и по Высочайшему Государя моего утвержденію, возобновлены мною ярмарки съ предоставленіемъ разныхъ преимуществъ торговцамъ всѣхъ пограничныхъ народовъ, то и прошу Васъ ясновельможный Пане, чтобы вы цѣлому Кошу объявили, чтобы Запорожцы, которые въ Польшу ѣздятъ съ лошадьми, скотомъ, воскомъ, саломъ, мѣхами и другими товарами, отправлялись за вашими паспортами въ Умань на ярмарки;

---

¹ Въ 1762 году Григорій Лантухъ, хотя очень любимый войскомъ, назначенъ былъ, не смотря на выборъ другаго, Кошевымъ по одному представленію графа Румянцева; о чемъ былъ особый указъ Монархини и универсалъ графа Разумовскаго.

откуда, еслибы тамъ своихъ продуктовъ не распро-
дали, могутъ съ паспортами управителя моей
Уманской вотчины пускаться и дальше.... и пр.»
(18 Маія 1762 г.)¹.

На это письмо присланное въ Сѣчь съ упо-
мянутымъ выше Тарговицкимъ комендантомъ
Яковомъ Гвяткевичемъ, Кошевой послалъ весьма
учтивый отвѣтъ, въ которомъ поблагодаривъ его
за подарокъ и за приглашеніе, присовокупляетъ:
«Только при томъ В. С. какъ и въ писаніи своемъ
изобразете, пріятнѣйше прошу, кому надлежитъ
дать приказаніе: чтобы приѣзжающимъ отсель За-
порожскимъ козакамъ, каковыхъ либо обидъ отъ
подчиненныхъ Вашихъ причиняемо не было, но
оказываюбъ сосѣдственное во всемъ благодѣя-
ніе»... (1762 г., Іюня 17).

Но эти дружескія сношенія были рѣдки и то
въ немногіе годы тишины и согласія. За то какую
длинную лѣтопись распрей, ссоръ, насплій, гра-
бежей и убійствъ можно было-бы представить съ
обѣихъ сторонъ. Изчислимъ нѣсколько только при-
мѣровъ.

Вообще говоря, Запорожцы представляли намъ
больше примѣровъ жалобъ на обиды Польскихъ
старостовъ и губернаторовъ, нежели сіи послѣдніе
на Запорожцевъ. Причина тому самая простая.

---

¹ Подлинное письмо писано по Польски, варварскимъ язы-
комъ Саксонской эпохи, и я долженъ былъ подстрожно перево-
дить его. Объявленіе о ярмаркѣ прилагается въ приложеніяхъ
подъ № 8.

Гайдамаки а съ ними и Запорожцы хотя безъ зазрѣнія совѣсти грабили чумацкія ватаги, колачивали и помѣщиковъ и купцовъ, захватывали Польскія стада и чабановъ (пастуховъ), но боясь строгости Русскаго правительства и самаго Коша, отъ убійствъ остерегались, исключая весьма рѣдкіе случаи, которые изчислимъ послѣ. Поляки же не боясь вовсе своего безсильнаго правительства, не обуздываемые ни гетманами ни пограничными старостами, считали дозволеннымъ дѣломъ хватать и вѣшать и козаковъ и поселянъ и даже Сербовъ, подъ общимъ предлогомъ гайдамацтва.

Такъ въ грамотѣ Кошеваго Ивана Малашевича къ Хану Крымскому отъ 8 Мая 1734 года¹ мы находимъ свѣденіе, что и во времена краткаго но печальнаго Крымскаго владычества надъ Запорожьемъ, Поляки не смотря на миръ съ Турціею и Ханомъ, нашедъ нѣсколько сотъ козаковъ Запорожскихъ торгующихъ рыбою въ Брацлавѣ и другихъ польскихъ городахъ, схватили ихъ и всѣхъ перевѣшали. Крымское-же правительство не могло, или не хотѣло ни какого удовлетворенія за то требовать отъ Польши.

Въ 8 лѣтъ послѣ, а именно въ 1742 году, отрядъ Польской кавалеріи перешедъ у Тарговицы р. Синюху, отправился на земли Бугогардовской паланки, захватилъ тамъ у Мертвоводья цѣлую козачью усадьбу, сжегъ полковничій зимовникъ,

---

¹ *Исторія Новой-Сѣчи*, стр. 391.

поселился на этомъ урочищѣ и оттуда дѣлалъ безпрестанные на сосѣднія мѣста набѣги, отъ чего непрерывные грабежи и убійства происходили. Когда дѣло это дошло до свѣденія Императрицы, Русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ приказаніе сдѣлать о томъ запросъ Польскому двору и потребовать удовлетворенія. Вслѣдствіе сего Польскій посолъ, великій обозный Литовскій *графъ Огинскій*, подалъ въ Петербургъ объясненіе, что нападеніе Поляковъ на Запорожскія земли произошло въ отмщеніе за ихъ гайдамацкіе набѣги и за убіеніе въ Немировѣ, служившаго въ Польскомъ войскѣ козака *Савку Чалаго*, бывшаго Запорожца. Это лице такъ замѣчательно и такъ живо изображаетъ время и мѣста гдѣ онъ подвизался, что мы должны представить о самомъ событіи нѣсколько подробностей.

Еще въ Маѣ 1735 года, основатель Украинской линіи и Кіевскій генераль-губернаторъ *графъ фонъ-Вейсбахъ* писалъ къ Запорожцамъ, требуя, чтобы они послали въ Польскую Украину свою команду подъ начальствомъ искуснаго старшины, для поимки извѣстнаго вора *Савки Чалаго*, который будучи Запорожцемъ, съ шайкою гайдамакъ разбойничалъ на границѣ и пріобрѣлъ себѣ самую ужасную славу. Этотъ ватажокъ былъ приверженцемъ Орлика и бѣжавъ изъ Крымскаго Коша, выдавалъ себя за *согласника* короля Станислава Лещинскаго, а потому въ особенности грабилъ имѣнія помѣщиковъ Саксонской партіи, увѣряя

притомъ, что онъ дѣйствуетъ по волѣ всего Запорожья. Чтобъ оправдать себя отъ столь гнусной клеветы, Запорожцы послали одного своего эсаула съ козаками въ Немировъ и Умань, зная что тамъ чаще всего подвизался Чалый, — съ намѣреніемъ поймать его. Но хитрый ватажокъ, узнавъ отъ своихъ друзей на Запорожьѣ, о посылкѣ за нимъ погоня, ушелъ изъ Польши въ Балту и скрылся въ Бессарабіи. Его эсаулъ или намѣстникъ *Василій Шутка* и три гайдамака, всѣ простые Польскіе поселяне, были пойманы и повѣшены въ Сѣчѣ. Вскорѣ война съ Турціею заняла всѣ умы, и о Савкѣ Чаломъ забыли. Пользуясь этимъ, ватажокъ навербовалъ себѣ въ Молдавіи и на низовьяхъ Днѣпра новую шайку изъ Цыганъ Молдованъ, Польскихъ поселянъ и Запорожскихъ рыбаковъ (аргатовъ), подъ покровительствомъ преступнаго (и наказаннаго въ Кошѣ) Буго-Гардоваго Запорожскаго полковника *Пхайки*, и обратилъ все свое оружіе равно какъ на Польшу, такъ и на Запорожье. Между тѣмъ партія Лещинскаго пала, гетманъ корошій Францъ Потоцкій и весь богатый родъ его, желая возстановить миръ въ своихъ безмѣрныхъ имѣніяхъ на Украинѣ, употребили всѣ усилія, чтобы поймать Чалаго и примѣрно наказать его. — Всѣ поиски были напрасны. Всякій пойманный гайдамакъ называлъ себя Савкою Чалымъ, а истинный подвизался по прежнему. Тогда вздумали употребить противу него хитрость. Гетманъ чрезъ Жидовъ узналъ, что Савка Чалый

влюбленъ искренно въ одну жительницу Немирова и тамъ часто проводить цѣлыя дни, съ однимъ только слугою, безъ своей дружины, надѣясь на симпатію всѣхъ мѣщанъ и поселянъ мѣстечка. Тутъ его окружили и поймали. Ему предложили: или быть, какъ гайдамаку, посажену на колъ, или принять службу въ Польской милиціи, и за хорошую плату служить противу козаковъ и Россіи. Выборъ былъ легокъ. Савка Чалый сдѣланъ атаманомъ, женился и былъ лучшимъ путеводителемъ Польскихъ подъѣздовъ на Запорожье, — которое онъ, боясь въ немъ смертной казни, столько-же ненавидѣлъ какъ и Польшу, хотя въ Кошѣ былъ его отецъ и могила прадѣда, бывшаго Кошевымъ *Якова Чалаго*. Одинъ такой наѣздъ попалъ въ Гардъ, и Савка разорилъ станъ Запорожскій, походную церковь и даже самый *гардъ*, т. е. плотины для лова рыбы. За этотъ подвигъ, Гетманъ даровалъ ему село *Рубанъ* въ потомственное владѣніе. Въ 1740 году Запорожцы узнали, что Гардъ разрушенъ Чалымъ; — чтобы отмстить измѣннику, одинъ Запорожець именемъ *Игнатъ Голый* взялся поймать его въ самой Польшѣ и такъ ловко исполнилъ это дѣло, что живаго, хотя изрубленнаго ватажка, привезъ въ Сѣчь, — гдѣ по суду войсковому онъ былъ засѣченъ кіями до смерти у позорнаго столба. Объ немъ народъ поетъ много пѣсней, — въ одной изъ нихъ говорится:

«Ой булобъ тобі Пане Саво, Гардѣ не руйіноваты,
«Колы хотивъ Запорожцивъ въ вумы собі брати».

Его жена и сынъ спаслись. Въ 1790 году, одинъ членъ сейма представилъ этого сына палатамъ, какъ жертву привязанности Савки Чалаго къ Польшѣ. Сеймъ даровалъ ему дворянство и имѣніе въ Чигринскомъ староствѣ¹.

Въ это время (1746–1747) число жалобъ на Польскіе наѣзды умножилось до такой степени, что Русское правительство рѣшилось учредить особую пограничную комиссію для разсмотрѣнія взаимныхъ притязаній. Съ Русской стороны, назначены: полковникъ и пограничный комиссаръ *Мироновъ* и Кіевского гарнизона подполковникъ *Рославлевъ*; съ Запорожской, старшины: *Николай Бато*, *Василій Зеленскій* и *Дмитрій Романовскій*; съ Польской, величайшій ихъ врагъ и истребитель полковникъ Уманскій *Станиславъ Ортыскій*. Кошевой *Василій Григорьевъ* по прозванію *Сычъ*, въ 1750 году представилъ Кіевскому генералъ-губернатору Леоптьеву, обширный регистръ жалобъ и претензій своего войска на Польшу и въ немъ показалъ что съ 1733 года, т. е. возвращенія Запорожцевъ подъ Русскую державу, по 1750 годъ, не прошло ни одного года чтобы Поляки не повѣспли, или не изрубили одного или многихъ Запорожцевъ. Мы

¹ Одну превосходную пѣснь о Савкѣ Чаломъ, г. Срезневскій помѣстилъ въ своей *Запорожской Старинѣ*, Ч I, стр. 69; другую Максимовичъ; жаль только, что оба они относятъ ее до начала XVII столѣтія къ гетманству Конашевича Сагайдачнаго. Мы полагаемъ, что теперь ее легко причислить къ пѣснямъ первой половины XVIII столѣтія. Пѣснь приведенную Срезневскимъ, помѣщаемъ въ приложеніяхъ подъ № 4.

имѣемъ примѣры, что раненные или измученные дорогою козаки, возвращавшіеся изъ Днѣстровскаго походу противу Турокъ, и обязанные вмѣстѣ съ другими Русскими войсками, (корпусовъ Миниха и Лассія), проходить чрезъ Польшу, были тамъ безчеловѣчно умерщвляемы. Такъ въ 1738 году отрядъ козаковъ въ 102 чел. разныхъ куреней, зашелъ въ Уманскую губернію для покупки хлѣба. Комендантъ Уманскій *Антонъ Табанъ* пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ на кушанье и тамъ хитростью отнявъ у нихъ оружіе и лошадей, всѣхъ ихъ публично на рынкѣ перевѣшалъ, а имущество заграбилъ. Въ томъ же году другая партія изъ того же походу возвращавшаяся, въ числѣ 18 козаковъ Ведмедовскаго куреня, остановилась въ м. Стеблевѣ (Подол. губ.) для покупки припасовъ. Поляки окружили ихъ, схватили и отвели въ Немировъ, гдѣ тамошній губернаторъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ. Въ 1739 году, Смѣлянскій губернаторъ торгующихъ тамо козаковъ 7 чел., Чигринскій 7, а Богуславскій 2-хъ смерти предалъ, по собственному своему суду и приговору, въ противность Гржимутовскаго договора Польши съ Россіею, по которому всѣ подобныя дѣла должны были предаваться слѣдствію довѣренныхъ отъ обѣихъ державъ комиссаровъ.

— Такимъ образомъ съ 1733 по 1750 годъ было повѣшено или убито Поляками: 202 Запорожскихъ козаковъ, захвачено у нихъ 504 лошади, 29 воловъ, возовъ съ рыбою и товарами 78, а всего имущества на 27,513 рублей 92 коп.

Другой Кошевой *Якимъ Игнатовичъ*, въ особенности жаловался на Уманскаго полковника и коменданта *Станислава Ортыискаго* (Stanislaw-Kostka Ortyński), который «съ злѣйшею партіею своею безпрестанно наѣзжалъ на Запорожскія земли и найденныхъ тамъ козаковъ, скотарей и табунщиковъ убивалъ, кололъ, ранилъ, захватывалъ въ плѣны, а стада ихъ и особенно табуны лошадей увозилъ съ собою въ Польшу». (Изъ рапорта генералу Леонтьеву 12 Октября 1749 года). Въ числѣ Польскихъ дворянъ на границѣ жившихъ, особенными шалостями и жестокостями къ Запорожцамъ, отличался поручикъ регулярныхъ войскъ партіи Украинской, *Михаилъ Закржевскій*, который уже не на границы, а внутрь земель Запорожскихъ, пускался какъ-бы на охоту, съ отчаянною шайкою гайдамаковъ Польскихъ, между которыми были даже Бессарабскіе цыгане, чабаны Молдавскіе и Татары. Съ ними онъ многіе зимовники по рр. Корабельной, Ингульцу, Солоной и др. разграблялъ, козаковъ убивалъ, а стада и табуны угонялъ въ Польшу. Въ долгое царствованіе Августа III короля, войны въ Польшѣ не было, отъ того дворянство все почти номинально къ арміи приписанное, желая отличиться предъ своими соотечественниками, не имѣло на то другаго поприща какъ преслѣдованіе гайдамакъ. Такимъ образомъ всякое появленіе грабителей, или воровъ, пропажа у поселянъ людей или скота, слагалась на Запорожцевъ

и немедленно были причиною отправленія *подъѣздовъ* въ Запорожскія земли.

Равнымъ образомъ Поляки представляли въ Коммисіи пограничныя и чрезъ посла Русскаго въ Варшавѣ, что не проходило ни одного мѣсяца чтобы козаки Запорожскіе, особенно изъ Ингульской и Бугогардовской паланокъ, не дѣлали набѣговъ на предѣлы Польскіе. Разумѣется что въ Польшѣ всякаго гайдамака, хотя-бы онъ былъ изъ Украины при-Диѣстровской, называли Запорожцемъ чтобы можно было потребовать отъ Коша удовлетворенія. Между прочимъ одна партія гайдамакъ, въ которой точно участвовало десятокъ Запорожцевъ, набѣжавъ въ Сентябрѣ 1748 года на табуны принадлежащіе къ двумъ эскадронамъ панцыриковъ партіи Украинской, командуемыхъ ротмистромъ *Стецкимъ* ловчимъ Кіевскимъ, захватили сто шеренговыхъ лошадей и угнали ихъ въ Запорожье. Одинъ изъ гайдамаковъ, пойманный на самомъ дѣлѣ, сознавшись въ преступленія, при допросѣ въ Польскомъ лагерѣ показалъ о себѣ, что онъ: «изъ дворянскаго дома *Суллистровичей* родомъ изъ села *Мокрицъ*, въ Новогрудскомъ воеводствѣ В. К. Литовскаго; что служилъ у разныхъ вельможей въ ихъ гвардіи и съ однимъ изъ нихъ генераломъ *Мокроновскимъ*, прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь подговорили его Сѣчевые козаки вступить въ Запорожское товариство, а потому онъ сѣвъ на дубы ихъ, по Диѣпру спустился до Сѣчи, гдѣ былъ принятъ и записанъ въ курень Каневскій подъ именемъ

Ивана Ляха. Оттуда онъ съ разными ватажками былъ на разбояхъ въ Польской и Татарской областяхъ, а въ 1748 году съ ватажкомъ *Пилипкомъ* пустившись на добычу, онъ съ 13 другими гайдаками ворвался въ Уманскую губернію и подъ Березкою захватилъ упомянутыхъ выше 100 лошадей. На возвращавшихся оттуда въ свои зимовники, напалъ Сѣчевой объѣздъ, который ихъ разогналъ, а лошадей отнялъ и въ войсковый табунъ отогналъ». Получивъ объ этомъ оффиціальную ноту Леонтьевъ требовалъ отъ Коша выдачи лошадей Полякамъ, а впновнымъ наказанія, по напрасно. Кошъ «пнжайше» донесъ: что виновныхъ *нигдѣ не оказалось*, лошадей въ табунѣ *никогда* было, Иванъ Ляхъ въ куренѣ Капевскомъ *никогда* не считался и пр. и пр. однимъ словомъ, комиссары Польскіе многократно жаловались, что такіа шалости Запорожцевъ суть явнымъ нарушеніемъ Гржимутовскаго трактата заключеннаго въ 1686 году, между Россією и Іоанномъ III королемъ Польскимъ и пр. — т. е. повторяя точно тоже что и Запорожцы.

Въ 1746 году *Іосифъ Брониславъ Млотовскій*, комиссаръ или губернаторъ староства Корсунскаго, жаловался генералу Леонтьеву что шайка гайдамацкая подъ начальствомъ ватажка *Федора Тарана* напавъ на село *Сальники* къ староству принадлежащее, разграбила оное, одного поселянина убвля, другаго тяжело ранила и 60 лошадей увела. Леонтьевъ отправилъ въ Сѣчь съ своимъ ордеромъ

оффиціалиста (чиновника) Корсупскаго *Маевского*, требуя отъ Кошеваго *Василія Федорова* немедленнаго удовлетворенія обиженныхъ и выдачи гайдамакъ. *Маевскій* возвратясь въ *Корсунь* объявилъ, — что онъ: «жадной (никакой) сатиѳикаціи не «одебралъ (неполучилъ), пбо всѣ атаманы, со «всѣхъ куреней собравшись на то не позволили «и самаго вельможнаго пана Кошеваго не послушали». (Іюль 1746 г.).

19 Мая 1747 года, гайдамаки напавъ на село *Колозны* близъ *Погребыщъ* (Кіев. губ.) принадлежащее стольнику *Ружанскому*, «товарищу гусарскаго (панцырнаго) знамени (т. е. полка) пресвѣтлаго королевича Польскаго *Ксаверія*» (сына *Августа III*) *Модрицкому*. Проникнувъ въ домъ владѣльца они угрожали ему поднятіемъ на копья, сожженіемъ на жаровиѣ и проч. если онъ не отдастъ всего своего имуществва. Такимъ образомъ оставивъ его въ живыхъ, домъ разграбили, лошадей увели, а сами убѣжали въ *Запорожье*¹.

Много другихъ обоюдныхъ жалобъ предложено было комисіи пограничной, но она ничего

---

¹ *Модрицкій* принадлежалъ къ щеголямъ Саксонской эпохи въ Польшѣ, и какъ предметъ достойный любопытства, опишемъ его парадъ или *мундиръ*, взятый изъ регистра заграбленнаго у него имуществва: «Мундиръ *Иовнерскій*, т. е. кармазинный (звукъ дворянскаго происхожденія), жупанъ и камзанъ, (т. е. куртка) сафирнаго цвѣта; кунтушь и жупанъ (размариноваго) зеленаго цвѣту; шуба того-же цвѣта, подшита лисьимъ мѣхомъ и обложена сѣрыми Крымскими овчинками, а спурки ея золотые». Одна сабля имѣла на эфесѣ такую надпись: «Благословенъ Богъ Израилевъ, научающій руки моя на ополченіе и пр.».

рѣшить не могла. Съ одной стороны Поляки ссылаясь на древнія конституціи, (постановленія сеймовъ), признававшія козаковъ врагами государства, а ихъ, (т. е. гайдамацкіе) наѣзды, нарушеніемъ правъ народныхъ, слѣдственно достойные казни а не расправы, на ихъ претепзіи отвѣчать не хотѣли¹. Съ другой стороны Кошъ Запорожскій, хотя въ Сѣчѣ и по паланкамъ дѣлалъ благоразумныя распоряженія противу гайдамакъ² и пойманныхъ воровъ и разбойниковъ казнилъ смертию, или щедро награждалъ кіями и тяжкою работою, но къ суду, особенно Польскому, виновныхъ отсылать не хотѣлъ, ибо въ душѣ похвалялъ ихъ молодечество и ненависть къ Ляхамъ. «Что за бѣда, говорили Кошевому *батьки*—атаманы куренные, что Ляхамъ и Жидамъ достается отъ нашихъ гультаевъ, досталось колысь и намъ отъ этой нехристи». Въ 1750 году учредили другую комиссію въ Крыловѣ на Днѣпрѣ, въ которой Русскимъ комиссаромъ былъ присланный изъ сената коллежскій ассесоръ *Акимъ Литвиновъ*, а съ Запорожской старшины: *Дмитрій Романовскій* и *Григорій Якимовъ*. Сямъ послѣднимъ предстояла трудная обязанность оправдывать и защищать 212 Запорожскихъ и другихъ гайдамаковъ задержанныхъ въ Польшѣ, когда они въ истинной ихъ вишѣ были убѣждены. Но того

¹ Любопытныя объ этомъ подробности находятся въ Конституціяхъ: 1590, 1593, 1638 и 1659 годовъ.

² Три примѣра этихъ распоряженій, предлагаемъ въ приложеніяхъ подъ № 7.

требовала честь козацкая. Впрочемъ Крыловская коммисія не состоялась, ибо Польскіе комиссары, опасаясь за свою жизнь со стороны даже Украинскихъ поселянъ, къ совѣщанію неприбыли.

1750 годъ былъ весьма памятенъ Полякамъ, особенно южнымъ ихъ провинціямъ. Гайдамаки подъ начальствомъ *Харька*, *Черного* и другихъ безвѣстныхъ разбойниковъ и грабителей, сдѣлали такія нецтовства и разоренія въ Украинѣ: Брацлавской (Подол.) и Кіевской, что весь почти край сдѣлался пустынею. Иногда въ одну ночь цѣлое поколѣніе дворянъ: помѣщиковъ, поссессоровъ, управителей истребляла гайдамацкая пика, а села, дома ихъ и даже укрѣпленные замки превращались въ развалины и пепелъ. Въ одномъ семейномъ архивѣ нашли мы документы, весьма живо изображающіе это ужасное положеніе. Въ «*Laudem boni ordinis*» или постановленія дворянства Брацлавскаго воеводства, собравшагося въ Винницѣ (Подол. губ.) 17/8 Сентября 1750 года, въ которомъ оно «возблагодаривъ Бога, что въ такое «несчастное для государства время, по причинѣ «опустошеній и злодѣйствъ чинимыхъ гайдамаками, «могло благополучно собраться и совѣщаться», — «избираетъ депутатовъ въ коронный трибуналъ для донесенія королю Августу III, примату и гетману о своихъ неисчислимыхъ бѣдствіяхъ». Оно представляетъ государственнымъ палатамъ: «что воеводство Брацлавское, лежащее у трехъ границъ: Русской, Татарской и Молдавской, не

смотря на мирное время «*beata tranquillitate sua gaudere*», счастливою тишиною пользоваться не можетъ. Что своевольныя заграничныя (Запорожскія) шайки, уже не *furtivo transito* (тайно), но большими дорогами, *violente et aperte marte*, насильно и явно, съ оружіемъ въ рукахъ на край этотъ нападаютъ. Помышляя о конечномъ истребленіи и разореніи онаго, гайдамаки: города, села, замки и дома помѣщичьи, монастыри и храмы Божіи *utriusque ritus* (обѣихъ исповѣданій), наѣзжаютъ, грабятъ и жгутъ, жителей всѣхъ возрастовъ и половъ убиваютъ, какъ-бы невинною ихъ кровью желали утолить свою звѣрскую жадность». Дворянство присовокупляетъ, что такое положеніе и совершенное отсутствіе королевской военной силы, заставляетъ его составить особую земскую милицію для защиты своихъ имѣній и личности, и на то всеобщій налогъ на всѣ дворянскія, духовныя, мѣщанскія, даже еврейскія и раскольничьи имѣнія опредѣляетъ; какъ всѣ онѣ равно подвержены набѣгамъ и кровожадности гайдамацтва. Для командованія этимъ всеобщимъ вооруженіемъ избраны были: староста Романовскій *Ожджа*, главнымъ региментаремъ всей партіи Украинской, а дворяне: *Богуславъ Старжинскій* и *Илья Клитыскій*, командирами *подъздовъ* или отрядовъ. На все это требовало оно для формы утвержденія королевскаго.

Въ это-то время всѣ главные Украинскіе помѣщики: Потоцкіе, князья Любомырскіе, Чарторій-

скіе, Яблѣновскіе и Радзивиллы; графы Браницкіе, князь Четвертинскій и пр., учредили у себя по имѣніямъ особыя козацкія команды и даже полки, изъ которыхъ одинъ при описаніи Умани, нами упомянутъ во всей подробности. Эти полки и команды слушали только своихъ помѣщиковъ и губернаторовъ, не признавая ни королевской власти, ни «свѣтлѣйшихъ сеймовъ», ибо, сказать правду, въ 30-ти-лѣтнее царствованіе короля Августа III, ни одинъ изъ сеймовъ не состоялся.

Другой документъ, того-же году 11 Августа подписанный, есть протестъ регента. т. е. королевскаго прокурора Винницкаго *Антоня Мержевнскаго* о томъ: что гайдамаки, завладѣвъ Винницкимъ замкомъ (гдѣ архивы воеводства хранились), разломавъ двери въ судебной палатѣ, захватили всѣ акты, и одни разбросали, другіе изорвали или на патроны къ своимъ ружьямъ употребили; — что слѣдственно до окончанія всѣхъ бѣдствій, ни какія сдѣлки и акты не будутъ имѣть законной своей силы.

Но противъ гайдамакъ и Польскихъ и Запорожскихъ, бичемъ явился кошевый атаманъ *Григорій Федоровъ*, по прозванію *Лантухъ*, избранный въ эту должность въ 1755 году. Онъ вмѣстѣ съ войсковымъ эсауломъ (бывшимъ послѣ кошевымъ) *Петромъ Калишевскимъ*, и большими командами добраго товариства, цѣлые годы проводилъ въ полѣ, розыскивалъ бродягъ и гайдамакъ, и цѣлыя ихъ сотни перевѣшалъ въ Сѣчѣ, на *рыбалняхъ* и по большимъ

дорогамъ. Главныя пристанища гайдамакъ: с. *Вербовое*, (близъ Елисаветграда), зимовники на рѣкѣ Громоклѣѣ, и одинъ островъ на Бугѣ (около с. Мигей Херс. губ.), укрѣпленные засѣками и пушками были истреблены и разорены. Наконецъ, что почти невѣроятно, но что впрочемъ истинно происходило, кошевый преслѣдовалъ разбойниковъ, не только оружіемъ, но даже убѣжденіемъ. Черезъ курепныхъ атамановъ, уважаемыхъ и любимыхъ войскомъ, чрезъ прощенныхъ раскаявшихся гайдамакъ, — которыхъ онъ подсымалъ къ шайкамъ, онъ умѣлъ склонить многихъ къ прекращенію своихъ набѣговъ и однажды болѣе 100 негодяевъ сами пришли въ Сѣчь съ повинною головою, прося помилванія и въ знакъ покорности, отдавая свои лошади, оружіе и деньги.

Видно старанія Коша увѣнчались успѣхами, когда злѣйшіе враги козачества — Поляки, отдаютъ справедливость кошевому Григорію Федорову, какъ мы это сказали выше, въ главѣ первой настоящаго нашего очерка.

Другимъ бичемъ своевольству гайдамакъ и даже козаковъ Запорожскихъ, повторяемъ, было учрежденіе сперва на Польско-Запорожскомъ рубежѣ Русскихъ крѣпостей: въ Крыловѣ, Петровомъ островѣ, Ново-Архангельскѣ и Орлѣкѣ (Ольвіополѣ), а послѣ и цѣлаго военно-Сербскаго поселенія въ Буго-Гардовской и Орѣльской паланкахъ или округахъ Запорожья. Тогда уже не только кошевыя команды, но и регулярные гусарскіе и пикьерные

полки охраняли безопасность и тишину Ново-Сербіи и всей южной и западной Руси. Эти полки набранные за границею, чуждые Запорожья и вольности козачьяго духа, были обучены въ желѣзной Нѣмецкой дисциплинѣ, а потому всякая попытка гайдамакъ «погуляты въ Польшѣ» была сопряжена съ большею для гайдамакъ опасностью. Тогда дѣятельность козачьяго духа обратилась на Ново-Сербцевъ, о чемъ мы уже сказали свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ. (*Исторія Новой-Сѣчи*, стр. 229 и др.).

Такъ приблизился знаменитый въ лѣтописяхъ гайдамацтва 1768 годъ, и тогда разыграна была имъ послѣдняя изъ тѣхъ печальныхъ и кровавыхъ трагедій, которыя намъ представляетъ исторія ХVІІ столѣтія, въ первые годы возстанія козачества противу Польши. Объ этомъ событіи долгомъ считаемъ говорить отдѣльно и нѣсколько обширнѣе, а потому кромѣ Запорожскаго архива, мы еще принуждены будемъ прибѣгнуть къ свидѣтельству другихъ очевидцевъ и жертвъ, — т. е. Поляковъ и Евреевъ.

III.

Всѣмъ извѣстно, сколь много бѣдствій для Польши и всей юго-западной Россіи принесла не-терпимость католическаго Польскаго дворянства, и слѣдственно сеймовыхъ его постановленій, всего того, что было не католическо-Римское. Іезуиты, завладѣвшіе съ половины XVII столѣтія воспитаніемъ Польскаго юношества въ университетахъ, коллегіяхъ, школахъ, даже въ семейномъ кругу, болѣе и болѣе возбуждали умы Поляковъ противу Русскихъ и протестантовъ, которыхъ звали *диссидентами*, хотя тяжкія потери и бѣдствія всякаго рода напоминали имъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ, столь не-политическихъ мѣръ. Вотще Россія, Пруссія и Англія давали добрые совѣты чрезъ своихъ посланниковъ; законодательныя палаты въ XVIII столѣтія дѣйствовали столь-же неблаго-разумно, какъ и въ царствованіе королей изъ рода Вазовъ. Жалкій примѣръ столь не политическаго образа мыслей, далъ сеймъ 1767 года, который лишилъ диссидентовъ всѣхъ гражданскихъ правъ и свободы богослуженія; забытыя съ XVII сто-

лѣтія гоненія за вѣру, возобновились опять. Протестанты покорились, но православные, надѣясь на законность правъ своихъ, свою силу и въ особенности на покровительство Русскаго двора, противились и на сеймѣ и въ провинціяхъ. Все это ожесточало умы и подало поводъ нѣсколькимъ злонамѣреннымъ людямъ къ великимъ преступленіямъ.

Избраніемъ не знатнаго и не богатаго дворянина *Станислава Понятовскаго* на престолъ Польскій, нѣкоторые вельможи (сами желавшіе короны), были жестоко оскорблены. Они видя, что стараніемъ молодаго Русскаго посланника въ Варшавѣ князя Репнина, конституціи (постановленія) временъ Августа II и сейму 1767 года, противныя диссидентамъ были уничтожены; подстрекаемые также интригами нѣкоторыхъ державъ, боявшихся могущества Россіи, собрали въ вооруженные союзы или *конфедераціи* (confederatio), высшее и мелкое дворянство, безъ дозволенія на то своего Монарха и сейма. Такого рода была знаменитая и пагубная *Барская* конфедерация, провозглашенная 29 Февраля 1768 года *Іосифомъ Пулавскимъ*, старостою Варецкимъ. Истинными ея предводителями, для собственныхъ видовъ, были: *Станиславъ Щенскій* (Феликсъ) *Потоцкій*, воевода Русскій, *Ксаверій Браницкій*, гетманъ великій коронный, князь *Радзивиллъ*, воевода Виленскій, первый вельможа Литовскій, *Венцеславъ Ржевусскій*, воевода Краковскій, съ сыномъ своимъ *Севериномъ*

и князь *Любомирскій*, воевода *Брацлавскій*. Это были и главнѣйшіе владѣльцы имѣній въ обѣихъ Украиняхъ. Все мелкое дворянство южныхъ воеводствъ къ нимъ присоединилось, даже часть регулярнаго войска (*Gwardij Narodowej*), исключая престарѣлаго командира Украинской дивизіи, regimentаржа *Воронича*. Барскіе конфедераты имѣли на своихъ знаменахъ изображеніе Богородицы, а на мундирахъ вышитые кресты, желая тѣмъ уподобить себя крестоносцамъ, усерднымъ защитникамъ самого упорнаго католицизма. Ея лозунгомъ были: *свобода и вѣра* (*wolność i wiara*), а въ самомъ дѣлѣ не ограниченное честолюбіе вельможей, своевольство шляхты, нетерпимость всего, что не было Римско-апостолическо-католическое. Но эти *усердные* католики не гнушались, для пагубы короля своего и диссидентовъ держать на жалованьи отрядъ *Ногайцевъ*, ватагу гайдамакъ, подъ командою Атамана бѣглаго Запорожца *Саввы* и самими низкими средствами искать помощи у *правовѣрнаго* султана Турецкаго! Трудно вѣрить, — а между тѣмъ это совершенная истина¹.

---

¹ О томъ, что Поляки противники короля Станислава и Россіи, искали помощи Турокъ и Татаръ, вотъ доказательства: 1) Въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Rusalka*, изд. въ Вильнѣ, въ 1840 году, *Ал. Грозою*, въ статьѣ: *U stęp z pamiętników starego szlachcisa Litewskiego*, (отрывокъ изъ записокъ стараго Литовскаго дворянина) очень ясно говорится, что по совѣту Витебскаго, воеводы графа *Огинскаго*, начальники недовольныхъ (королемъ), отправили къ хану Крымскому и къ Запорожцамъ посланцевъ, для возбужденія ихъ противу короля Станислава и его защит-

Замѣтимъ мимоходомъ, что во всѣхъ Мало-Польскихъ воеводствахъ, одно только высшее и меньшее дворянство были католиками, масса-же городского и сельского народонаселенія была

ницы Россіи. 2) Въ книгѣ подъ заглавіемъ: «*Пльня и страданіе Россіянъ у Турковъ*» и пр. (въ 1760–1774). Спб. 12°. 1790 г., стр. 71 и др., такъ описанъ пріѣздъ графа Потоцкаго къ великому визирю: «4-го числа явился у визиря Польской конфедератный посолъ графъ Потоцкій, у котораго въ свитѣ находилось около 150 конныхъ жолнеровъ и улановъ и 12 колясокъ, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ онъ самъ, а въ прочихъ сопутствовавшіе ему чиновники. Приемъ-же сдѣланъ ему былъ отъ визиря не такою, каковымъ онъ себя льстилъ; по ему должно было простершись предъ нимъ на землю, какъ рабу предъ своимъ господиномъ, цѣловать полу одежды его и въ самыхъ уничижительнѣйшихъ выраженіяхъ изъяснять нужды собратій своихъ, что хотя гордыня и величавости ихъ вовсе противно, но несказанная ихъ противъ Россіи злоба, не удовлетворенная никакимъ мщеніемъ, преклоняла чело ихъ къ самой персти, сущей подъ ногами Турковъ. Оной Потоцкій говорилъ между прочимъ визирю именемъ всѣхъ своихъ конфедератовъ, что они подвергаютъ себя подъ защищеніе лучезарнаго, непобѣдимаго и святѣйшаго Магометова знамени, которому да пошлетъ Богъ на Россіянъ совершенную побѣду; и что ежели визирь благовоитъ дать имъ войска только 30,000, то они въ состояніи будутъ выгнать ихъ всѣхъ изъ Польши. Визирь-же на то отвѣчалъ съ гнѣвомъ, что онъ никогда не можетъ и не долженъ вѣрить Мусульманскаго войска таковымъ безвѣрнымъ, каковы суть Поляки, а что ежели Султану угодно будетъ послать имъ помощь, въ такомъ случаѣ можетъ онъ поручить начальство надъ войскомъ своимъ достойнымъ пашамъ. Г Потоцкій услыша такой отзывъ, безмѣрно оробѣлъ и упавъ отъ страху визирю въ ноги, просилъ рабски у него извиненія въ дерзновеніи своемъ и сказалъ, что онъ во всемъ предается въ волю его, и молитъ только о помощи изъ единого великодушія Е. Султ. В. и Его свѣтлѣйшей особы, въ чемъ ему и небыло отказано».

Описанный здѣсь депутатъ Барской конфедераціи, былъ извѣстный своею гордостью и богатствомъ графъ *Станиславъ Щенский Потоцкій*.

истинно Русская, по націонализму и исповѣданію. Даже дворянство Уніятское было Русское, ибо въ XVII столѣтіи оно было завлечено къ этому исповѣданію посредствомъ Русскаго слова, т. е. Славянскаго Богослуженія. Извѣстіе о столь фанатическомъ союзѣ, какова была Барская конфедерація, наполнило сердца диссидентовъ ужасомъ, удвоило ихъ опасенія о будущемъ и усилило ихъ ненависть къ латинцамъ. Подъ именемъ спихъ послѣднихъ, Русскіе поселяне считали въ особенности пановъ-губернаторовъ, комиссаровъ (управителей), повѣренныхъ и офиціалстовъ всякаго рода въ Украинскихъ имѣніяхъ Польскаго дворянства, которыхъ исключая Потоцкаго, ни одинъ изъ этихъ магнатовъ-владѣльцевъ не посѣщалъ. Украинцу они подобно своему духовенству считали *partes infidelium*. Этимъ то расположеніемъ духа Украинской Руси, воспользовалось нѣсколько честолюбцевъ и злодѣевъ, которые изъ собственныхъ видовъ, корысти или властолюбія, приобрѣли этой богатой и прекрасной странѣ самую печальную извѣстность.

Въ Чигринскомъ уѣздѣ, нынѣшней Кіевской губерніи, близъ м. Жаботина, находятся въ Лебединскомъ лѣсу два православные монастыря, одинъ женскій только въ 1780 году построенный, другой мужескій, во имя Св. Георгія Побѣдоносца, въ особенности уважаемый благочестивымъ народомъ. Въ половинѣ XVIII столѣтія, всѣ православные монастыри на Украинѣ и въ особен-

ности Лебединскій, или какъ другія полагаютъ Мотронинскій монастырь¹, подверглись разнымъ гоненіямъ со стороны Поляковъ, тѣмъ болѣе отъ ихъ духовенства и такъ называемыхъ миссій, т. е. лицъ духовнаго званія, большею частью монаховъ Іезуитскаго, Доминиканскаго и Базиліанскаго орденовъ, посвятившихъ все свои труды на обращеніе Русскаго народа въ католицизмъ, или въ Унію. Разныя нареканія и жалобы сосѣднихъ *губернаторовъ* на этотъ монастырь, доходили до Варшавы и до Кіева. Жалобы эти были самаго удивительнаго и почти невѣроятнаго рода: его обвиняли въ помощи или по крайней мѣрѣ въ потворствѣ гайдамакамъ грабившимъ Польшу, съ которыми будто бы и игуменъ и братья монастырская жили въ тѣсной

---

¹ О Лебединскомъ монастырѣ въ V-й части *Исторіи Россійской Іерархіи*, стр. 7, сказано слѣдующее: «Лебединскій Георгіевскій заштатный мужескій монастырь Кіевской епархіи, находится Чигринскаго повѣта въ с. Лебединѣ, въ урочищѣ *Чичковѣ*, въ *Водяной балкѣ*, рѣчкѣ *Туринѣ*, разстояніемъ отъ Кіева въ 200, а отъ Чигрина въ 90 верстахъ. Когда построенъ монастырь сей, свѣденій не имѣется, извѣстно только, что въ 1682 году Января 31, Наказный Гетманъ Украинскій *Якій Драйденница* дозволилъ, на мѣсто опустошеннаго отъ Поляковъ монастыря, построить церковь и монастырь возобновить. Въ монастырѣ двѣ церкви деревянныя: одна во имя Св. великомученика и побѣдоносца Георгія, другая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Настоятельство въ монастырѣ есть Игуменское, учреждено 1662 года 13 дня, преосвященнымъ Іосифомъ Тукальскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ». О Мотронинскомъ-же монастырѣ, находимъ нѣсколько свѣдѣній въ «*Краткомъ Историческомъ свѣдѣніи о монастыряхъ Кіевской митрополіи* (Кіевъ, 1832, стр. 6)». «Мотронинскій Троицкій (мужескій) монастырь,

дружбѣ, давали имъ въ дебряхъ своихъ приста-
нище, рапленнымъ въ монастырѣ пріютъ, защиту
и пособіе, и за то дѣлились съ ними добычею.
Въ наше время никто-бы не повѣрилъ такимъ
слухамъ, но въ эпоху Барской конфедераціи, все
было или считалось возможнымъ, и Польское
правительство дало о томъ знать митрополиту.
Фелиціанъ Володковичъ, Уніятскій митрополитъ
Кіевскій и всея Руси (какъ они себя называли),
пастырь добрый и усердный, увлекался однакожь
пристрастіемъ къ уніи. Подъ видомъ прекращенія
соблазна въ православной церкви и всѣхъ толковъ
латинскаго духовенства, онъ приказалъ полковнику
своей козачьей милиціи *Ковальскому*, (родомъ изъ
Кожанки Липовецкаго уѣзда), отправиться съ

находится въ Чигринскомъ уѣздѣ, на возвышенномъ мѣстѣ,
разстояніемъ отъ Кіева по прямой дорогѣ въ 170, а отъ Чиг-
рина въ 40 верстахъ. Онъ съ четырехъ сторонъ окруженъ древ-
нимъ великимъ крѣпостнымъ валомъ, заросшимъ устарѣлымъ
уже лѣсомъ. Валъ этотъ имѣетъ въ окружности 1750 сажень.
Лѣсъ, окружающій монастырь, послѣ назывался по имени вла-
дѣтельница *Мотронинскимъ*, а по лѣсу и монастырь получилъ
названіе. О построеніи въ семь мѣстѣ Мотронинскаго монастыря,
по грамотамъ только извѣстно, что оный возобновленъ, по
благословенію Кіевского митрополита *Іоны Протасевича* въ 1568
году и утвержденъ универсалами гетмановъ *Петра Сагайдачнаго*
и *Петра Дорошенка*, 1620, 1621 и 1671 годовъ, но въ 1669 году,
во время занятія города Чигрина Турками, сожженъ и вовсе
разоренъ. Послѣ чего вновь построена въ немъ церковь, по
благословенію Кіевского митрополита Гедеона Святополка (князя
Четвертинскаго) въ 1683 году, по универсалу Чигринскаго ста-
росты князя *Яна Станислава Яблуновскаго*, и съ того времени
существуетъ донынѣ.

командою въ Лебединѣ. Ему приказано было упразднить монастырь, а виновныхъ монаховъ представить его духовному суду. Козаки разрушили и церковь и монастырь, оставивъ неприкосновенною только Св. трапезу, но монахи не считая себя подсудимыми Уніатскому архіерею, разбѣжались. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ, уже около 1760 года, монахи испросили у Польскаго двора позволеніе возвратиться въ свою опустошенную обитель, и по благословенію православнаго Кіевскаго митрополита, своего духовнаго начальника, при помощи Запорожскихъ козаковъ и поселянъ, возобновили свой монастырь и церковь. Съ того времени эта обитель сдѣлалась центромъ и геніемъ всѣхъ предпріятій Русскаго народонаселенія Украины, противъ ненавистной ему Польши. Преданія живыя доселѣ говорятъ: что игуменъ Лебединскаго (или по сказанію Запорожцевъ Мотронинскаго) монастыря *Мельхиседекъ*, изъ дворянскаго рода *Значко-Яворскихъ*, искренно преданный православію, не смотря на сплу въ этомъ краѣ католическаго и уніатскаго духовенства, началъ проповѣдывать явно святую вѣру по обрядамъ восточной церкви и обращать къ ней уніатовъ¹. Дѣйствія его вѣроятно не сопровождались благоразумною осторожностью, и онъ подвергся

---

¹ Есть одно преданіе, что Мельхиседекъ не былъ архимандритомъ, а инокомъ, занимавшимся медициною, химіею и и другими науками.

гонимымъ мѣстнаго уніятскаго епископа *Гервасія Липовскаго*, отъ котораго онъ претерпѣлъ тяжкое заключеніе. Ушедъ изъ тюрьмы, онъ воспламенился уже не рвеніемъ, а истиннымъ фанатизмомъ и поклялся отмстить гонителямъ своимъ и православія. Мельхиседекъ узнавъ о Барской конфедераціи, видя всеобщее смущеніе православныхъ и вооруженіе мелкаго дворянства, по наущенію нѣсколькихъ честолюбивыхъ магнатовъ, — онъ предвидѣлъ готовящіяся отъ того неминуемыя бѣдствія для православной церкви. Одушевленный энтузіазмомъ, а быть можетъ и собственною местию, онъ отправился въ Петербургъ, чтобы испросить покровительства и помощи у Русской Монархини, для страждущей по его мнѣнію, западной Руси. Польскіе историки говорятъ, (впрочемъ сходно съ истиною), что Императрица Екатерина отвѣчала игумену: что она въ чужомъ государствѣ распорядиться не желаетъ, но что всѣ диссиденты православнаго исповѣданія въ Польшѣ, отъ Русскаго посланника пребывающаго въ Варшавѣ, сильную защиту имѣютъ. Игуменъ видя неудачу, отправился въ Сѣчь Запорожскую, гдѣ подобно всѣмъ духовнымъ, былъ принятъ съ особеннымъ почтеніемъ и гостепріимствомъ. Явившись къ кошевому Петру Калнишевскому, онъ представилъ ему вымышленную грамоту Императрицы Екатерины II, въ которой изображено было данное войску Запорожскому повелѣніе, помогать всѣми средствами угнетенной

церкви. Кошевой обыкновенно не знающій грамоты, отдалъ указъ для прочтенія войсковому писарю (Ивану Глобѣ); умный козакъ немедленно удостовѣрился въ подлогъ и убѣдилъ кошеваго не вмѣшиваться въ это дѣло. Игумену данъ отвѣтъ: что если-бы великая Монархня потребовала въ самомъ дѣлѣ службы козаковъ, своихъ *щиро-подданныхъ*, то бы прислала свой указъ не чрезъ игумена, а чрезъ особаго посланца «якъ то изъ виковъ бывало» въ Запорожьи.

Тогда игумень въ гнѣвѣ на кошеваго обѣщалъ отмстить и ему и Ляхамъ, съ которыми онъ рѣшился управиться самъ. Для того онъ пустился искать помощи у старыхъ своихъ знакомыхъ гайдамакъ, какъ живущихъ въ Запорожьи, такъ и въ Польской Украинѣ. Къ нимъ надѣялся онъ присовокупить всякую сволочь, которая ежегодно сначала весны до глубокой осени *аратовала*, т. е. нанималась въ работники къ рыбакамъ, на устьяхъ Буга и Днѣпра. Для этого предпріятія онъ нашелъ и достойнаго предводителя.

„ На рѣчкѣ Громоклеѣ¹, гдѣ теперь село Алексѣевское, жилъ старый Запорожецъ *Григорій Железнякъ*, нѣкогда куренный товарищъ и эсауль полковой, сидѣвшій до 1755 года зимовникомъ на

---

¹ Въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. Тамъ были вдревле зимовники Запорожскіе, принадлежащіе къ Бугогардовой паланкѣ и тамъ долѣе всего удержалось гайдамацтво, по причинѣ отдаленности отъ центра войска и слѣдственно надзора Коша.

р. Сурѣ, Кодацкой паланки, а тогда уже переселившийся въ эти мѣста. Изъ двухъ сыновей, младшій *Максимъ* заступалъ его мѣсто въ войскѣ въ куренѣ Тимошевскомъ. Запорожцы того куреня говорили, что онъ былъ родомъ изъ Польши, изъ села Пивковецъ и только въ 1740 или 1750 годахъ прибылъ въ Запорожье. Впрочемъ, всѣ соглашались, что Максимъ Железнякъ былъ козакъ храбрый, смѣливый, грамотный и долго служилъ въ войсковой пушкарской командѣ. Неоднократно оставлялъ курень и аргатовалъ въ низовьяхъ Днѣпра или *шинковалъ*, т. е. продавалъ водку въ Запорожьи или въ Очаковѣ. Часто пропадалъ безъ вѣсти и тогда полагали, что онъ пускался *въ плхоту*, (т. е. гайдамачилъ) въ Крымъ и Польшу. Въ послѣдній разъ выдали его въ Запорожьи въ 1767 году. Впослѣдствіи, когда имя его приобрѣло столь горькую извѣстность, ходили разные слухи о его жизни и происхожденіи. Одни увѣряли, что онъ изъ набожности жилъ послушникомъ въ Межигорскомъ монастырѣ; другіе, что избѣгая преслѣдованій Русскаго правительства, жилъ близъ Медведовскаго монастыря и служилъ ему какъ скутельникъ; другіе-же, что онъ просто былъ ватажкомъ гайдамацкой шайки, скрываясь постоянно въ Лебединскомъ лѣсу, а въ случаѣ нужды и въ Запорожьи. Въ куренныхъ регистрахъ съ 1750 по 1770 годъ (у насъ находящихся), его имени не находимъ, вѣроятно по обычаю войска, онъ тогда имѣлъ другое названіе.

Преданіе народное и свидѣтельство нѣкоторыхъ Польскихъ писателей, къ 1767 году присоединяють упомянутый выше приѣздъ игумена Мельхиседека въ Запорожье. Онъ изъ Сѣчи пробрался въ зимовки на рѣчкѣ Громоклеѣ, постыжъ Железняка и легко убѣдилъ суевѣрнаго и грубаго старика отпустить съ нимъ своего сына Максима, не скрывая, что онъ будетъ ватажничать съ большою шайкою на «Лядской землѣ». Съ Максимомъ онъ имѣлъ откровенные разговоры и воспламенилъ легко честолюбіе безпокойнаго козака, которому тѣсно было на его попрощѣ. По отъѣздѣ игумена Максимъ Железнякъ не терялъ времени; на данныя ему деньги собралъ себѣ шайку въ Запорожьи изъ 50 чел. конныхъ и хорошо вооруженныхъ, добылъ даже перначи и знамена и прибылъ въ Лебедискій монастырь въ началѣ весны 1768 года. Между тѣмъ игумень къ храмовому празднику своей обители $\frac{23 \text{ Апрель}}{5 \text{ Мая}}$, т. е. въ день Св. Великомученика Георгія, созвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ и поселянъ православнаго исповѣданія, къ слушанію Божественной литургіи и на пиръ, которому придалъ возможное торжество. Когда напитки отуманили головы, онъ сообщилъ гостямъ свои кровавые замыслы и легко успѣлъ уговорить многихъ, особенно простолюдиновъ, вступить въ гайдамацкое братство, подъ начальствомъ Железняка, — на истребленіе заклятыхъ враговъ козачества: Ляховъ и Жидовъ, на возстановленіе въ Польской Украинѣ *гетманщины*, уничтоженной тамъ

въ XVII столѣтіи. Для убѣжденія колеблющихся, игумень показывалъ, въ тайнѣ, упомянутый выше ложный указъ Императрицы, дающій Высочайшее повелѣніе кошевому Запорожскаго войска, помогать ему и гайдамакамъ въ ихъ замыслахъ. Наконецъ, Железняку и его сообщникамъ далъ свое благословеніе и оружіе ихъ окропилъ св. водою.

Въ три дни послѣ, эта новаго рода гайдамацкая ватага, раздѣлясь на малые отряды, (изъ опасенія губернаторскихъ милицій), выступила изъ монастыря. Железнякъ и лучшіе его товарищи, были вмѣстѣ проповѣдниками возмущенія поселянъ противу Польскихъ помѣщиковъ. Ближе всѣхъ къ Лебедину было с. *Медведовка*, замѣчательное тѣмъ, что тамъ существовалъ издревле православный монастырь. Туды по случаю праздника, на ярмарку собралось много поселянъ и мѣщанъ православнаго исповѣданія. Железнякъ явился тамъ съ знаменами и оружіемъ, прочиталъ свой ложный указъ и взволновалъ все собраніе. Разъяренная толпа вооружилась, — а это легко было сдѣлать въ тѣ печальныя времена, когда оружіе было какъ-бы частицею одежды для мушны, — присоединилась къ гайдамакамъ и бросилась на м. *Жаботино*, принадлежащее князю Любомырскому, гдѣ командовалъ въ качествѣ губернатора полковникъ *Вицалковский*. Не смотря на всѣ усилія вѣрнаго губернатора, козакъ княжеской милиціи ему измѣнили; ихъ сотникъ *Мартынъ Бѣлуга* съ большею частію своей команды присоединился къ Желез-

няку. Вичалковскій спасся было бѣгствомъ, но послѣ кажется погибъ отъ руки гайдамацкой, ибо находимъ въ народной пѣсни, сложенной въ честь Железняка слѣдующія строки:

«Бѣлуга Мартынъ Жаботинскій, да по рыночку ходить
Своего пана-губернатора, за собою водить,
И водючи за собою тай до ёго каже:
«Не одного теперь Лаха, голова заляже»...

Замокъ, т. е. помѣщичій домъ въ Жаботинѣ былъ разоренъ, мѣстечко разграблено, Поляки и Жиды замучены, или переколоты. *Смила*, одно изъ лучшихъ имѣній Любомирскихъ, подвергалось той-же участи¹. Эти первые успѣхи были сигналомъ общаго возмущенія поселянъ, считавшихъ гайдамакъ войскомъ Запорожскимъ, присланнымъ изъ Россійской арміи. Изъ одного с. *Орловца* прибыло до 100 конныхъ козаковъ, чтобъ служить въ командѣ Железняка. Его походъ былъ облитъ кровью, обозначенъ грабежемъ и пожарами: *Богуславъ*, *Корсунь*, даже *Каневъ*, не смотря на свой укрѣпленный замокъ, пушки и сильный гарнизонъ, содержимый монахами Базиліанскаго ордена, которыхъ игуменъ былъ аббатомъ (архимандритомъ) и старостою вмѣстѣ, были захвачены гайдамаками. Вездѣ господскіе дома были разорены или сожжены, мѣстечки разграблены, католическіе свя-

---

¹ Смила и ключъ (волость) сего вѣмени, отъ князей Любомирскихъ въ 1780 году перешли къ князю Потемкину-Таврическому, а отъ него къ его племяннику графу Самойлову.

щенники, Поляки и Жиды умерщвлены самымъ безчеловѣчнымъ образомъ¹. Въ Богуславѣ Железнякъ отдыхалъ, и когда его шайка пировала по корчмамъ, или въ домахъ убитыхъ дворянъ, онъ совѣтовался съ своими эсаулами и сотниками: одни хотѣли идти на *Бѣлую-Церковь*, имѣніе князя Станислава Любомирскаго, старосты Бѣлоцерковскаго, другіе желая мстить главному своему врагу конфедерату Потоцкому, предлагали завладѣть Уманью, которую онъ (1761) отлично устроилъ, укрѣпилъ и даже обогатилъ, посредствомъ умнаго хозяйства, порядка и торговли. Въ Богуславѣ къ гайдамакамъ присоединились: *Василій Шило*, Запорожецъ изъ Брюховецкаго куреня и вся почти Богуславская старостинская милиція съ своею старшиною.

На дорогѣ отъ Богуслава къ Умани была *Лысянка*², принадлежащая Познанскому воеводѣ и Чигринскому старостѣ, князю Яблоновскому. Гайдамаки рѣшились не упустить этой добычи и бросились на замокъ. Современный писатель *Липоманъ* такъ описываетъ это печальное происшес-

---

¹ О нападеніи гайдамакъ на Каневъ, его защитѣ и паденіи, Украинскій поэтъ г. *Гощинскій*, сочинилъ и издалъ весьма занимательную повѣсть на Польскомъ языкѣ, въ стихахъ, подъ заглавіемъ: *Zamek Kaniowski*.

² Въ 1622 году король Сигизмунтъ III выдалъ инструментъ или грамоту на укрѣпленіе Лысянки, воеводѣ Русскому, т. е. Червно-Русскому *Ивану Даниловичу*.

твіе'. «Въ мѣстечкѣ Лысянкѣ былъ каменный замокъ (т. е. господскій домъ), который съ флигелями составлялъ родъ полного четвероугольника. Средній фасадъ былъ въ два этажа, съ большими воротами и башенками по угламъ, могущими посредствомъ своихъ пушекъ, обстрѣливать и защищать всѣ стороны замка. Кромѣ того, все зданіе было обнесено дубовымъ палисадомъ съ укрѣпленными воротами. Въ замкѣ находилось значительное число пѣшихъ козаковъ и большой запасъ аммуниціи. Въ это время (1768 г.) прибылъ въ Лысянку изъ Волыни *Кучевскій*, главный комиссаръ или губернаторъ имѣній князя Яблоновскаго, изъ которыхъ одна Лысянская волость имѣла до 10,000 душъ поселянъ. Узнавъ о гайдамацкихъ наѣздахъ, до 200 сосѣднихъ дворянъ и жидовъ искало убѣжища въ этомъ замкѣ. Вскорѣ гайдамаки явились тамъ, но видя крѣпкія стѣны и пушки, отступили и обратились къ жителямъ мѣстечка православнаго исповѣданія, чтобы преклонить ихъ на свою сторону. Это имъ удалось. Главнѣйшіе хозяева пришли къ замку и просили позволенія говорить съ Кучевскимъ. Когда они были къ нему допущены, то предложили, что если замокъ немедленно сданъ будетъ нападателямъ, вѣрному войску Запорожскому, то онъ и

---

¹ Въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Bunt hajdataków na Ukrainie*, напечатанномъ сперва въ журналѣ: *Другъ народа*, въ Лешнѣ, а послѣ особо въ Познаніи въ 1842 году.

всѣ жители останутся живы, а имущество ихъ будетъ пощажено; они присовокупили, что впрочемъ всякое сопротивленіе будетъ напрасно, ибо вскорѣ вся Украина будетъ отдана козакамъ и сдѣлается Гетманщиною по прежнему. Несчастный Кучевскій, побуждаемый страхомъ или убѣжденный ложными ихъ доказательствами, отворилъ ворота; гайдамаки какъ бѣшеные ворвались въ замокъ, и немедленно начались убійства и грабежъ. На Кучевского надѣли сѣдло, ѣздили на немъ, а послѣ закололи пиками; другихъ съ крышъ скидывали на копья, или убивали чѣмъ попало, такъ-что стѣны комнатъ, повѣствователь, еще въ 1779 году, т. е. въ 11 лѣтъ послѣ, видѣлъ обрызганные кровью, такъ-что и известъ пятенъ стереть не могла. Только весьма немногіе изъ дворянъ скрывавшихся въ замкѣ, переодѣвшись въ крестьянское платье, ушли съ арестантами въ ту минуту, когда убійцы выпускали свихъ послѣднихъ изъ тюрьмы». У входа въ церковь Францисканскаго монастыря, гайдамаки на балкѣ повѣсили Поляка, Жида и собаку съ слѣдующею надписью:

«Ляхъ, жидъ и собака
Все вира одинака!»

Наконецъ, гайдамаки разграбивъ и разоривъ Лисянскій замокъ, пустились къ Бѣлой-Церкви, но тамъ нашли всѣ приготовленія къ усердной защитѣ; два или три выстрѣла ядрами отбили у нихъ охоту отъ осады этого мѣстечка.

Железнякъ нетерпѣливо смотрѣлъ на эти мѣлкіе подвиги, его главная цѣль была *Умань* и вотъ сколько судить можетъ, какія къ тому были причины.

Уже выше сего сказали мы нѣсколько словъ о началѣ и состояніи Уманской волости. Теперь присовокупимъ, что до 1750 годовъ, она не смотря на свое безмѣрное пространство не приносила помѣщику и 50,000 руб. годоваго дохода и всѣ ея мѣстечки и села были въ развалинахъ. Но въ 1757 году, графъ Францъ Потоцкій по рекомендаціи князя Дмитрія Яблоновскаго, отправилъ въ этотъ край управителемъ, или какъ тогда называли, губернаторомъ *Рафаила-Деспота Младановича*, подстоля Смоленскаго, въ чинѣ полковника и коменданта, съ королевскимъ позволеніемъ: устроить крѣпость и магдебургію въ Умани. Великій гетманъ коронный графъ Потоцкій, дядя помѣщика, далъ Младановичу *инструментъ* на укрѣпленіе Умани, 32 пушекъ и сравнилъ оную съ королевскими пограничными постами; слѣдственно и съ правомъ военного суда. Съ нимъ вмѣстѣ отправился дядя жены его, старый солдатъ *Горжевскій* съ титуломъ генеральнаго полковника, пограничнаго коменданта и крисъ-коммисара партіи войскъ Украинскихъ; а наконецъ *Яковъ Квяткевичъ*, губернаторъ Тарговицкій. Не прошло и шести лѣтъ, какъ не только внутренняя цѣнность Уманской волости, но и самый видъ этаго края измѣнился. Горжевскій и Младановичъ въ 1761

году основали новую крѣпость и новый городъ на пепелищѣ стараго зѣмка; привлекли въ него торговлю посредствомъ важныхъ ярмарокъ и преимуществъ даруемыхъ торгующимъ; завели дружескія сношенія съ Русскими пограничными властями (особенно съ Новосербіею), съ Запорожьемъ, съ Крымомъ и даже Ногайскими ордами, съ которыми сносились посредствомъ Балтскаго Каймакана¹. Младановичъ изобрѣлъ самое удивительное средство уменьшить число разбоевъ и бродяжества. Украина славилась издревле своими красавицами; Младановичъ, когда ему удавалось поймать гайдамакъ своихъ или заграничныхъ, (т. е. Запорожцевъ), судилъ ихъ самъ на ратушѣ по Магдебургскому закону и уже приговоренныхъ къ смерти, показывалъ своимъ дѣвицамъ. Если красавица выбирала котораго нибудь изъ нихъ, тотъ немедленно получалъ прощеніе и свободу, если давалъ присягу сдѣлаться земледѣльцемъ и семьяниномъ. Тогда получалъ онъ землю, скотъ, лѣсъ и на постройку избы лѣсъ и даже деньги. *Липоманъ* и другіе современники говорятъ, что такимъ образомъ Уманщина приобрѣла въ 10 лѣтъ до 4,000 хатъ, т. е. семействъ поселянъ. Кромѣ того, по предложенію того-же великаго гетмана короннаго

---

¹ Должно замѣтить, что небольшое тогда пограничное мѣстечко *Балта*, основанное выходцами изъ Украины и Запорожья около 1748 года, принадлежало по поламъ Крымскому Хану и Польшѣ: рѣчка Кодыма, идущая чрезъ средину этого городка, составляла границу обѣихъ владѣній.

Потоцкаго, его племянникъ давалъ безденежно земли тѣмъ изъ дворянъ особенно военныхъ, которые имѣли охоту, т. е. довольно смѣлости, чтобы селиться на этомъ опасномъ рубежѣ Украины; за право владѣнія платили они современемъ самую ничтожную плату или *чиншъ*, который иногда былъ прощаемъ. Однимъ словомъ, въ эпоху появленія шайки Железняка, т. е. въ началѣ 1768 года, не смотря на огромныя издержки на постройку крѣпости и города, на содержаніе гарнизоновъ и городского начальства въ Уманскомъ, Могилевскомъ (на Днѣстрѣ) и Тарговицкомъ замкахъ (*Zwierzchność Zamkowa*), Потоцкіе получали болѣе 1,000,000 злот., т. е. по современному курсу до 1,200,000 руб. асс. ежегоднаго дохода.

Умань былъ ненавистенъ гайдамакамъ по причинѣ вѣчной, можно сказать, войны, которую вели съ ними тамошніе губернаторы, называвшіе себя стражами Украины со стороны Синюхи. Кромѣ того влекла ихъ туды — однихъ, жажда корысти, надѣясь грабежа Польскихъ и Еврейскихъ домовъ; другихъ религіозный фанатизмъ, котораго изчадіе Железнякъ былъ главнымъ орудіемъ. Но Умань съ своимъ козачьимъ ополченіемъ, крѣпкимъ палисадамъ и пушками былъ довольно укрѣпленъ, чтобы удержать нестройную ватагу; его могли защищать до 200 дворянъ тамъ постоянно живущихъ, столько-же дворянъ участвовавшихъ въ Барской конфедераціи, которыхъ подъ этимъ предлогомъ держали у себя Потоцкіе на Украинѣ, и

нѣсколько десятковъ Радзивилловскихъ козаковъ, прибывшихъ въ то время въ Умань, съ сестрою Младановича, комиссаршею *Бендзинскою*. Железнякъ зналъ это хорошо и вмѣсто прямого наѣзда на городъ, онъ завелъ въ немъ тайныя сношенія съ милиціею, состоявшею, какъ мы видѣли изъ Русскихъ поселянъ. Съ другой стороны губернаторъ Умани на эту-же милицію полагалъ всѣ свои надежды, увѣренный особенно въ храбрости и преданности *Ивана Гонты*, одного изъ своихъ сотниковъ. Этотъ Гонта, простой поселянинъ изъ деревни гр. Потоцкаго *Росушекъ*, сдѣланъ былъ козакомъ, эсауломъ и наконецъ сотникомъ въ награду за усердіе и храбрость. Во время одной своей стоянки съ отрядомъ въ Кристинополѣ, онъ очень понравился воеводѣ Потоцкому, который надѣясь со временемъ имѣть въ немъ орудіе для своихъ далекихъ замысловъ, въ знакъ благоволенія, далъ ему въ пожизненное владѣніе село Орадовку. Посредствомъ Гонты Потоцкіе и его чиновники надѣялись владѣть всею козацкою дружиною. Но въ кровавыхъ стычкахъ гайдамакъ съ Уманцами, Железнякъ познакомился и подружился съ Гонтою. Между ними началась переписка и одна народная пѣснь говоритъ :

« Да стоявъ, стоявъ сотникъ Гонта въ степу три недѣли
Цапхалы Смылянчикъ, да винъ ся имъ звиривъ ; —

« Годи, годи сотнику Гонто у степу стояты,
Ходы зъ нами козаками Умань грабоваты ». —

— «Ой якъ мыни пань-молдци, Умань грабоваты,
И на свого батька-пана, руку подыйматы»¹.

Но Железнякъ зналъ слабую сторону Гонта — непомѣрное честолюбіе. Гонта, лишь только изъ *хама* (какъ называли простолюдиновъ Поляки) сдѣлался *паномъ* и изъ козака шляхтичемъ и помѣщикомъ, то уже не только своего полковника, но и самага Младановича не боялся, и какъ видно питалъ къ нему зависть и скрытую злобу. Железнякъ какъ истинный сынъ славнаго Запорожья умѣлъ и хитрить и лгать при удобномъ случаѣ. Онъ началъ тѣмъ, что показалъ Гонтѣ мнимый указъ Императрицы и подарилъ ему письменное благословение Лебедискаго игумена. Говоря ему о славѣ истребленія католиковъ и уніатовъ, распространенія православія и козачества, онъ не забывалъ возмущать его душу видами корысти. Онъ обѣщалъ Гонтѣ, что если онъ поможетъ ему взять Умань, то не только этотъ городъ со всѣмъ господскимъ имуществомъ, но и всѣ украинскія имѣнія Потоцкаго отдать въ вѣчную и потомственную собственность храбраго сотника. Уже тогда онъ не сотникомъ, а воеводою Русскимъ на мѣсто Потоцкаго будетъ. «Дѣбре, замѣтилъ Гонта, а вы пане Максиме чимъ будете, полковникомъ чи що?». — «Отъ дурень, отвѣчалъ Железнякъ, та яжъ буду гетманомъ обоихъ сторонъ

---

¹ «Украин. народ. пѣсни», изд. М. Максимовичемъ, стр. 124 и 125. *Годи*, довольно.

«(Днѣпра), якъ панъ Хмѣльницькій». — Это доказательство показалось Гонтѣ убѣдительнымъ и онъ обѣщалъ ему помощь Уманской милиціи. Гибель Умани была рѣшена.

Теперь обратимся къ этому несчастному городу и послушаемъ, что говорятъ о наѣздѣ гайдамакъ очевидецъ, — дочь Младановича *Вероника*, имѣвшая тогда 18 лѣтъ отъ роду, которая передала намъ самое подробное объ этомъ событіи повѣтствованіе.

«Въ половинѣ Мая (1768), говорятъ она, распространились вездѣ слухи о мятежѣ черни въ Смѣлянщинѣ. Когда убѣдились въ истинѣ этого событія, то мой отецъ и полковникъ *Обухъ* (командиръ козачьяго полка), приказали всѣмъ сотникамъ прѣбыть въ Умань подъ предлогомъ обыкновеннаго смотра. Полкъ сей-часъ прибылъ и вся его старшина съ знаменами, отправилась въ церковь (православную) для принесенія новой присяги, которой требовала важность тогдашнихъ обстоятельствъ. Послѣ церемоніи знамена отнесены въ лагерь козацій, расположенный у *Грекова* (лѣсокъ близъ Умани), а полковникъ съ сотниками и другими старшинами пришли къ моему отцу. Тогда-то я разсмотрѣла хорошо черты лица Гонты и слышала съ какимъ искусствомъ говорилъ онъ по Польски, и какія краснорѣчивыя дѣлалъ обѣщанія. О еслибъ сдержалъ онъ все то что тогда обѣщалъ! Вскорѣ послѣ того полкъ снялъ свой лагерь и пошелъ по Звенигородской дорогѣ, обѣщая уничто-

жить гайдамаковъ». Такимъ образомъ Гонта шелъ на встрѣчу Железняку, который надѣясь на помощь сотника, по темногу приближался къ Умани убивая и сожигая все что было Польское и Жидовское.

«Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ Украины (угрожаемыхъ плъ разоренныхъ гайдамаками), изъ Смѣлянской, Бѣлоцерковской, Лысянской, Звенигородской, и др. губерній, шляхта и Жиды бѣжали въ Умань искать защиты. Только Граховская мѣлищя, хотя имѣла болѣе 500 хорошо вооруженныхъ и храбрыхъ козаковъ осталась вѣрна своему помѣщику князю Чарторійскому¹. Умань былъ уже переполненъ жителями, а еще нельзя было запереть его, ибо въ самомъ городѣ воды не было и должно было, какъ и теперь, посылать за нею версты за двѣ на ручей, называемый *Каменка*, гдѣ послѣ устроенъ знаменитый теперь садъ *Софіївка*. Противъ ратуши вырытъ былъ огромный колодезь, но хотя уже дошли до 200 сажень глубины, а все еще воды не отыскали. Вскорѣ опасность сдѣлалась такъ велика, что мой отецъ приказалъ запереть ворота (укрѣпленной

---

¹ Князь Адамъ Чарторійскій (отецъ) генералъ, т. е. предводитель дворянскихъ сеймовъ и земскаго ополченія земли Подольской, по родству съ Полятовскими и по своимъ мнѣнiямъ на сеймѣ, былъ приверженецъ Россiи и соперникъ Потоцкихъ. Дворяне его партiи всегда увѣряли, а это было похоже на истину, что графъ Потоцкiй по честолюбію и легкомыслію своему, самъ поднималъ на ноги гайдамаковъ и вывелъ ихъ въ поле, чтобы обвинить короля предъ Русскимъ дворомъ. Потоцкiй не воображалъ тогда послѣдствiй, которыя были на собственныя его имѣнія.

части города); вновь прибывающіе помѣщались какъ могли на предмѣстіяхъ, или большимъ таборомъ становились у Грекова. Въ началѣ Іюня, нѣсколько дворянъ изъ этого табора пришли къ моему отцу и сообщили ему свои опасенія: «что они отъ вѣрныхъ себѣ поселянъ узнали, что Гонта измѣнникъ, что онъ сообщникъ Железняка, того самаго, который получилъ благословеніе въ Лебединскомъ монастырѣ и который былъ главою Смилянскаго мятежа». Они требовали чтобы Гонта былъ призванъ въ Умань и по Магдебургскому праву казненъ немедленно. Мой отецъ отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ благородному человѣку, но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему. Всѣ явились по приказу: отецъ мой сообщилъ Гонтѣ о подозрѣніяхъ какія на него падали. Надобно было слышать какъ онъ защищался, ему написали особенную присягу и дали для прочтенія, ибо Гонта читать и писать умѣлъ. Онъ потребовалъ чтобы его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно». Къ чему все это Гонта дѣлалъ, постигнуть не можемъ. Или тогда онъ еще не рѣшался на столь кровавую измѣну, или притворною готовностью хотѣлъ усыпить бдительность Младановича и города? — «Его желаніе исполнили. Изъ трехъ церквей вышли на площадь священники, (обѣихъ исповѣданій), въ полномъ облаченіи, съ Евангеліемъ и хоругвями и тутъ козакъ произносили присягу. Помню что и о. ректоръ монастырка и школы Базиліанскихъ

монаховъ, *Ираклий Костецкій* благословилъ тоже Гонту и тотъ цѣловалъ его руку!! Сотники воротились къ своему полку, а мой отецъ съ казначеемъ *Рогашевскимъ* и архитекторомъ *Шафранскимъ*, поѣхали для обозрѣнія табора расположеннаго у Грекова, гдѣ уже до 2,000 (а иные говорятъ до 6,000) чел. собралось». Этотъ Шафранскій былъ человѣкъ замѣчательный; онъ безпрестанно говорилъ о Берлинѣ и Фридрихѣ В., котораго зналъ лично; хотя одѣвался въ старинный Польскій костюмъ и былъ по званію своему землемѣромъ и архитекторомъ, но по всему видно было что служилъ въ военной службѣ, вѣрно Прусской. — «Онъ былъ присланъ графомъ Потоцкимъ для постройки крѣпости и городскихъ зданій, для основанія Базиліанскаго монастыря и отвода дарованныхъ ему земель и имѣній. Между тѣмъ всеобщій ужасъ наведенный гайдамаками умножилъ еще таборъ у Грекова, а 4 Іюня такая тревога вездѣ распространилась, что отецъ мой и Рогашевскій хотѣли матерей нашихъ и насъ отправить въ Тарговицу, мѣстечко на р. Синюхѣ, лежащее противу Русскаго города Архангельскаго (нынѣ Ново-Архангельскъ, воен. посел. Хер. губ.), на самой границѣ. Все изготовилось къ отъѣзду, когда посреди ночи, какъ мы уже сажались въ экипажи, къ намъ на замокъ сбѣжались женщины, мѣщане, священники и жиды съ плачемъ и просьбами, чтобы мы не уѣзжали, ибо тогда и они побѣгутъ изъ города. Ихъ слезы и просьбы убѣдили насъ,

мы остались, радуясь что не покидаемъ отцевъ и мужей въ опасности.

«6 и 7 числа Іюня прошли среди безпрестанныхъ опасеній и ожиданій. 8 Іюня (н. ст.) увидѣли мы облака пыли по направленію къ Грекову. Шафранскій взошелъ на крышу одной изъ башенокъ, (въ которой онъ всегда занимался своими математическими работами), чрезъ подзорную трубу увидѣлъ, что Уманскій полкъ приближался къ Грекову и тамъ остановился. Сердца наши наполнились страхомъ и надеждою». Надежды основывались на мысли, что Уманскіе козаки бѣгутъ на защиту города, угрожаемаго гайдамаками! — «Но вскорѣ отчаяніе наполнило все сердце, когда Шафранскій далъ знать, что какой-то другой конный отрядъ, въ разныхъ одеждахъ и различно вооруженный, приближается туды-же; наконецъ, что Гонта сошелъ съ лошади, съ начальникомъ этой пестрой толпы по дружески здоровался и обнимался». Шафранскій быстро сбѣжалъ съ своей башни и приказалъ готовиться къ серьезной защитѣ, ибо гайдамаки, а это были они, уже бросились на таборъ у Грекова и тамъ начали безъ пощады всѣхъ колоть и убивать. Шафранскій видя слабость и нерѣшимость Младановича, принялъ на себя команду и защиту города; вся надежда его была на 4 пушки стоявшія у воротъ, на храбрость дворянъ и пѣшаго гарнизона, хорошо вооруженнаго ружьями, которыхъ онъ поставилъ сзади палисадовъ, а самъ

распоряжалъ артиллеріею. «Нѣсколько десятковъ болѣе отважныхъ гайдамакъ чрезъ предмѣстья бросились къ воротамъ, — но встрѣченные картечью, съ воплемъ и нѣсколькими рапеными (которыхъ немедленно уносили), убѣжали назадъ. Вскорѣ явилась гораздо большая толпа, какъ измѣнившихъ Уманскихъ, такъ и пришедшихъ съ Железнякомъ козаковъ, желая пробиться сквозь частоколъ; — но выстрѣлы шляхты и *лизней* сквозь отверстія, сдѣланныя нарочно въ сваяхъ, начали усмирять стремленіе гайдамакъ; они съ бѣшенствомъ опускались внизъ, и рыскали по предмѣстіямъ, убивая попадавшійся народъ безъ разбору, Поляковъ и мѣщанъ. Вдругъ *лизни* наскучивъ трудною защитою, перелѣзли чрезъ ограду и соединились съ разбойниками; арестанты, оставленные безъ надзора, разломали колодки и двери и сдѣлали тоже.

«Отецъ ректоръ Костецкій съ другими католическими и уніятскими священниками, видя всеобщій ужасъ и уныніе, взяли Св. дары, вышли изъ обѣихъ церквей во всемъ священномъ облаченіи, и съ пѣніемъ и молитвами ходили по улицамъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Ихъ сопровождали вопли, слезы и крики слѣдовавшаго народа. Гайдамаки завладѣвъ форштатами, стрѣляли оттуда въ городъ; я помню, что пули изъ предмѣстія *Турокъ*, лежащаго на возвышеніи, но ниже *старого* города, долетали до насъ слѣдовавшихъ за крестнымъ ходомъ. Шафранскій видя малое число шляхты и измѣну *лизней*, училъ и поощ-

рялъ Жидовъ стрѣлять чрезъ палисады, особенно когда толпы поселянъ изъ *Помыйника*, *Маньковки*, *Ивановки*, *Полковничей* и др. селъ, рыснули съ сѣкирами, чтобы подрубить сваи. Въ столь грозный часъ опасности мужество многихъ поколебалось, и не удивительно; — кромѣ трудной защиты обширнаго города и страха неумолимаго и дикаго врага, къ тому еще дни были знойные, а воды въ городѣ ни капли. Жажда, а быть можетъ и отчаяніе заставило дворянъ пить вино, медъ и паливки, которыми вели торговлю Евреи и большое ихъ количество хранили всегда въ погребахъ. Это иногда уничтожало всякій порядокъ. Одинъ Шафранскій не терялъ духа, онъ вездѣ былъ лично и правду сказать, онъ одинъ и распоряжался. Гдѣ былъ тогда командиръ регулярнаго пѣхотнаго отряда поручикъ *Ленартъ*, не знаю; — что дѣлали конфедераты? почему они, привыкшіе къ битвамъ, не защищали Умань? — сказать трудно. Шафранскій жаловался на эту толпу дворянства и въ упрекъ ставилъ имъ примѣръ Жидовъ, твердо державшихъ свои посты, не смотря на труды и раны. Со стороны гайдамакъ видно было, что только Железнякъ дѣйствовалъ, ибо онъ ни на минуту не оставлялъ предмѣстій»¹.

---

¹ Изъ прилагаемаго плана г. Умань, читатели легче поймутъ положеніе осажденныхъ. Предмѣстія *Турокъ*, *Асташево* или *Пове място* и *Бабанка*, были уже взяты, ихъ отдѣляли отъ

9-го Іюня, около 2 часу по полудни, Шафранскій видя, что уже ни одного пушечнаго заряда не осталось, — ибо запасъ былъ небольшой, гайдамаки въ теченіи сутокъ нападали безпрестанно и только картечные выстрѣлы ихъ прогоняли, — понялъ, что подобное сопротивленіе уже невозможно и предложилъ другія средства къ спасенію Уманн. Замѣтивъ, что уже и Гонта рѣшился подойти къ замку, посовѣтовалъ Младановичу испытать средствъ къ примиренію. Зная самолюбіе Гонты, онъ приказалъ мѣщанамъ выйти къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ, солью и подарками, а Младановичу войти съ нимъ въ переговоры; самъ же какъ-бы не желавшій никакихъ сношеній съ измѣнникомъ, и притворясь запальчивымъ и непреклоннымъ, будетъ ожидать ихъ съ заряженными пушками у воротъ. Все было сдѣлано по совѣту усерднаго Шафранскаго, — но все было напрасно. Младановичъ отворилъ ворота и съ мѣщанами вышелъ къ приближающимся Гонтѣ и Железняку. Гайдамаки, зная состояніе гарнизона и недостатокъ въ аммуниціи и водѣ, съ презрѣніемъ отвергли все условія; Гонта даже не хотѣлъ говорить съ Младановичемъ, и отвернувшись отъ него, вошелъ въ городъ. Гайдамаки немедленно разсѣялись по всѣмъ направленіямъ и заняли караулы. «Мой отецъ», говоритъ раска-

---

стараю юрода одни овраги и рѣчка Уманка. *Старе място*, т. е. собственно крѣпость, командовало всѣмъ пространствомъ, и отъ того еще защищалось.

щца, «прибѣжалъ къ намъ и сказалъ: «я гово-
 «рилъ съ Гонтою, нѣтъ никакой надежды, остается
 «ся поручить себя Богу и умирать». Тогда-то
 поднялись вопли и стоны; отецъ мой и мы всѣ
 бросились вмѣстѣ съ духовенствомъ въ Базиліан-
 скую домовую церковь¹; остальные католики и
 униаты толпились въ своей приходской церкви». Гон-
 та вошедъ въ городъ, закричалъ гайдамакамъ:
 «Нуте братця, пора начинать наше дѣло!» и
 убійства начались во всѣхъ концахъ города; самъ
 онъ съ сотниками и цѣлою толпою козаковъ по-
 дошелъ къ Базиліанскому монастырю. «Остано-
 вясь у церковныхъ дверей, потребовалъ онъ что-
 бы Младановичъ и Рогашевскій съ семействами
 явились къ нему. Рогашевскій имѣлъ жену и 4-хъ
 дѣтей, мой отецъ жену, 84-хъ-лѣтнюю мать, 4
 сестры, 2 шурца, насъ дѣтей трое и нѣсколько
 племянниковъ. Прежде вызвали отца моего, онъ
 вышелъ на паперть церкви (Krughta) и вмѣстѣ съ
 женою и дѣтьми подошелъ къ Гонтѣ. Я была
 подлѣ отца и хорошо слышала, какъ онъ говорилъ
 сотнику: «Пане Гонто! ты уже много милостей
 «получилъ отъ нашего пана (Потоцкаго), а полу-
 «чишь еще больше, когда его имѣнія и этотъ
 «городъ спасешь отъ новыхъ бѣдствій». Не знаю,
 что отвѣчалъ Гонта, но я помню свирѣпое выра-
 женіе лица его». Говорятъ, что онъ указавъ Мла-

---

¹ Эта церковь и монастырь были деревянные, на прило-
 женной здѣсь, почти современной картинкѣ, онѣ изображены
 съ лѣвой стороны.

даповичу на убійцъ и бывшій лагерь у Грекова, сказалъ: «дивысь панъ подстолий якъ гуляють». — «Помню, что отецъ мой обращаясь къ другому Уманскому сотнику *Еремію Панку*, родомъ изъ с. Хашеватой, сказалъ ему въ полголоса: «Пане Еремо спасай насъ!» — на что тотъ отвѣчалъ со слезами: «пѣхай васъ Богъ ратуе, уже я васъ «не обороню». Услышавъ это, мой отецъ обратился ко мнѣ какъ старшей, ибо я уже лѣтъ 18 имѣла, и возлагая на меня небольшую снятую съ себя иконку Божіей матері, сказалъ: «Это наслѣдіе «моихъ предковъ, пусть Пресвятая Дѣва здѣсь «изображенная, защититъ тебя! Если переживешь «наше бѣдствіе, то храни свято послѣдній даръ «мой». Потомъ вынулъ кошелекъ и положивъ его въ мой карманъ, присовокупилъ: «вотъ все, что «тебѣ могу оставить». Это былъ кошелекъ съ золотыми деньгами. Но тутъ Гонта крикнулъ, чтобы наши оба семейства уводили прочь. Почти безъ памяти прошла я на церковный дворъ, но тутъ кто-то ударилъ меня пикою и я упала; ударившій поднялъ меня, чтобы отвять отцовскія деньги, — я думала, что уже послѣдній часъ мой пришелъ, — что онъ убьетъ меня, но толстый на косточкахъ корсетъ, который тогда носила, спасъ меня отъ смерти: пика только легкую рану мнѣ прищипала. Вскорѣ пригнали туды еще большее число людей и съ ними вмѣстѣ, среди мертвыхъ тѣлъ покинутыхъ на улицахъ, добрались мы до отцовскаго дому (*Kommissarnia*). Со мною

НАЧАЛО СТОЛ

была одна моя тетка дѣвица, которая занималась моимъ воспитаніемъ. Я и десятилѣтній братъ мой¹ держались этой тетки и такъ ожидали своей участи среди двора. Когда уже набралось тамъ довольно дворянскихъ и еврейскихъ дѣтей согнанныхъ гайдамаками, повели насъ въ церковь Св. Николая, чтобы обращать въ православіе. Моя тетка услышавъ это, упала на колѣни и воскликнула: «я хочу лучше умереть, нежели измѣнить «вѣрѣ, въ которой родилась», — но она не успѣла выговорить этихъ словъ, какъ сторожъ нашего дома однимъ ударомъ топора убилъ ее на мѣстѣ. Тутъ я уже совсѣмъ лишилась чувствъ и не знаю какъ очутилась въ церкви, среди поддерживавшихъ меня мѣщанокъ, а брата моего увидѣла на рукахъ у какого-то козака. Среди священныхъ хоругвей, при колокольномъ звонѣ происходило это крещеніе, и когда старикъ священникъ, съ горькими слезами производившій этотъ обрядъ, спросилъ: «гдѣ-жѣ воспріемники отъ купели?» толпа козаковъ закричала: «христить! христить! Желѣзнякъ и Гонта кумы!» Послѣ церемоніи погнали насъ въ казармы, гдѣ прежде содержались преступники, — туды мы шли буквально по трупамъ! Въ казармахъ было уже такое множество народа и такая

---

¹ Въ послѣдствіи времени, этотъ братъ повѣствовательницы, *Павелъ Младановичъ*, постригся въ монахи Базиліанскаго ордена и умеръ подобно сестрѣ своей въ глубокой старости. Онъ тоже оставилъ описаніе Уманской рѣзни, изданной гр. *Рачинскимъ*.

тѣснота, что даже стоять свободно нельзя было. Крики злодѣевъ, вопли и стоны убиваемыхъ жертвъ раздавались вокругъ насъ безпрестанно. Уже смеркалось, когда я увидѣла, что какой-то молодой козакъ пробивался въ толпѣ и громко спрашивалъ: «есть тутъ дѣты Младановича». Когда приблизился, мы узнали въ немъ переодѣтаго старшаго сына г. Рогашевского (казначея). Онъ намъ рассказалъ, что ни нашихъ, ни его родителей, ниже никого изъ родныхъ нѣтъ уже въ живыхъ; что ихъ всѣхъ привели къ дому градскаго главы (*Wójta*) *Иштата Богатаго*¹, гдѣ поселились Гонта и Желѣзнякъ. Тамъ немедленно они были приговорены и преданы смерти: — всѣ несчастные безъ различія пола и возраста изколоты пиками. Его-же и двухъ меньшихъ братьевъ, одинъ козакъ изъ села *Градзіёвой* (данной его отцу вмѣсто жалованья), схвативъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы убить на просторѣ, спряталъ въ какомъ-то подвалѣ. Вскорѣ пришелъ и прицѣсь ему козачій нарядъ и пикку, совѣтуя *погулять* подобно прочимъ, а малыхъ братьевъ спряталъ на предмѣстьи у какого-то поселянина».

Убіійства продолжались всю ночь и слѣдующій день (10 Іюня). Шафранскій видя гибель города и своихъ друзей, заперся въ своей башнѣ съ

---

¹ Преданіе живое доселѣ говоритъ, что перстъ Божій наказалъ измѣнника—*войта*. Въ два или 3 дни послѣ, среди банкета съ гайдамаками, умеръ въ самыхъ жестокихъ мученіяхъ: его животъ лопнулъ и вся внутренность вылезла наружу!

оружіемъ и рѣшился погвѣбнуть не даромъ. Но гайдамаки зная, что упорная защита Умани произошла отъ его храбрости и твердости, отыскиали его убѣжище и начали ломать двери къ башенкѣ. Шафранскій изъ пистолетовъ и ружья убилъ многихъ злодѣевъ, но наконецъ былъ схваченъ и умерщвленъ съ особеннымъ остервеніемъ. Гайдамаки и козаки чрезвычайно ненавидѣли Базиліановъ какъ уніатовъ и злоба ихъ къ этому ордену не имѣла предѣловъ. Ихъ убивали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, ругаясь даже надъ самою святынею. Вотъ какъ это событіе описываетъ очевидецъ, спасшійся однимъ чудомъ и сохранившій въ архивѣ Уманскаго монастыря описаніе этой години злополучія: «Когда уже не осталось ни какого сопротивленія, гайдамаки бросались какъ бѣшеные, одни въ Базиліанскую, а другіе въ приходскую католическую церковь (kościół farny, fara). Въ сей послѣдней одинъ изъ атамановъ вбѣжалъ на амвонъ, и тамъ ругая безстыднымъ образомъ присутствующихъ дворянъ, осмѣивая святыя обряды и литургію, богохульствуя, ругаясь даже надъ св. тайнами, иконами и вѣрою латинскою — закричалъ на своихъ: «нужъ братцы убывайте»! Гайдамаки рынулись на самыхъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей. Настоятель церкви о. *Вадовскій* проколотъ копьями у самаго олтаря: дворянъ, однихъ обнажали и топорами рубили, другихъ пиками, пожами, дубинами смерти предавали. Старцевъ за волосы вытаскивали, женщинъ

публично безчестили, и убивали; дѣтей въ куски терзали. Тоже происходило въ церкви Базиліанской. Ранивъ ружейными выстрѣлами о. ректора *Костецкаго*, когда онъ не смотря на свои мученія, разбросанные по землѣ для поруганія св. дары (*hostiæ*), собиралъ и съѣдалъ, никаки добыл и въ канаву бросил¹. Другихъ Базиліанскихъ монаховъ: вице-ректора *Ивана Левицкаго*, *Илію Магеровскаго*, *Либерія Очасскаго* и *Маевскаго*, пзвлекши изъ церкви и раздѣвъ, жестоко били, требуя чтобы они показали скрытое имущество церковное, и то, которое дворянство отдало имъ на сохраненіе; но не нашедъ ничего въ указанномъ мѣстѣ, ибо другіе грабители все расхитили, привязали этихъ монаховъ къ большимъ шестамъ, били ихъ по головѣ, по лицу и всему тѣлу нагайками, древками отъ пикъ и палками, кололи ихъ, вода съ ругательствами во кругъ ратуши и уже полумертвыхъ отдали подъ стражу въ домъ мѣщанина *Шмата Богатаго*, но вскорѣ крики фанатиковъ ихъ оттуда вывели и несчастные были

---

¹ Въ Уманскомъ монастырѣ до послѣднихъ дней сохранилась одна большая картина съ изображеніемъ въ ростъ, *мученичества* несчастнаго *Праксія Костецкаго*. Явидѣлъ рисунокъ этой картины въ 1843 году. Монахъ какъ видно изъ рисунка еще былъ очень молодъ, блонкуръ и имѣлъ весьма кроткую и привлекательную наружность. Въ глубинѣ видѣнъ городъ и гайдамаки убивающіе монаховъ. Подъ картиною была слѣдующая надпись: «R. P. «*Heraclius Kostecki O. S. Basilii, primus collegii Humanensis rector, zelosissimus missionarius, qui magna suae sanctitatis dedit documenta in provincia Russiæ, cum suis sociis, crudeliter occisus, anno Dñi 1768 die 9 Junii*» (т. е. 28 Мая).

влечены вторично по улицамъ и близъ православной церкви умерщвлены, а послѣ брошены на поруганіе черни».

Обратимся еще разъ къ семейству Младановича, котораго участь такъ краснорѣчиво описываетъ наша повѣствовательница. «10 числа предъ полуднемъ, говоритъ она, услышали мы (оставленные въ казармахъ) голоса козаковъ говорящихъ, что Железнякъ и Гонта прибыли къ казармамъ и приказали отыскать дѣтей Младановича. Я почти радовалась этой ужасной вѣсти, думая что мой послѣдній часъ насталъ!... Когда мы вышли на улицу, то увидѣли Гонту сидящаго на лошади, а подлѣ него какого-то старика-поселянина, низко кланяющагося и усердно цѣловавшаго его ноги. Гонта увидя насъ сказалъ ему: «отъ тебя собакъ двое, бери ихъ». Железнякъ стоявшій не много по дальше, тоже верхомъ, приказалъ подвести насъ къ себѣ. Долго глядѣлъ онъ на насъ молча и я могла замѣтить, что онъ былъ русо-волосый, большого росту, хорошей наружности и одѣтъ въ богатое Польское платье. Тотъ-же старый поселянинъ подошелъ къ нему и цѣлуя въ ногу что-то говорилъ. Железнякъ сказалъ громко, обращаясь къ Гонтѣ; «тось пане воеводо пода-«ровавъ тѣмъ диты»? — Гонта отвѣчалъ: «нехай до чорта берутъ». Услышавъ это, старикъ еще разъ поклонился, взялъ насъ за руки и пробираясь чрезъ груды труповъ довелъ до своей телеги, на которой сидѣлъ другой старикъ немного

помоложе перваго. Насъ усадили на телегѣ, которая поѣхала довольно скоро. Когда мы выбрались въ поле, нашъ путеводитель сказалъ: «мой бѣдные « дѣты, Богъ зъ вами, не лякайтесь (не бойтесь), «я *осадчій* зъ Оситны, а то мій братъ»¹. Такъ насъ привезли въ Оситну, гдѣ и переодѣли въ крестьянское платье. Днемъ съ поселянами ходили мы въ поле какъ-бы для работы, а ночью прятались въ камышахъ. Добрые избавители наши боялись еще поселянъ, которыхъ часть пристала къ гайдамакамъ. Въ два дни послѣ, пришелъ туды молодой учитель брата моего Павла, Хмѣлевичъ, спасшійся тѣмъ, что переодѣтый за козака рыскалъ по городу съ гайдамаками, и такъ невольно былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ. Онъ мнѣ рассказывалъ что видѣлъ, какъ много мертвыхъ тѣлъ бросали въ упомянутый выше колодезь, передъ ратушою, и что тамъ-же погребены тѣла несчастныхъ нашихъ родителей»².

Но не одни Поляки были жертвами убійцъ въ эту эпоху преступленій. Еврей подверглись той-же участи. Весьма любопытенъ рассказъ са-

¹ Село *Оситна* (Уман. уѣзда) было дано Младановичу вмѣсто жалованья. *Осадчій* (основатель) былъ почти во всякомъ селеніи на Украинѣ и въ Новорос. степяхъ; — это поселении перво-основавшійся гдѣ либо въ пустомъ урочищѣ, которое послѣ сдѣлалось селомъ. Иногда это названіе какъ титулъ, а иногда какъ прозвище, переходило къ его потомкамъ.

² Этотъ колодезь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ одна изъ башенъ ратуши; тамъ теперь винный погребъ купца *Берштейна*, (см. планъ Умани литера К).

мнѣхъ жидовъ объ этомъ Варфоломеевомъ днѣ истребленія ихъ братьевъ въ Умани. Онѣ дошелъ до насъ въ двухъ книгахъ весьма наивныхъ и краснорѣчивыхъ своимъ библическимъ слогомъ, но отъ которыхъ остались одни только обрывки¹. Повѣствователь, очевидецъ происшествія составилъ дневную записку всего событія и мы приведемъ здѣсь описаніе такъ называемаго *третьяго дня*: «Войдите въ городъ, всѣ жители онаго: Евреи и Христіане издають вопли и стоны, даже иностранцы (Прусскіе ремонтеры), искавшіе убѣжища въ Умани, падаютъ подъ ножами убійцъ. Такого жалобнаго и ужаснаго плачу неслышно было отъ сотворенія міра. Тысячи Евреевъ были умерщвлены, малолѣтнія ихъ дѣти связанныя вмѣстѣ, были брошены кучами на улицахъ подъ ноги лошадей. Была въ Умани одна дѣвица несравненной красоты. Гайдамаки хотѣли ее обезчестить насильно, но вѣрные обычаямъ своей страны, которые не позволяли имъ (убійцамъ!!) осквернять

---

¹ Г. Штернъ, директоръ Од. Еврейскаго училища, сообщилъ мнѣ нѣсколько страницъ изъ Еврейской книги подъ заглавіемъ: *Масъ недола миль коалесъ Уманъ* и пр., т. е. «большое событіе въ г. Умани, Украинскомъ городѣ принадлежащаго Польшѣ, происходившее въ 5530 году (¹⁷⁶⁸/₁₇₈₀)». Оно напечатано въ Амстердамѣ въ 5543 году (1780). Другое сочиненіе о томъ-же предметѣ доставилъ намъ ученый докторъ *Абрамсонъ* изъ Умани; заглавія онаго мы не знаемъ, но оно гораздо обширнѣе и говоритъ о разореніи и другихъ еще городовъ гайдамаками. Всѣ эти страницы съ еврейскаго языка переводилъ мнѣ молодой Од. кунецъ *Іоакимъ Тарнополь*, авторъ книги: *Ruth*, изданной имъ въ Одессѣ, на Французскомъ языкѣ.

себя прикосновеніемъ къ жидовкѣ, они принуждали ее перемѣнить вѣру, — но она отвѣчала: «Мою душу предаю Богу, а съ тѣломъ дѣлайте что хотите». Они выострили ножъ въ ея глазахъ и сказали: «Ты видишь этотъ ножъ, если не будешь повиноваться намъ, мы изрѣжемъ тебя въ куски». Но она отвѣчала съ гордостью: «подлые и нечистые люди, вы не принудите меня оставить вѣру отцовъ моихъ, убейте меня, дѣлайте что хотите». Они связали ее и бросили въ колодезь, гдѣ она погибла. Всѣ жиды заключились внутри своей синагоги; враги наши узнавъ объ этомъ, бросились за ними, но Евреи начали защищаться. Одинъ изъ нихъ называвшійся *Лейбою*, выхватилъ мечъ у одного разбойника, убилъ 20 враговъ; другой, иже *Мозесъ Мокеръ* защищаясь отчаянно убилъ ихъ 30. Наконецъ разбойники видя невозможность ворваться въ синагогу, привезли пушки и ядрами стрѣляли по ней!... Тысячи Евреевъ лишились тамъ жизни, — но они сдѣлались мучениками за вѣру. Одна женщина, именемъ *Брейла*, боясь чтобы послѣ ея смерти, дѣти не были обращены въ другую (т. е. христіанскую) вѣру, несчастная! утопила ихъ въ рѣкѣ. Гонта извергъ (да будетъ его имя проклято!) прибывъ въ Умань, издалъ объявленіе, чтобы богатые Еврейскіе купцы, если пожелаютъ спастись отъ гибели, принесли ему немедленно значительный окупъ. Купцы повѣрили и принесли оный въ ратушу. Гонта взялъ деньги, а несчастныхъ выбросивъ въ окошко,

лишилъ жизни. Уманскій проповѣдникъ (Баль-Даршоль) со многими своими братьями скрылся въ глубокомъ погребѣ и тамъ проводилъ время въ молитвѣ, прося Бога спасти ихъ отъ гибели. Но счастье имъ измѣнилось; враги пробрались и въ это убѣжище; они сперва отрубили голову проповѣднику на самомъ порогѣ подвала, а послѣ умертвили такимъ-же образомъ и другихъ Евреевъ. Отсюда убійцы пошли въ молитвенные дома (*беинъ-амедрошъ*); Еврей немедленно вынесли оттуда святое писаніе (т. е. пятикнижіе, *сеферъ-торâ*), наполняя воздухъ криками, воплями и молитвами, но это не остановило убійцъ, они отняли эти священные свитки¹, попрали ихъ ногами и тутъ-же убили цѣлыя тысячи Евреевъ (!!!); ихъ кровь переливалась за порогъ синагоги. Кто когда видѣлъ столь кровавыя сцены? Безчисленное множество сыновъ Израиля было заклано какъ стадо овецъ, но они умерли мучениками. Убійцы топтали младенцевъ въ глазахъ ихъ матерей, живыхъ дѣтей вбивали на острія пикъ и съ торжествомъ носили по улицамъ какъ-бы торжествуя побѣду! Трупы побитыхъ они бросали за городомъ безъ погребенія и гнали туды собакъ и свиней ».

Польскіе писатели говорятъ тоже хотя уже не столь краснорѣчивыми словами. Жиды стоявшіе

---

¹ *Сеферъ-Торâ*, пергаментный свитокъ, на которомъ большими буквами написано пятикнижіе, т. е. первыя пять книгъ Моисеевыхъ. Они приготовляются съ большими церемоніями и составляютъ святыню молитвеннаго дома Еврейскаго.

твердо нѣкоторое время, увидя гайдамакъ внутри города, не смотря на убѣжденія Шафранскаго, бросили оружіе и рѣшились запереться въ главной синагогѣ и тамъ ожидать смерти. Тамъ Гонта и истребилъ ихъ — пушками и огнемъ. Быть можетъ несчастныя жертвы, передъ смертію, повторяли кровавую панихиду сочиненную еще въ 1647 году, по случаю подобнаго-же бѣдствія, когда великій раввинъ *Экіель Михель* и до 10,000 ихъ собратій умерщвлены въ разныхъ городахъ Подоліи козаками, подъ начальствомъ Кривоноса и Морозенка¹.

Польская расказщица Вероника Кребсъ, говоритъ еще, что Хмѣлевичъ молодой учитель ея брата, пробывъ въ с. Оситномъ нѣсколько дней пустился въ Умань, чтобы узнать о происшествіяхъ. Возвратясь очень скоро назадъ, онъ привезъ весьма важныя извѣстія, именно: что гайдамаки уже утомились разбоемъ, грабятъ только въ окрестностяхъ Умани или занимаются пьянствомъ въ своемъ лагерѣ; что небольшой Русскій отрядъ неизвѣстно откуда прибылъ въ Умань, но гайдамаки будучи спяще, приняли его хорошо и оставались спокойны; что наконецъ Русскимъ отрядомъ командовалъ генералъ *Кречетниковъ*, дѣйстви-

---

¹ Эту панихиду и другую еще молитву о побѣжденных въ XVII столѣтіи Евреяхъ, мы приводимъ въ переводѣ въ приложеніяхъ №№ 2 и 3. Ежегодно, 20-й день мѣсяца Сивонъ (17/20 Мая) Евреи проводятъ въ постѣ и молитвѣ, въ память этого событія.

вавшій въ Польшѣ противу конфедератовъ. Хмѣлевичъ рассказывалъ, что онъ встрѣтивъ въ городѣ переодѣтаго въ козачье платье упомянутаго выше молодаго Рогашевского, съ нимъ вмѣстѣ проникъ до гайдамачьяго лагеря. Тогда онъ своими глазами убѣдился какое множество труповъ лежало безъ погребенія, которыхъ пожирали собаки, хотя большая часть была брошена въ глубокой городской колодезь, или вывезена въ поле къ с. Карповкѣ. Онъ видѣлъ цѣлыя горы награбленнаго имущества, сундуки серебра и денегъ, которымъ дѣлились гайдамаки, почти всегда пьяные. Купцы изъ Кіева и Балты, хладнокровно закупаали все это добро у гайдамакъ за самыя малыя деньги.

Теперь обратимъ вниманіе наше на это внезапное появленіе Русскихъ войскъ и на его послѣдствія.

IV.

Въ эпоху столь ужасныхъ происшествій, вельможн Польскіе, по обычаю, занимались или пришествіемъ или политическими интригами: графъ Ксаверій Бранецкій, главный врагъ короля, угощалъ въ своемъ имѣніи *Шаргородъ* (въ Галиціи), Русскихъ генераловъ Кречетникова и графа Апраксина, побѣдителей Барскихъ конфедератовъ, которыхъ онъ тогда уже оставилъ; — когда вѣсть о наѣздѣ гайдамаковъ на Умань достигла до него. Бранецкій не смѣлъ посылать свою дивизію Польской народной кавалеріи противу гайдамаковъ, ибо сіи злодѣи чрезъ слугъ и щюровъ (фурлейтовъ) немедленно-бы узнали о ихъ приближеніи и легко могли скрыться въ Турцію или на Запорожьи. Онъ просилъ Русскихъ генераловъ взять на себя эту обязанность, тѣмъ болѣе щекотливую для Русскаго вѣща, что гайдамаки разглашая вездѣ свою преданность Россіи, осмѣливались называть нашихъ солдатъ, своими соратниками противу Ляховъ. Кречетниковъ согласился услужить Польскому правительству, котораго зналъ всю слабость въ воен-

помъ отношеній¹. Онъ донесъ немедленно обо всемъ въ Петербургъ и въ Кіевъ къ генералъ-губернатору Воейкову, а самъ съ однимъ Донскимъ козачьимъ полкомъ, нѣсколькими гусарами и офицерами, поскакалъ въ Умань, взявъ, по сказанію Поляковъ, цѣлыя повозки цѣпей и веревокъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Умани (кажется въ сельцѣ Соколовочкѣ), онъ оставилъ полкъ и только съ малымъ отрядомъ Донцовъ и офицеровъ подъѣхалъ къ лагерю гайдамакъ. Передовые караулы было его остановили, но старшина узнавъ — кто прібылъ, немедленно ихъ въ станъ свой пропустила. Въ лагерьъ были почти всѣ начальники мятежа: *Максимъ Железнякъ*, *Гонта*, *Жаботинскій* сотникъ *Мартынъ Бялуга*, *Балтскій* сотникъ *Попатенко*. Запорожцы: *Василій Шило* и *Семенъ Неживый*, Уманскій сотникъ *Ерема Панко*, сотникъ *Тарговицкій* *Власенко*, и бездомныя разбойники *Мотылица*, *Журба* и др. Железнякъ распоряжался какъ главнокомандующій въ завоеванной землѣ; пріѣзжающіе являлись къ нему съ почтеніемъ, а отъѣзжающимъ отъ туда выдавалъ отъ своего имени паспоры и открытые листы². Когда Уманскіе жители просили его назначить на мѣсто убитыхъ, другихъ управителей и губернаторовъ, для города

---

¹ Въ Польшѣ и Литвѣ въ 1760-хъ годахъ вся армія регулярная не имѣла 20,000 чел. подъ ружьемъ, тогда какъ Радзивиллы одни имѣли для своихъ прихотей болѣе 6,000 милиціи.

² Одинъ изъ такихъ билетовъ имѣемъ у себя и прилагаемъ здѣсь въ № 9-мъ приложеній.

и волости, онъ отвѣчалъ имъ: что уже «послалъ «въ Кіевъ письмо къ главнокомандующему тамо генералитету, съ просьбою, о присылкѣ оттуду по- «требныхъ начальниковъ». Онъ было назначилъ Тарговицкаго сотника *Власенка* губернаторомъ Умани, но сей послѣдній забравъ свои деньги и сколько могъ заграбленнаго имущества, чрезъ Балту ушелъ въ Буджакъ и оттуда за Дунай. Онъ всѣмъ показывалъ мнимое свое *позволеніе*, называлъ себя полковникомъ войска Запорожскаго, а свою шайку огрядомъ козаковъ, посланнымъ изъ Сѣчи по повелѣнію Императрицы Екатерины II, на истребленіе въ Польской Украинѣ всѣхъ Жидовъ и Ляховъ. Одинъ Запорожецъ *Лавринъ Кантаржей*, бывшій въ это время по торговлѣ въ Умани, возвратясь въ Кошъ рассказывалъ старшинѣ, что: «онъ видѣлъ какъ многіе изъ тамошнихъ Польскихъ подданныхъ прѣзжали къ Железняку съ разныхъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ уже Ляхи и Жиды въ конецъ разорены; — и Железнякъ всякаго изъ нихъ по достоинству жалуя, даетъ письменный отъ себя приказъ всѣмъ такимъ людямъ, чтобы въ точномъ его всѣ смотрѣніи были и всѣ происходящіе отъ него порядки оставались-бы въ его власти, а ослушниковъ жестокимъ штрафомъ страдая. Железнякъ хвалился предъ нимъ, когда онъ требовалъ у него охранительнаго билета для себя и своихъ товаровъ: — «что состоящій въ «Польшѣ съ дивизіею Русскій генералъ Кречетниковъ благодарилъ его чрезъ письмо за то, что

«онъ Умань разорилъ въ конецъ и всѣхъ въ ономъ
«Жидовъ и Ляховъ вырѣзалъ (!!))».

Польскіе историки повѣствуютъ, что немедленно послѣ умерщвленія въ Умани всѣхъ католиковъ, уніатовъ и жидовъ, собраны были въ ратушѣ все оставшееся въ живыхъ народонаселеніе этого города, козаки и гайдамаки и тамъ при громѣ пушекъ и восклицанійхъ толпы, Железнякъ объявленъ гетманомъ и княземъ Смиляцкимъ, а Гонта полковникомъ Уманскимъ и Русскимъ воеводою, на мѣсто помѣщика его Франца Потоцкаго. Всѣмъ-же вообще гайдамакамъ, кромѣ разграбленнаго имущества, подарены напитки, въ жидовскихъ и польскихъ погребахъ найденные. Это была радость и довольство! Только Гонта тосковалъ и потирая чубъ говаривалъ: «ой братци атаманы! не выпьемъ мы того пива, що теперь «наварыли»!

Генералъ Кречетниковъ, видя что отрядъ гайдамаковъ дѣйствовавшій въ Умани довольно сплелъ, ибо въ немъ, по свидѣтельству очевидцевъ Запорожцевъ, было до 2,000 отчаянныхъ негодеевъ, хорошо вооруженныхъ, при 30 знаменахъ и 15 пушкахъ, и можно было опасаться возмущенія крестьянъ въ ихъ пользу при малѣйшей неосторожности, — рѣшился побѣдить ихъ хитростью, чтобы главныхъ зачинщиковъ мятежа живыхъ прибрать въ свои руки. Для того-то вѣроятно онъ льстилъ главѣ злодѣевъ, прося его позволенія дѣйствовать за одно противу конфедератовъ, съ

Донскимъ полкомъ и гусарами, ожидая сверхъ того отряда драгунъ Каргопольскаго полка съ полковникомъ *Гурьевымъ*, который какъ онъ узналъ, былъ уже не далеко отъ Умань. Гайдамаки, за исключеніемъ Железняка, въ безпрестанномъ пьянствѣ упражняясь, не въ сплахъ будучи понять цѣли Кречетникова, охотно войска его къ Уманн допустили; ихъ лагерь сталъ рядомъ съ гайдамачьею ставкою, Русскіе караулы вмѣстѣ съ ихъ караулами заняли посты: въ городѣ и въ крѣпости. Но Железнякъ былъ хитрѣе другихъ, — «не уберетъ мене Запорожця москаль въ свои «шоры» — сказалъ онъ своимъ приближеннымъ и въ ту самую ночь когда Русскій отрядъ легъ лагеремъ подлѣ его, т. е. съ 16 на 17 числа Іюня, убрался оттуда съ небольшою горстью гайдамакъ и скрылся въ окрестностяхъ Балты. Генералъ Кречетниковъ узналъ объ этомъ прежде Гонта и видя его смущеніе, поспѣшилъ съ окончаніемъ своего проекта. Вотъ, говорятъ, какъ это происходило. Генералъ успѣлъ свои ласки къ Гонтѣ и другимъ старшинамъ и приобрѣвъ ихъ дружбу похвалами и даже лестью, предложивъ Гонтѣ побывать въ Росушкахъ, селѣ подаренномъ ему отъ Потоцкаго, чтобы познакомиться съ семействомъ новаго Русскаго воеводы. Гонта охотно вѣзвался угостить генерала съ его штабомъ; отправилсь въ тотъ-же день. Тамъ употреблены были всѣ средства чтобы Гонтѣ и всѣхъ его товарищей упоить совершенно, не участвуя самимъ въ столь по-

хвальномъ упражненіи. Русскіе офицеры и Донцы исполнили это дѣло весьма удачно, даже гусары водки не пили. Подъ вечеръ воротились въ Умань. Пьяные сотники и гайдамаки, не получая приказаній отъ Гонта и сами ничего не приказывали, оставляя лагерь почти открытымъ, ибо караульные сами тоже пить начали. Кречетниковъ немедленно воспользовался ихъ оплошностью, Каргопольцы прибыли послѣ захожденія солнца и стали биваками рядомъ съ гайдамаками. Лишь только наступила ночь и гайдамаки беззаботно улеглись въ своихъ палаткахъ, Донцы по данному сигналу захватили гайдамачьихъ лошадей, по степному обычаю ходящихъ табуномъ, и отогнали ихъ въ степь. Въ то же время остальные козаки, гусары и драгуны окружили лагерь; въ одно мгновеніе Гонта, его сотники и атаманы были схвачены и закованы въ желѣза; гайдамаки пробужденные, хватились было за оружіе и убили многихъ солдатъ, но по напраслу, Донцы такъ живо ихъ вязали, что не смотря на бѣгство Железняка и другихъ разбойниковъ, 887 гайдамакъ было схвачено и въ томъ числѣ всѣ почти главные предводители; зачинщики Уманскаго и Смелянскаго мятежей. Кречетниковъ Гонта (въ его богатомъ воеводскомъ нарядѣ), всѣхъ Уманскихъ, Смелянскихъ, Каневскихъ и пр. козаковъ и гайдамакъ, какъ Польскихъ подданныхъ, отдалъ прибывшему туды командиру Украинской партіи графу Браицкому, а 150 чел. признанныхъ Запорожцами, т. е. Русско-поддан-

ными отослалъ для суда въ Кіевъ, къ военному губернатору Воейкову.

Бывшіе Запорожцы: Железнякъ изъ Тимошевскаго и Семенъ Неживый изъ Минскаго куреня, Василій Волошинъ, Молдавскій чабанъ, и Иванъ Саражинъ, бѣглый изъ Новосербскаго поселенія гусарь, со многими другими гайдаками ушедъ изъ Умани, пустились въ степи къ берегамъ верхняго Буга и Днѣстра. Железнякъ, имѣвшій въ день своего бѣгства не болѣе 20 чел. товарищей, собралъ вскорѣ до 200 гайдаковъ и козаковъ ушедшихъ тоже изъ Умани, остался въ окрестностяхъ Балты, разбойничая на всемъ пространствѣ около трехъ границъ, сходящихся на устьяхъ рѣчекъ Синюхи или Синей-Воды и Кодыми. Другіе подвизались около Чигрипа, въ такъ называемомъ Черномъ-Лѣсу, въ Чутѣ и около Лебединскаго монастыря.

Железнякъ не терялъ ни духа, ни своей дерзости и постоянно выдавалъ себя за полковника Запорожскаго и поборника православія. Онъ имѣлъ при себѣ эсаула, носившаго его серебряный перначъ или булаву, знакъ полковничьяго на Запорожьѣ достоинства и хорунжихъ съ однимъ большимъ и 8 меньшими знаменами. Удальцы и бродяги стекались къ нему со всѣхъ пограничныхъ селъ и изъ Запорожскихъ рыбныхъ ловель, а грубая чернь прославляла его подвиги, считая этого ватажка какимъ-то героемъ Украины. Это видно изъ пѣсни о немъ, которая такъ начинается:

«Максимъ козакъ Железнякъ въ славнаго Запорожа
«Прощитае на Украинѣ, якъ въ огороди рожа»¹.

18-го Іюня онъ съ 300 гайдамаками бросился на небольшое Польское мѣстечко *Пальево-Озеро* (Подольск. губ.), и бывшихъ тамъ Поляковъ и Жидовъ перерѣзалъ или утопилъ въ рѣчкѣ. Когда же многіе изъ нихъ спаслись бѣгствомъ въ мѣстечко Балту, (котораго одна половина, какъ мы уже сказали, принадлежала Полякамъ, а другая хану Крымскому), Железнякъ послалъ своего эсаула съ письмомъ къ Балтскому Каймакану, требуя немедленной выдачи бѣглецовъ. Получивъ отказъ, онъ соединился съ другимъ отрядомъ скитавшихся гайдамакъ, большою частью поселянъ и Уманскихъ козаковъ, имѣвшимъ до 200 чел. и 4 пушки, и со всѣми своими молодцами атаковалъ Балту. Выступившій противу нихъ Турецкій отрядъ былъ разбитъ, Балта взята и разграблена, всѣ пойманные Поляки и Евреи какъ Польскіе, такъ и ханскіе подданные, убиты, Турецкій гарнизонъ прогнанъ. Когда Балтскій гетманъ, т. е. Каймаканъ хана Крымскаго *Якубъ Яга* удостовѣрился, что дерзости и напора гайдамакъ, до прибытія Буджацкой орды Ногайцевъ, въ степи кочевавшей, удержать не можетъ, послалъ къ нимъ двухъ своихъ сейменовъ и одного прибывшаго къ нему нарочнымъ изъ Сѣчи, Запорожскаго полковаго старшину Се-

---

¹ Рожа, (róza), роза.

мена Галицкаго для переговоровъ¹. Онъ хотѣлъ узнать: кто такіе нападатели и чего хотятъ? ибо хотя Железнякъ чрезъ своего посланца увѣрялъ, Якубъ-агу, что онъ и его шайка Запорожское войско, присланное отъ Кошевого атамана для истребленія на Украинѣ всѣхъ Ляховъ и жидовъ; въ доказательство чего показывалъ свой ложный указъ, или листъ; — но Якубъ-ага тому не вѣрилъ. Толмачъ-же его, Грекъ, знавшій по Русски и неоднократно по службѣ бывавшій въ Новосербіи, собственными глазами видѣлъ, что на большомъ листѣ огромными буквами написано было: «Указъ Е. И. В. Самодержцы Всероссійской «и пр. и пр. Объявляется во всенародное извѣ-
«стіе»... а въ концѣ была слѣдующая подпись: «Атаманъ Кошевой Петръ Калнишевскій, з'Пе-
«тербурга». Это крайне затрудняло Якубъ-агу, какъ пограничнаго съ Россією чинovníка и онъ давно знавшій старшину Галицкаго, просилъ его удостовѣриться въ истинѣ. Галицкій тѣмъ охотнѣе взялся за это дѣло, что ему шло: «о чести и славѣ войска Запорожскаго» да и о собственномъ интересѣ, ибо во время наѣзда на Балту, гайдамаки ограбили домъ въ которомъ онъ жилъ и захватили его лошадей и пожитки. Вотъ рассказъ

---

¹ Большая часть помѣщаемыхъ въ настоящей главѣ свѣдѣній, заимствована изъ показаній Галицкаго и др. Запорожцевъ; онѣ отысканы нами въ Сѣчевомъ архивѣ.

Галицкаго объ этомъ происшествіи и посѣщеніи имъ гайдамацкаго стана:¹

«Балтскій Каймаканъ Якубъ-Ага задержавъ сумнительство, что тѣ гайдамаки точно (справедливо) себя Запорожцами называютъ, его Галицкаго спрашивалъ: не дано-ли имъ позволенія отъ Коша такія шалости чинить? А какъ онъ Галицкій въ самой точности его увѣрилъ, что никогда ни кому отъ войска таковаго дозволенія не давалось, то онъ Ага, къ лучшему еще того освѣдомленію, послалъ его Галицкаго, придавъ ему двухъ своихъ сейменовъ конныхъ къ онимъ гайдамакамъ. Когда онъ къ нимъ пришелъ, то увидѣлъ онъ ихъ всѣхъ вообще въ одной компаніи надъ разставленными напитками спящихъ, гдѣ и его Галицкаго посадивъ, довольно подчивали и просили его о прощеніи, что съ нимъ нѣкоторые шалуны покусились въ обиду его товарища (Запорожца Алексѣя Шульги) взять и при товарищѣ его, экипажъ его ограбить. При томъ обрадовали его было тѣмъ, что все безъ потерянія его имущество они отыщутъ, а ежели не отыщутъ, то вдвое наградятъ. Между тѣмъ любопытствуя съ ними въ разговорахъ, ни единаго съ нихъ гайдамакъ не призналъ Запорожскимъ козакомъ, потому что они по войсковымъ Запорожскимъ обычаямъ, лошади осѣдлають, на лошадь всѣдать, ратнща въ рукахъ

---

¹ Изъ показаній его Кошу, по возвращеніи въ Сѣчь, 2-го Іюля 1768 года.

дѣржать и лошади навьючить не умѣютъ. По большей части видѣлъ по нимъ, что они самые простые мужики бозопасные (не страшные), ибо когда они Турокъ изъ Балты выгнали и до 1,000 Ногайцевъ встрѣтили, то заряжая пушки рублевымъ желѣзомъ, порохъ изъ всящихъ у нихъ роговъ за однимъ разомъ издержали, и если-бы по счастію трехъ Татаръ не убили и другихъ чрезъ то не разогнали, то далѣе съ своими пушками удержаться-бъ не могли». Галицкій пробывъ у гайдамакъ нѣсколько часовъ, воротился къ Якубъ-Агѣ и собранныя имъ свѣденія сообщилъ. «На другой день (говоритъ Галицкій) присланы были къ Якубъ-Агѣ отъ гайдамацкой шайки два человѣка, изъ которыхъ одинъ называлъ себя эсауломъ, а другой сотникомъ, съ какими то письмами. Въ тотъ-же часъ подоспѣла къ Балтѣ орда (Буджацкіе Нагайцы) и пришелъ отъ оной къ Якубъ-Агѣ мурзакъ. Къ чему, (т. е. совѣщанію) и его Галицкаго Ага призывалъ. Гдѣ онъ посидя, *видѣлъ* (ибо Турецкаго языка не понималъ) между Якубъ-Агою и мурзакомъ многіе разговоры, а потомъ Якубъ-Ага сталъ сказывать присланнымъ отъ гайдамакъ эсаулу и сотнику ихъ: «что вы это сдѣлали и съ какимъ «вы намѣреніемъ городъ Балту разорили? Видѣть «можете сами, что орда подоспѣла и она напрасно «отойти не можетъ. Отъ вы запропастили своимъ «своевољствомъ Украину». Получивъ отвѣтъ Ага, посланцы уѣхали, но вскорѣ отъ оной гайдамацкой шайки прислано къ Якубъ-Агѣ письмо: «дабы онъ

съ ними вступилъ въ перемиріе и *ропписался* (что претензіи не имѣетъ), — а они, его Аги, и его команды убытки съ избыткомъ будутъ награждать». И какъ то уже между ними постановлено, онъ Галицкій не знаетъ, а только видѣлъ, что Турки вдоволь отъ гайдамакъ арбами имущества своего (въ Балтѣ у нихъ заграбленнаго), Польскаго и Жидовскаго, не мало на свою сторону везли. При чемъ и Галицкій къ гайдамацкой шайкѣ вторично поѣхалъ и требовалъ у нея возвращенія забратыхъ у него имущества и лошадей, а себѣ свободного отпуска. Но они и его уже отъ себя не отпуская, велѣли при нихъ быть до тѣхъ поръ, пока они въ томъ мѣстѣ себя не успокоятъ, и примутъ въ другое мѣсто походъ, гдѣ общались его съ вознагражденіемъ отпустить.

«Тогожь дни эсаулъ гайдамацкой шайки выбѣжавъ за замокъ (Балтскій), возвратился и отдалъ всѣмъ приказъ: чтобы всѣ немедля, на мелкія шайки раздѣлясь, къ походу готовились, а послѣ немедля и самъ эсаулъ съ своими сотниками сѣвъ на лошадей, а съ ними и Галицкій съ товарищемъ, подъ *политичнымъ наблюденіемъ* гайдамакъ, при пушкахъ ѣхали. — Когда въѣхали въ степь, то подъ часъ ночлегу, эсаулъ съ старшинами далъ всѣмъ лозунгъ, чтобы на запросъ: кто они такіе? — отвѣчать: «козакъ съ чаты»¹ а

---

¹ *Чата*, *czata*, отъ Польскаго слова *czatować*, наблюдать, сторожить, значить собственно *постъ* или *притыкъ*.

чаты назывались: *Тимошева, Бобринцева, Чаплынцева, Запорожцева, Смелянцева, Поповичева, Вербивцева* и др. А кто этого приказу не исполнял, тѣхъ били или даже убивали. Когда они начали подъѣзжать къ рѣчкѣ Саврани (Подол. губ.) и входить въ с. Пещаное, то онъ Галицкій видя, что они ему вознагражденія не чинятъ, за дозволеніемъ гайдамацкаго эсаула, съ товарищемъ своимъ уѣхали въ свой путь къ Запорожью». — Гдѣжь былъ тогда Железнякъ? Мы видѣли, что послѣ разоренія Балты, отрядомъ его командовалъ эсаулъ, котораго даже имени не знаемъ; — но прежде нежели отыщемъ этого предводителя гайдамакъ, приведемъ еще нѣсколько словъ изъ Еврейскихъ лѣтописцевъ о разореніи Балты. «Многіе Евреи, говорятъ они, не надѣясь уже на покровительство Польши, бросили свои города и ушли за границу въ Турцію, одни въ Балту, а другіе въ Бендеры. Но изверги кровожадные и тамъ ихъ преслѣдовали. Завладѣвъ городомъ они собрали Евреевъ и потребовали большаго окупа въ деньгахъ и вещахъ, обѣщая пощадить ихъ жизнь; но лишь только злодѣи завладѣли имуществомъ, предали всѣхъ смерти немилосердой. Ихъ трупы вездѣ валялись по полямъ. Одинъ еврей съ опасностью жизни вошелъ въ городъ и панялъ 20 Турокъ, чтобы они собрали тѣла побитенныхъ и благочинно предали ихъ землѣ¹.

---

¹ Въ Подольской губерніи, въ дѣсахъ вы найдете множество такъ называемыхъ *Еврейскихъ могилъ*. Одну изъ нихъ

Ушедшіе въ Бендеры были столь-же несчастны; однихъ убили Турки, другіе ограбленные Татарами, скитались безъ пищи и пристанища по степямъ, такъ что многіе изъ отчаянія погибли въ волнахъ Днѣстра, или умерли отъ голоду».

Семень Галицкій еще рассказываетъ, что когда онъ прибылъ въ Запорожье и явился къ Бугогардовскому полковнику, то вслѣдъ за нимъ прискакалъ изъ Турецкаго мѣстечка Голты, тамошняго гарнизона Бешлей (полицейскій солдатъ) съ письмомъ къ полковнику и спрашивалъ: «кто такіе Запорожцы, которые Голту разорили? ибо если они не Запорожцы, то Ногайская орда, которая уже туда выступила, всѣхъ ихъ вырубить». На то и полковникъ и Галицкій отвѣчали посланцу: «что тѣ гайдамаки не Запорожцы, а *самосбройцы*, «(бездѣльники), неизвѣстно какіе люди, дѣлайте «съ ними что хотите».

Это разореніе Голты было послѣднимъ подвигомъ Железняка и гайдамакъ его шайки. Опъ оставилъ было своихъ людей у Балты, ибо не надѣялся на ихъ вѣрность, а самъ пустился къ Бугу, въ окрестности м. Орлика (нынѣ Ольвиополь), и тамъ въ урочищѣ *Романкова-балка*, скрывался съ двумя десятками товарищей, ожидая удобнаго случая для новыхъ наѣздовъ, ибо онъ

видѣлъ я въ 20 верстахъ отъ М. Вороновицы, по дорогѣ къ Кальнишевѣ въ *Тавровскомъ* лѣсу; она до сихъ поръ называется *Жиды*.

рѣшительно не хотѣлъ заниматься мелкимъ грабежемъ въ степи и на большихъ дорогахъ. Когда уже вся его команда изъ подъ Балты прибыла, то онъ не смотря на ближнее сосѣдство Русскаго гарнизона, бросился на пограничное мѣстечко Голту и тамъ всѣхъ скрывавшихся Польскихъ шляхтичей и жидовъ захвативъ, безчеловѣчно мучилъ, а послѣ однихъ перекололъ, а другихъ въ рѣкѣ утопилъ. Это нападеніе такъ испугало Голтянскаго Каймакана, что онъ искалъ убѣжища въ Русскомъ Орловскомъ шанцѣ. Въ послѣдній разъ, и то вѣроятно уже послѣ схватки съ Буджацкою ордою, явился Железнякъ въ тѣхъ мѣстахъ въ концѣ Іюня мѣсяца, какъ это видимъ изъ показаній Бугогардовскаго полковника *Моисея Головка*, призваннаго для отвѣту въ Сѣчь. «Прошлаго Іюня 27-го числа ѣхалъ онъ полковникъ изъ паланки своей, (лагеря, у рѣчки *Мертвыхъ-Водъ*), въ Орелъ по надобности, самъ и съ нимъ два компанейца, и какъ минулъ Мпгейскій островъ, то на той (Турецкой) сторонѣ Буга, видѣлъ какъ до 30 чел. гайдамакъ, выгоняли жителей изъ Голты въ Ханское село *Гидирилъ* и скотъ ихъ занимали. Когда-же полковникъ подѣхалъ къ берегу рѣки, то на другую сторону прискакало 7 чел. конныхъ и начали спрашивать кто ѣдетъ? Полковникъ назвалъ себя и взаимно спрашивалъ: что они за люди? Одинъ изъ нихъ конныхъ отвѣчалъ: «я Железнякъ», на замѣчаніе-же Головка, что Железнякъ находится въ Умані, сей

последній отвѣчалъ, что его Великороссійскія команды изъ подъ Уманя выгнали и спрашивалъ полковника: давно-ли онъ былъ въ Сѣчи и скоро-ли туда поѣдетъ? Полковникъ отвѣчалъ, что онъ немедленно по возвращеніи изъ Орлика, отправляется въ Кошъ. Тогда Железнякъ сказалъ ему: «егда поѣдешь, поклонись пану кошевому и скажи, «что мы будемъ на той сторонѣ Буга и въ Сѣчи «въ гостяхъ». Головка замѣтилъ было ему: «что когдабъ онъ до Сѣчи пробрался, тобъ уже больше *никуды не поѣхалъ*, — но Железнякъ закричалъ ему: «Прійдемо такъ, что вы и прочіе тамошніе «и въ Сѣчи и нигдѣ не удержитесь». —

Но вскорѣ кровавые подвиги Железняка и его друзей прекратились. Кошъ Запорожскій выслалъ отряды по всей Польско-Турецкой границѣ и въ степь для поимки людей, которые-бы тамъ безъ особенныхъ видовъ шатались. Посланные отъ Кіевского военнаго губернатора три эскадрона поселенныхъ Новороссійскихъ гусаръ, подъ начальствомъ полковника *Чорбы*, преслѣдовали и неутомимо разбивали, постепенно, всѣ шайки гайдамакъ. Железнякъ и Швачка схвачены первые. Семенъ Неживый составилъ себѣ отдѣльную ватагу въ Чигринской губерніи изъ поселянъ, повѣрившихъ ему, что онъ посланъ отъ Коша на истребленіе Ляховъ и Жидовъ. Онъ имѣлъ уже до 100 гайдамакъ съ ратями и ружьями, большею частью добрыхъ поселянъ, бросившихъ свои жилища, семейства и имущества, но имѣлъ нѣ-

сколько и бѣглыхъ Запорожцевъ. Съ этою толпою захватилъ онъ с. *Медведовку* (Кіев. губ.) и тамъ расположился *пановать*, какъ въ своемъ собственномъ имѣніи. Оттуда дѣлалъ частые набѣги на Бѣлую-Церковь и окрестные села, но грабилъ только Польское и Жидовское имущество. Между тѣмъ полковникъ Чорба узнавъ о его подвигахъ, поспѣшилъ туда съ своими гусарами. Прибывъ въ Новосербское село Гагагановку, онъ послалъ звать къ себѣ Семена Неживаго и его старшину, подъ видомъ переговоровъ. Грубый и простой козакъ не понялъ хитрости и отправился со всею своею ватагою къ Чигрину. Тутъ оставилъ большую часть своихъ людей, а самъ съ Балтскимъ сотникомъ Попатенкомъ, однимъ изъ героевъ Уманскихъ злодѣйствъ, Медведовскимъ писаремъ своимъ эсауломъ и нѣсколькими гайдамаками прибылъ къ мѣсту совѣщанія. Полковникъ Чорба немедленно ихъ арестовалъ и заковалъ въ желѣза. Узнавъ объ этомъ чрезъ одного Запорожца, хитрѣе другихъ, шайка Неживаго разсѣялась и ушла къ Лебединскому монастырю и тамъ въ лѣсу скрываясь, изрѣдка выходила на добычу¹. Но гусары живо ихъ преслѣдовали, такъ-что къ 16 Іюля уже ни одной гайдамацкой ватаги не осталось въ западной Украинѣ. Железнякъ, Швачка, Неживый и Запорожскіе гайдамаки отправлены въ

---

¹ Изъ показаній гайдамака, пойманнаго Запорожца *Федора Бондаренка*, отъ 25 Іюня 1768 г.

Кіевъ; Журба съ 30 другими были убиты въ сраженіи съ карабинерами. Поляки много сказокъ рассказываютъ про Железняка, но мы держались положительныхъ свѣденій, почерпнутыхъ нами изъ документовъ. О Железнякѣ много сочинено пѣсней какъ о героѣ черни Украинской, мы сами имѣемъ одну, родъ баллады, подъ заглавіемъ: *плачъ Железняка въ тюрьмѣ*, гдѣ онъ говоритъ:

«Батьку Днѣпрѣ въ море течі,
Тай назадъ вернися; —
Мый каминья, та въ нихъ плещи,
Та звисточку дати не барыся» (не медли).

Но едва-ли она народная. За то есть пѣснь сообщенная Максимовичемъ, гдѣ видно, что Железнякъ казнецъ былъ въ Кіевѣ, ибо въ ней сказано:

«Ступай, ступай Железняку, годи вже гуляты,
«Підемо въ Кіевъ, въ Печерское *богу-работаты*»¹.
И говорятъ Максимъ козакъ сидючи въ неволі:
«Не будуть мать, вражи Ляхи, на Вкраини воли:
«Течуть рики зъ всего свѣта до Чернаго моря
«Мишулась на Вкраини Жидовская воля».

Эта простая пѣснь, которую народъ до сихъ поръ повторяетъ въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, лучше всѣхъ документовъ удостовѣряетъ, какъ искренно поселяне того времени, да и нынѣшніе, вѣрили той личинѣ, подъ которою скрывалъ свои замыслы Железнякъ, выдававшій себя

---

¹ *Богу-работаты*, на Украинѣ и въ Запорожьи значило сидѣть въ тюрьмѣ, ибо тогда всѣ почти арестанты употреблялись въ работу.

за мстителя, поборника православія и Руси, врага католиковъ, Уніатовъ и Жидовъ.

Еще нѣкоторое время, слухи о гайдамакахъ и ихъ набѣгахъ ходили въ Польшѣ и Малороссіи, но вскорѣ все затихло, при гораздо важнѣйшемъ событіи — войнѣ Россіи съ Турціею. Послѣдніе изъ ватажковъ: *Саражинъ*, *Губа*, *Дейнекій*, *Василій Волошинъ* чабанъ, т. е. пастухъ съ Молдавскихъ степей, *Шереметъ* и др., разбойничали еще, на малую руку, по дорогамъ и лѣсамъ, скрываясь при малѣйшей тревогѣ въ Запорожьѣ — пока Запорожскіе команды всѣхъ ихъ не переловили. Знаменитѣе другихъ своею дерзостью и жестокостью былъ ватажокъ *Семенъ Саражинъ*, бывший гусаромъ въ 4-й ротѣ Чернаго Сербскаго полка, который бѣжавъ изъ полка, скрылся въ Запорожьѣ, но тамъ уличенный въ воровствѣ и убійствѣ, осужденъ былъ кошевымъ къ смертной казни на *острую палу*, (т. е. на колъ); но ушелъ оттуда при помощи своихъ сподвижниковъ. Впослѣдствіи участвовалъ въ Уманской рѣзнѣ и не смотря на опасность явиться въ предѣлахъ войска, — онъ именно на Запорожьѣ собралъ свои ватаги, которымъ уже викарихъ не давалъ благовидныхъ предлоговъ, а приглашалъ просто для грабежа и добычи. Но и онъ попался въ руки правосудія и кончилъ свое поприще по заслугамъ. Слыхали мы и читали еще объ одномъ гайдамакѣ *Гаркушѣ*, весьма извѣстномъ въ Малороссіи, но въ документахъ нашихъ, свѣдѣній объ этомъ не

нашли. Въ числѣ пойманныхъ гайдамакъ но не заслуживавшихъ смертной казни, а просто наказанныхъ кіями въ Сѣчѣ у «*стовба*», былъ какой-то *Григорій Горкуша*, участвовавшій въ бунтѣ противу кошевого (въ Декабрѣ 1768), — но былъ ли то описанный въ книгахъ и Малороссійскихъ сказаніяхъ гайдамакъ Горкуша, или нѣтъ? рѣшить не можемъ.

Расскажемъ теперь, какъ окончили свое поприще знаменитые гайдамаки Польскіе. Графъ Браницкій принявъ отъ генерала Кречетникова плѣнниковъ, здавъ ихъ обозному regimentарію Украинской партіи *Степиковскому*, ибо главный regimentарь *Вороничъ*, по болѣзни отъ этой должности отказался и не выѣзжалъ изъ своего помѣстья. Степиковскій при помощи Русскихъ солдатъ содержалъ гайдамакъ во все время учрежденнаго надъ ними суда, котораго инстингаторомъ или королевскимъ прокуроромъ (обвинителемъ) былъ нѣкто *Ставскій*. Судъ былъ военный какъ надъ мятежниками, убійцами и грабителями съ оружіемъ въ рукахъ — слѣдственно очень короткій. Гонтѣ доказали, что онъ былъ причиною и главнымъ орудіемъ неслыханныхъ злодѣяній; не говоря уже о возмущеніи Уманскаго полка, разграбленіи и разореніи Умани, въ этомъ несчастномъ городѣ насчитали до 6,600 убитыхъ въ теченіи одной недѣли, въ томъ числѣ множество духовныхъ, старцевъ, женщинъ и дѣтей; до 300 однихъ помѣщиковъ и поссесоровъ искавшихъ убѣжища

или проживавшихъ въ Уманѣ и всѣ семейства управлявшихъ имѣніями Потоцкаго дворянъ. «Чѣмъ «мы хуже Хмѣльницкаго? сказалъ Гонта Бра-
«ницкому, — подобно ему, мы съ Железнякомъ
«рѣзали Ляховъ и Жидовъ». — «Тѣмъ, отвѣчалъ
«имъ гетманъ, что Хмѣльницкій караѣ виновныхъ
«въ несправедливости къ Украинѣмъ Поляковъ, а
«ты терзалъ и мучилъ однихъ невиновныхъ»¹. Гонту
привели въ с. *Сербы*, близъ Могилева (на Днѣстрѣ).
Во всю дорогу онъ восклицалъ: «гдѣ Железнякъ?—
«почему со мною нѣтъ Железняка»? Тамъ надъ
нимъ исполнена казнь, столь безчеловѣчная, что
даже казалась-бы невѣроятна въ Славянскомъ госу-
дарствѣ, сосѣднемъ съ Россіею, въ которой тогда
всѣ вообще смертныя казни были запрещены
закономъ, еслибъ сами Поляки того не рассказы-
вали. Съ Гонты живаго два или три дни сряду
сдирали кожу, а послѣ еще дышущаго четверто-
вали. О его казни поселяне сохранили доселѣ пе-
чальную думу:

«Вояжъ ёго на самъ передъ барзо (очень) привитали

Черезъ 7 дней зъ ёго кожу по поясъ злирали.

И голову облупили, солюю насолити

Потомъ ему какъ честному назадъ положили.

Панъ рейментаръ похожае: «дивитесь люде!

«Хто-ся тилько взбунтовавъ, то всимъ тее буде».

---

¹ Хотя мы не имѣемъ ни одного письменнаго свидѣтель-
ства, чтобы графъ Ксаверій Браницкій дѣятельно участвовалъ
въ усмиреніи гайдамацтва, но не можемъ пропустить безъ вни-
манія одной молитвы, которую Евреи поютъ въ честь графа Бра-
ницкаго, за сохраненіе г. Бродъ отъ разбойниковъ, и которую
мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ подъ № 6.

Мартынь Бѣлуга и Василій Шило подверглись той-же участи. Попатенко посаженъ на колъ. Головы ихъ вбитые на пьки выставлены были по городамъ на зрѣлище народа. Остальныхъ слишкомъ 700 чел. вѣшали, начиная отъ Умани, въ Винницѣ, Брацлавѣ, по городамъ и мѣстечкамъ до самаго Львова въ Галиціи. Только не многихъ пощадили, но имъ отрубили по одной ногѣ и одной рукѣ, и такъ изувѣченныхъ возвращали въ ихъ села. Нѣкоторыхъ даже мучили слишкомъ изысканнымъ образомъ, достойнымъ дикарей Американскихъ. Несчастливымъ, обѣ руки обвязавъ паклею напитанною дегтемъ зажигали и такъ водили по селамъ и мѣстечкамъ. Многіе старики жители западной Россіи, помнятъ еще что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ, въ глубокой уже старости, которые сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ подаванні и на вопросъ любопытныхъ: что это за люди? отвѣчалъ: «не пытайте; то люди бѣвалыи», т. е. гайдамаки.

Остается упомянуть объ одномъ еще обстоятельстве, о которомъ имѣемъ только сказаніе Польскихъ историковъ и расказъ дочери Младаповича, но о которомъ къ несчастію не имѣемъ ни какихъ другихъ свидѣтельствъ. Мы хотимъ сказать объ участи жестокаго игумена Лебединскаго. Подъ его вліяніемъ пало столько невинныхъ жертвъ, и на Запорожье, которому онъ желалъ мстить, легло вѣчное пятно безславія, записанное

даже во многихъ страницахъ Польскихъ и Русскихъ исторій. Г-жа Кребсъ повторяетъ то, что слыхала отъ Польскаго бригадира Голѣевского, личнаго свидѣтеля происшествія. Онъ былъ поручикомъ гвардіи народной, служилъ въ командѣ Стемпковскаго во время плѣненія гайдамацкой шайки въ Уманн; и присутствовалъ при казни Гонты въ с. Сербахъ. Онъ говоритъ: что Стемпковскій съ 8 пушками и отрядомъ кавалеріи, (составленной изъ одного дворянства, т. е. католиковъ), окружилъ Лебедвинскій монастырь во время заутренн. Игуменъ съ нѣсколькими монахами вышелъ къ нимъ на встрѣчу какъ-бы къ богомольцамъ. Но увидя по лицу грозному Стемпковскаго, что онъ пришелъ не за благословеніемъ, предложилъ ему на серебрянномъ блюдѣ 4,000 червонцевъ (!!!) выкупа за себя и за монастырь. Но это было напрасно. По приказанію Стемпковскаго, его солдаты вкопали острый колъ въ землю, близъ самыхъ воротъ монастырскихъ и палачи схватили игумена. Региментарь на протесты и жалобы его отвѣчалъ тѣмъ, что показалъ ему благословеніе, данное на письмѣ Железняку и найденное на груди у Гонты во время его казни. Игуменъ былъ замученъ на колѣ, а двумъ монахамъ отрубилъ головы¹. Говорятъ, что монастырь

---

¹ Региментарь *Стемпковскій*, здѣсь упоминаемый, приобрьлъ себѣ у современниковъ имя *жестокаго*, за ту строгость и неумолимость, съ какою выдумывалъ и исполнялъ казни гайдамакамъ и возмущившимся поселянамъ. По этимъ неслыхан-

былъ пощаженъ и что колы этотъ былъ видѣнъ еще въ 1820 году, хранимый поселянами какъ память жестокаго обращенія Поляковъ съ православными¹.

Въ этой несчастной и кровавой трагедіи, участвовало до 300 Запорожцевъ; большая часть ихъ была убита гусарами и карабинерами; другіе схвачены и наказаны кнутомъ въ Кіевѣ, остальные бѣжали въ свои степи, но тутъ Сѣчевые объѣзды, все лѣто бывшіе въ полѣ, ихъ захватили и въ Кошъ для суда и наказанія отослали.

Изъ всего, что мы сказали выше, очень ясно видѣть можно, что хотя нѣсколько недостойныхъ козаковъ изъ Запорожскаго товариства, участвовало въ гайдамацкихъ злодѣяніяхъ, но никогда шайка Железняка и его сподвижниковъ, не была отрядомъ Пизоваго войска, отправленнымъ отъ Коша на столь гнусное и богопротивное дѣло. Въ слѣдующей главѣ еще больше на то будетъ доказательствъ, а потому мы обращаемся къ Сѣчи и Запорожцамъ.

нимъ жестокостямъ можно легко заключить, какой страхъ на мѣстныхъ Польскихъ властей наводили Русскія воеводства. Надобно было особаго декрету сейма, чтобы остановить казни и опустошенія западной Украины, подъ бичемъ Степковскаго.

¹ Другіе говорятъ, что нгуменъ, узнавъ объ участи Железняка и Гонты, ушелъ въ Малороссію, тамъ оправдался и получилъ въ управленіе какой-то монастырь.

V.

Въ книгѣ нашей, подъ заглавіемъ: *Исторія Новой-Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго* (въ главѣ IV, 2-й части, изд. 1841), сказали мы уже нѣсколько словъ объ этой ужасной эпохѣ, которую мы описали въ предъидущихъ главахъ и которая отъ печальной участи, въ особенности постигшей Умань, прозвана въ сказаніяхъ народныхъ *Уманскою рѣзней* (Rzeź Humańska). Тамъ мы уже говорили о дѣйствіяхъ Коша Запорожскаго въ эту критическую минуту. Здѣсь для вѣщающей ясности, перечислимъ подробно какъ свѣденія, полученныя Кошемъ объ этомъ злодѣяннѣ, такъ и мѣры имъ принятыя къ его прекращенію. Всѣ эти подробности теперь намъ хорошо извѣстны, ибо онѣ находятся въ одномъ *дѣлѣ* Сѣчеваго архива, намъ доставшемся, т. е. такихъ бумагахъ, которыя никогда не ожидали исторической извѣстности и критикѣ, — слѣдственно, по нашему мнѣнію, достойные и большой вѣры и особеннаго любопытства.

Запорожскій Кошъ, въ 1767 году и въ началѣ 1768 года, занятъ былъ очень важными для себя дѣлами, именно отправленіемъ изъ Сѣчм и руководствомъ депутатовъ, высланныхъ въ комисію Высочайше учрежденную въ Москвѣ, для составленія *новаго* для Россіи *Уложенія*. Тамъ войско должно было защищать и свои поземельныя права и свое доброе имя, отъ нападенія Новороссійскаго губернскаго начальства и Новороссійскихъ разноплеменныхъ поселенцевъ, тѣснившихся на Запорожскія земли. Кромѣ того, и въ самомъ Кошѣ вспыхивали внутреннія смятенія. Калишевскій, 6 лѣтъ уже бывшій атаманомъ кошевымъ, былъ человѣкъ строгій, дѣятельный; любилъ заводить новые порядки, новое хозяйство и дисциплину, а тѣмъ навлекалъ на себя жалобы и ропотъ стариковъ-атамановъ куренныхъ, которыхъ патріархальная власть по куренямъ, была значительно имъ ограничена. Уже не только въ *смерть убивать*, батько-куреной не могъ своего козака, но даже и кѣмъ не могъ поднимать безъ суда и приговора войскового. Дошло до того, что въ 1768 году, дважды, нѣсколько буйныхъ головъ забушевало и подняло оружіе на кошеваго и войсковую старшину. Послѣ (въ 1770 г.) явился даже подговорщикъ, чтобы не только «кошеваго Калинжа» умертвить, а на его мѣсто Филиппа Федорова поставить, но даже Русскій гарнизонъ въ ретраншаментѣ вырубить, а себѣ *другихъ на-*

новъ пскать, — т. е. опять предаться Турціи¹. Подговорщики были весьма малочисленны и войско ихъ мыслей не раздѣляло, — но это доказываетъ, какъ близко было уже паденіе «славнаго Запорожа».

Среди такихъ уже довольно затруднительныхъ обстоятельствъ, Кошъ получаетъ рапортъ Бугогардоваго полковника *Моисея Головка*, въ которомъ онъ доноситъ, что «5-го Мая (1768) ѣздивши по должности на низъ р. Буга и вверхъ по Пингулу, узналъ онъ отъ нѣсколькихъ козаковъ, что

---

¹ Объ этомъ преступномъ замыслѣ, находимъ слѣдующее подлинное свидѣтельство. Кошевой канцеляріи, *Ведмедовскаго* (Кіевск. губ.) монастыря іеродіаконъ *Аверосій* и козакъ старикъ *Кущевскаго* куреня *Григорій Креничъ* донесли: «что на второй недѣлѣ великаго поста, въ Протовчанской паланкѣ, за Днѣпромъ, въ домѣ бывшаго лейбъ-компаніи священника *Кирилла Тарловскаго*, гдѣ упомянутый іеродіаконъ временно проживалъ, заѣхали мимоѣдомъ Щербиновскаго куреня козаки: *Климъ Цыганъ* и *Павелъ Стороженко*, и принятые гостепріимно, (когда, вѣроятно напивши развязали языкъ), начали говорить: «Дай намъ Боже перебраться на ту сторону Днѣпра всѣмъ (сообщникамъ) и доѣхать до Сѣчи, то заразъ ударимо на Ралу; «у насъ давно есть *Филипей* (Филиппъ Федоровъ), который вамъ «въ томъ порядокъ дастъ, а не такъ якъ сей кошевый Калинижъ. «И обравши кошеваго Пилипея; теперешняго кошеваго убьемъ «на смерть, онъ нигдѣ не буй, (т. е. ватажкомъ), и ничего «не знае, та дурно пануе. Также и всѣхъ старшинъ войсковыхъ, якіе ему согласны, побьемъ, да другихъ понаставляемъ. «А потомъ выбивши всѣхъ пановъ, и москаля не забудемъ». Когда-же священникъ Тарловскій началъ замѣчать козакамъ, что они: «Москалеви прислагли и подъ его держалою живутъ, «то его и бить не слѣдуетъ». — Козакъ *Климъ Цыганъ* отвѣчалъ: «Мы всихъ панивъ побивши, другихъ соби панивъ «знайдемъ, и ужъ у насъ давно готовое мѣсто есть» (т. е. Турція).

изъ Ингульскаго вѣдомства болѣе 30 козаковъ пѣшкомъ отправились въ Польшу. Что, когда такихъ людей спрашивали куды они идутъ, отвѣчали: «Куды намъ Богъ дастъ, туды и идемъ». Другое свѣденіе получено отъ Прогнопискаго полковника *Федора Великаго*, что на другой сторонѣ *Протіевъ* (соляныхъ озеръ, близъ Кпибурна): «рыбалки оставя своихъ хозяевъ, идутъ на Турецкую сторону рѣки Богу, на *Кислякову* и *Гордѣву балки*, гдѣ составляютъ немалыя *чаты* (шайки) для гайдамацтва. Хозяева не хотятъ объ этомъ говорить, а между тѣмъ полковнику и старшинѣ эти люди угрожаютъ, такъ что безъ особой помощи Коша жить тамъ уже не можно ».

Кошъ немедленно собравъ отъ всѣхъ куреней команды, послалъ ихъ на подкрѣпленіе Прогнопской и Бугогардовской паланокъ, съ наказомъ, чтобы учредивъ на всей Польско-Турецкой границѣ строгій кордонъ, бѣглецовъ и бродягъ останавливать и въ Сѣчь посылать, а куренямъ ни подъ какимъ видомъ въ Польшу и Ханскую область своихъ козаковъ не отпускать. По обычаю же, издревле употребляемому въ Запорожьи, полковый старшина Семень Галицкій, подъ предлогомъ торговли, отправленъ къ Польской и Ханской границамъ для провѣданія. Что узналъ и какъ рассказывалъ о гайдамакахъ, этотъ заслуженный Запорожецъ, мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ.

Между тѣмъ свѣденіе о гайдамацкихъ набѣгахъ на Польшу достигло до Кіева, и генераль-

губернаторъ Воейковъ отправивъ пѣхотный гарнизонъ въ Бѣлую-Церковь, какъ городъ предавшійся покровительству Россіи, послалъ три гусарскіе эскадрона, подъ командою полковника Чорбы, для преслѣдованія наѣздниковъ, которыхъ и онъ и всѣ считали Запорожцами. Къ кошевому же, узнавъ о разореніи Умани, написалъ онъ, что: «появившаяся въ Уманской, Чигринской и Смѣляцкой губерніяхъ, гайдамацкая шайка, своими разбоями и грабительствомъ, не только многія мѣстечка и села въ той околнцѣ разорила, многихъ изъ шляхетства и изъ другихъ чиновъ, такожь жидовъ, гдѣ только кого достать могла, безчеловѣчно мучила и умерщвляла, — но и своими ложными разглашеніями, простой во тьмѣ невѣжества погруженный народъ къ бунту, противу властей, начальниковъ и помѣщиковъ воздвигнула.... Что главный вождь помянутой гайдамацкой шайки, сказывается полковникомъ войска Запорожскаго Низоваго и называется *Максимъ Железнякъ*, при коемъ, якобы дѣйствительно, до 100 чел. Запорожскихъ козаковъ находится, имѣетъ нѣсколько хоругвь (знаменъ) и перначей, разглашаетъ, что онъ по указу посланъ противу конфедератовъ и такимъ образомъ простой народъ прельщая, побуждаетъ къ бунтамъ и къ своей привлекаетъ шайкѣ, чѣмъ не малое попошеніе и и безславіе всему войску Запорожскому наноситъ» (ордеръ 24 Іюня 1768 г.).

Это страшное обвиненіе привело въ ужасъ Запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что многія вѣсти, полученныя изъ Украины, это мифіе подтверждали. Такъ прибывшіе 2-го Іюля по торговлѣ въ Сѣчь, Уманскіе жители: *Останъ Поломанный* и *Останъ Бочка* представляя Кошу билетъ, выданный Железнякомъ, въ которомъ онъ называетъ себя «полковникомъ» а свою шайку «войскомъ Запорожскимъ». По этому билету они чрезъ границу, комендантомъ Орловскаго форпоста маіоромъ *Вульфомъ*, были пропущены. При допросѣ войсковой старшины, они показали, что: «9-го Іюня гайдамацкая шайка въ 1,000 чел. конныхъ, при одномъ большомъ и нѣсколькихъ меньшихъ знаменахъ, подъ начальствомъ какого-то полковника Максима Железняка, подговоривъ 4-хъ Уманской губерніи сотниковъ: онаго города Умани, *Ивана Кузьменка* и *Гонту*, Хашоватскаго *Панка* (Еремея), Тарговицкаго *Власенка* и при нихъ козаковъ конныхъ и вооруженныхъ 500, 10-го числа Іюня напавъ на этотъ городъ, бывшихъ въ немъ шляхтичей до 100 и Жидовъ до 300, въ томъ числѣ женщинъ и младенцевъ умертвили¹. Все городское имущество, въ томъ числѣ знамена и пушки захватили, и расположились подъ онымъ городомъ въ полѣ лагерь. Тѣла умерщвленныхъ Жидовъ и Поляковъ

---

¹ Число убитыхъ показано очень мало, ибо Уманскіе купцы говорили то, что знали по слухамъ и уѣхали изъ города, до окончанія убійствъ.

были брошены и остаются безъ погребенія. Эта гайдамацкая шайка называетъ себя Запорожскими козаками, но въ самомъ дѣлѣ они не Запорожцы, но сущій сбродъ Польскихъ мужиковъ, винокуровъ и обитающихъ въ Очаковѣ и его окрестностяхъ *аргатовъ* (наемщиковъ). Они рассказываютъ о себѣ, что имѣютъ какое-то позволеніе на истребленіе въ Польшѣ Ляховъ и Жидовъ. Этотъ Железнякъ имѣетъ управленіе надъ городомъ Уманью и цѣлою этою губерніею, и между пхъ жителями производитъ судъ и расправу» . . . .

Донскаго куреня козакъ *Лавринъ Кантаржей*, о которомъ мы говорили выше, возвратившись въ Сѣчь, донесъ Кошу, что когда онъ по купечеству былъ въ разныхъ Польскихъ городахъ и уже возвращался въ Сѣчь *натоварясь*, (нагрузя свои повозки) разными товарами, то 9 числа Іюня (въ самый день наѣзда гайдамакъ) въ городъ Умань прѣбылъ. Здѣсь онъ нашелъ отрядъ въ 2,000 чел. при 30 знаменахъ и 15 пушкахъ, который себя называлъ «Запорожскимъ войскомъ». Онъ явился къ полковнику того войска Максиму Железняку и просилъ его покровительства, чтобы ни ему, ни его товарамъ, во время пребыванія въ Уманѣ и на дорогѣ, ни отъ людей его, ни отъ другихъ, обидъ не было. Железнякъ созвалъ своихъ сотниковъ и посовѣтовавшись съ ними, далъ ему отъ себя свидѣтельство, чтобы ему вездѣ, до самой Россійской границы свободный былъ пропускъ и проч.

Другой Запорожець, Звоневскаго куреня козакъ *Максимъ Высоцкій*, который по торговымъ дѣламъ былъ въ Умань, на 3-й день послѣ его разоренія гайдамаками, — отъ одного обманщика называвшагося козакомъ Пашковскаго куреня слыхалъ, что будто-бы онъ и 3 другіе козаки прибыли недавно изъ Сѣчи съ письмомъ: «отъ пана Кошеваго къ полковнику Железняку, чтобы по-рядковалъ хорошо» и увѣрялъ Высоцкаго, что атаманы куренные уходу изъ Запорожья козакамъ въ гайдамацтво не препятствуютъ, а напротивъ говорятъ: «Боже помогай, ступайте! а потомъ «можетъ быть и сами пойдемъ, только теперь не «можно, чтобы граница безъ войска не оставалась и Ногайцы напасть не могли».

Такимъ образомъ доброе имя и слава войска Запорожскаго были поруганы горстью злодѣевъ; тысячи убійствъ сдѣланы ими во имя козачества и даже православія. Напрасно защищалъ себя Кошъ и предъ Воейковымъ и предъ Румянцовымъ. Высочайшая грамота Императрицы Екатерины, войску данная¹ отъ 12 Іюля 1768 года, весьма строго дава почувствовать Запорожцамъ тѣ подозрѣнія, которымъ они подверглись, и ту отвѣтственность, которая за безчинства нѣсколькихъ козаковъ, падеть на все товариство, если оно усердіемъ и дѣятельностію не оправдаетъ себя. Вскорѣ возвратился посланный въ Польшу и къ Балтскому

---

¹ «Исторія Новой-Сѣчи», стр. 291.

каймакану старшина Семень Галицкій и его показанія, вполнѣ оправдывающія Запорожье, были отправлены и къ графу Румянцову и ко двору. Посланы также свѣденія, собранныя отъ самыхъ гайдамакъ и въ Кошѣ, о томъ: что Железнякъ еще въ 1762 году оставилъ войско и никогда не былъ Запорожскимъ полковникомъ; что хотя разные ватажки съ бродягами, *наимитами* и рыбаками, сдѣлавшись гайдамаками, и могли по спискамъ куреннымъ принадлежать Запорожскому товариству, но не только ни какая команда не была посылана Кошемъ на столь гнусное дѣло, но даже ни одинъ козакъ съ вѣдома его не былъ отпущенъ за границу. Представлено также свѣденіе, что гайдамаки даже на зимовникъ войсковаго асаула *Сидора Бѣлаго*, одного изъ самыхъ заслуженныхъ старшинъ Запорожскихъ напали и разграбили; слѣдственно, что это были не Запорожскія команды, а негодяи всѣхъ возможныхъ сословіи и народовъ. Исполняя Монаршую волю, Запорожье, кромѣ командъ уже стоявшихъ съ Мая мѣсяца по поланкамъ, вооружило еще отъ всѣхъ 38 куреней до 3,000 чел., подъ начальствомъ храбрѣйшихъ войсковыхъ старшинъ: *Макара Нагая*, *Алексыя Чернаго*, *Андрея Лукьянова* и полковника *Андрея Кій-Наша*. Они отправлены къ Польской границѣ, для поимки убѣгавшихъ въ Запорожскія степи гайдамакъ и задерживанія тѣхъ, которые-бы въ Польшу пробрались¹.

---

¹ См. приложеніе № 13.

Съ Іюля по Ноябрь, это войско стояло въ полѣ, держа строжайшій кордонъ, терпя холодъ, труды и всевозможный недостатокъ во всемъ, и такимъ образомъ болѣе 200 чел. меньшаго разбора гайдамакъ, бродившихъ еще въ Польшѣ и въ степи, было схвачено и представлено въ Сѣчь, для допроса и суда. Ихъ показанія объяснили намъ весь ходъ этой послѣдней гайдамацкой трагедіи.

Чтобы показать, какъ въ эту несчастную эпоху вѣрши въ участіе Запорожья въ гайдамацкихъ наѣздахъ и какъ его боялись Польскіе помѣщики, хотя сами ни какихъ дѣятельныхъ мѣръ защиты не предпринимали, приведемъ здѣсь еще одинъ документъ. Это письмо привезенное въ Сѣчь папомъ *Космовскимъ*, отъ своего помѣщика, Познанскаго воеводы и Чигринскаго старосты, князя *Яблоновскаго*¹.

«Вельможный и высокородный войска Запорожскаго господниъ атаманъ Кошевий,

«Въ сосѣдствѣ дружелюбный пріятель мой!

«Я сверхъ письменнаго, послѣдовавшаго ко мнѣ отъ Е. С. полномочнаго Ея И. В. посланника князя Репнина, обѣщаю, содержать собственныя мои добра (имѣнія) въ защищеніи отъ происшедшихъ междуусобныхъ самовластныхъ, на

---

¹ Списанное буквально, какъ образецъ того Русскаго языка, которымъ писали въ Польшѣ, ибо письмо князя было переведено въ Чигринѣ.

Украинѣ въ области нашей смятеній, не упускаю къ тому случая предаться еще и вашей вельможности съ войсковою старшиною въ особеннѣйшую дружескую сосѣдственную милость, защищеніе и покровительство, прося при томъ дружелюбно, неоставить отеческою своею милостью, находящагося области нашей въ Украинѣ, надъ вѣчными (*вѣчными*, т. е. наслѣдственнымъ или родовымъ) моими добрами г. *Космовскаго*, подчашаго Новоградскаго, отъ происходящихъ междусобныхъ тамъ мятежей, нарушающихъ почти государственную цѣлость, всевозможнымъ образомъ по своимъ силамъ, отъ стороны своей защищать и въ милости своей онаго г. Подчашаго, для моей подносимой предъ вельможностью вашей, глубокой просьбы содержать и пр.» (*Липополь*, 8 августа 1768).

Отвѣтъ Кошеваго достоинъ вниманія, какъ лучшее доказательство непричастности Запорожья къ гайдамацкимъ неистовствамъ:

... «Хотя я всѣмъ усердіемъ отъ сихъ мятежей, онаго г. *Космовскаго*, готовнѣйшій бы защищать, но яко онъ находится въ тамошнихъ В. С. принадлежащихъ мѣстахъ, куда намъ въѣзду имѣть съ командами безъ позволенія Высочайшаго невозможно; для того требуемаго чинить не можемъ. Еслижъ помянутому г. *Космовскому* въ подсутвенныхъ здѣшнему войску сторонахъ, въѣздомъ случится быть, въ такомъ случаѣ я зъ старшиною, по волѣ Высочайшей Монаршей

власти — чтобы ни отъ кого, какъ отъ постороннихъ, такъ и здѣшнихъ подчиненныхъ и малѣйшей обиды причинено не было — въ защищеніе, крайнее старательство приложить готовнѣйшимъ себѣ нахожу. Чтобъ-же изъ здѣшнихъ подчиненныхъ, въ Польскую область, между мятежниками кто отходу не имѣлъ, о томъ отъ мене зъ старшиною, крѣпчайше наблюдаемо было и пышъ равно таковаяжъ строгость содерживаема быть имѣеть» (13 Августа 1768 г.)

Въ заключеніе приведемъ еще одинъ эпизодъ изъ гайдамацкихъ событій, доказывающій, что Украинскія села бунтовались и разбойничали сами, безъ участія своихъ любимыхъ героевъ ватажковъ Запорожскихъ, — и что напротивъ, несчастныя ихъ жертвы, внутри Запорожья находили пристанище и гостепріимство. Въ Іюлѣ 1768 года Бугогардовый полковникъ прислалъ въ Сѣчь молодого Польскаго шляхтича *Юрія Хржановскаго*, который по запросу старшины рассказывалъ слѣдующее:

«Когда отецъ его *Казиміръ Хржановскій*, (чиновникъ воеводства Брацлавскаго, державца села *Мостоватаго*, принадлежащаго Потоцкому), узналъ, что бунтовщики городъ Умань разорили и живущихъ въ немъ Ляховъ и Жидовъ поумерщвляли, то опасаясь подвергнуться той-же участи, забравъ жену и трехъ сыновей, съ небольшою частицею своего имуществва, убѣжалъ изъ села Мостоватаго гдѣ имѣли жительство, въ

село Камяну-Крынци¹. Но это не спасло ихъ, ибо взбунтовавшіеся тамъ сельскіи атаманъ *Будера* и др. жители, напавъ на ихъ домъ, отца его поднявъ на пикн убили, а имущество ихъ заграбили. Въ три дни послѣ, явилась въ то село другая шайка взбунтовавшихся поселенъ, схватила атамана Будеру и разными мученіями требовала у него денегъ, а послѣ отрубивъ ему саблею правую руку и лѣвую ногу, бросили его на улицѣ. Нѣкоторые изъ Камянскихъ жителей, а именно: *Александръ Шайковский*, *Василій Горкуша* и *Иванъ Кравчикъ*, умилосердившись надъ бѣднымъ мальчикомъ, съ позволенія матери окрестили его въ православную вѣру и отвезли въ Запорожье, куды они ѣхали для покупки рыбы. Бугогардовый полковникъ принявъ благосклонно молодого шляхтича привезъ его въ Сѣчь въ надеждѣ, что Запорожье, ни кому не отказывавшее въ пристанищѣ, призритъ несчастнаго сироту. Войсковая старшина охотно дала ему приютъ и помѣстила въ числѣ молодиковъ, «при боку Кошеваго» находящихся. Въ Октябрѣ того-же года, Уманскій полковникъ *Яковъ Квяткевичъ*, изъ Тарговицы перешедшій въ этотъ городъ на мѣсто злополучнаго *Младановича*, по успокоеніи Украины, писалъ къ Кошевому прося возвращенія молодого дворянина *Хржановскаго*, котораго семейство уцѣлѣвшее отъ ги-

---

¹ Село Уманскаго уѣзда, на почтовой дорогѣ, между Тарговицею и Уманью.

белы, вездѣ искало. Кошъ не медля это исполнилъ, и молодаго своего козака отпустилъ въ Польшу.

Вотъ краткая, но вѣрная и живая картина этой злополучной эпохи, память которой живетъ до сихъ поръ въ пѣсняхъ и сказкахъ Украинскаго народа, который ни мало не считаетъ гайдамакъ злодѣями и убійцами — а напротивъ героями, мучениками за вѣру и отечество, подобно древнимъ впитязямъ козачества, какимъ былъ и др. Морозенко, о которыхъ говоритъ поэзія народная:

«Ой Морозе, Морозенку, ты славный возаче!
За тобою Морозенку, вся Украина плаче.

Невольно всякому читателю прійдетъ одно замѣчаніе: какимъ образомъ шайка не имѣвшая и 2,000 дурно вооруженныхъ людей, чистой сволочи, которые какъ говорить о нихъ Запорожець Галицкій, не умѣли ни лошадей по козачьему осѣдлать, ни лошадей управлять, ни пикою владѣть, могли цѣлые мѣсяцы господствовать въ двухъ воеводствахъ, гдѣ было столько дворянъ всегда вооруженныхъ, и цѣлые регименты національной кавалеріи (Kawalerej Narodowej)? Вотъ отвѣтъ приводимый нынѣшними Польскими писателями. Первые появленія гайдамакъ, Поляки по свойственному ихъ легкомыслію и беззаботной храбрости, презирали и считали *сваволею хлопства*, шалостями мужиковъ, къ которымъ они уже привыкли. Часто цѣлая семья помѣщика, управителя или поссесора, погибала въ одну ночь, отъ упрямства «вельмож-

наго папа», стыдлившагося заряжать ружья, или обнажать саблю противу своихъ *хамовъ*, т. е. поселянъ. Такимъ образомъ многія дворянскія фамиліи въ Украинѣ исчезали, но сколько мы знаемъ, въ теченіи XVIII столѣтія, ни вельможи-помѣщики, ни губернаторы, ни regimentаріи войскъ, никакихъ сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ противу гайдамакъ и буйныхъ своихъ поселянъ не предпринимали, не смотря на частыя постановленія дворянства (*lauda boni ordinis*) изъ которыхъ одно мы привели выше. Украина въ Мазовіи или Литвѣ считалась страной невѣдомою, Америкою Польши и когда знаменитый поэтъ *Станиславъ Трембецкій* сказалъ въ своей Софіевкѣ:

«Kraina mlekiem рѣураса і miodem»

«Страна, гдѣ медъ и молоко рѣками льется»

ни кто тому не вѣрилъ. Мы видѣли, что во всякой большой помѣщичьей волости или губерніи, была *милиція* или козаки для защиты оныхъ. Но это войско набиралось изъ поселянъ Русскихъ, православнаго исповѣданія, которое само изъ среди своихъ товарищей избирало свою старшину, т. е. атамановъ, асауловъ и даже сотниковъ; оно искренно ненавидѣло и презирало Ляховъ, т. е. управителей и мелкое шляхетство, ибо о вельможахъ своихъ помѣщикахъ, оно знало только по слухамъ и пѣснямъ. Не удивительно послѣ того, что злодѣи, искусные въ разбояхъ и хитростяхъ, знающіе хорошо характеръ и образъ мыслей такихъ придворныхъ

дружины, умѣли волновать ихъ и возмущать противъ помещиковъ, иногда сущихъ благодѣтелей своихъ поселянъ¹. Запорожье было вредно тѣмъ въ особенности, что въ ея безмѣрныхъ степяхъ вѣчно водились ватажки, готовые на грабежъ и убійства, и что туды всегда укрывалась всякая сволочь и даже преступники, если имъ удавалось избѣгнуть отъ преслѣдованій закона. Но повторяемъ, что никогда Запорожцы не считали и не называли себя гайдамаками, никогда не терпѣли гайдамакъ въ рядахъ своихъ, а напротивъ жестоко наказывали ватажковъ и воровъ «за ихъ характерство», если они попадались въ руки войскового правосудія. Тѣмъ болѣе, никогда само войско «славное Низовое товариство» оплотъ Русскихъ земель со стороны Турціи, не могло рѣшиться на столь пагубное и богопротивное дѣло, какъ истребленіе цѣлыхъ тысячъ невиннаго и безоружнаго народа, изъ видовъ корысти и мщенія — не побуждаемое ни національнымъ, ни религіознымъ фанатизмомъ, который уже не существовалъ.

---

¹ Какъ въ XVIII столѣтіи были богаты Украинскіе поселяне, легко убѣдиться по остаткамъ драгоценныхъ тканей, вещей и даже старыхъ денегъ, хранимыхъ у нѣкоторыхъ стариковъ. У нихъ есть даже весьма характеристическая поговорка объ этомъ періодѣ. Они говорятъ: «За короля Саса, ѣжь хлѣбъ, да развязывай паса» (пояса). Сасы, т. е. курфюрсты Саксонскіе и короли: Августъ II и Августъ III.

Въ Маѣ 1843 года, мы нарочно посѣщали почти всѣ тѣ мѣста западной Украины, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ, и вездѣ встрѣчали слѣды преданій и рассказовъ, объ этихъ кровавыхъ событіяхъ. Къ сожалѣнію, теперь уже съ трудомъ собираются всѣ тѣ свѣденія, преданія или пѣсни, которыми прежде была преисполнена эта прекрасная и поэтическая страна Руси православной. Украинскіе барды — *бандуристы* и слѣпцы — *гуслары* и *лирники*, уже вовсе не существуютъ, или скрываются отъ любопытныхъ, боясь, какъ это часто случалось, попасть вмѣсто поэта или антикварія, на строгаго земскаго исправника или грознаго становаго пристава. Отъ того жатва наша въ 1843 году была очень скудна.

Въ Умани никакихъ почти слѣдовъ не осталось отъ укрѣпленій стараго города (*stare miasto*), ни валу, ни башень, ни даже здацій. Послѣднія укрѣпленныя ворота (*brama powo miejska*), ведшія изъ старшаго въ *новый* городъ, гдѣ происходила описанная въ III-й главѣ сцена, между Младановичемъ и Гонтою, уже сломаны, чтобы очистить улицу около бывшаго монастыря. Маленькая приходская католическая церковь (фара), откуда гайдамаки начали свои убійства, тоже не существуетъ; она была рядомъ съ нынѣшнимъ православнымъ храмомъ, во имя чудотворца Пиколая, на мѣстѣ гдѣ теперь пустой огородъ. Базиліанскій монастырь, прежде деревянный, сломанъ, а на его мѣсто выстроено было большое каменное зданіе, гдѣ помѣ-

стался монастырь и гимназія до 1830 года. Теперь монахи онаго переведены въ *Трегуры*, а зданіе обращено въ военный лазаретъ. Страннымъ случаемъ, на обрывѣ горы, на которой стоитъ старый городъ, уцѣлѣли четыре сваи отъ палисада, укрѣплявшаго Умань во время мятежа Гонты. *Коммисарня*, т. е. часть зданія, гдѣ былъ замокъ или домъ помѣщика, принадлежитъ теперь купцу Гросману. *Гьлда* (гильдія) или гостинный дворъ, основанный въ 1761 году, существуетъ донынѣ, съ тою только разницею, что онъ теперь каменный. Это прекрасное зданіе, укрѣпленное по системѣ гостинныхъ дворовъ въ городахъ западной Европы, въ среднихъ вѣкахъ, теперь почти въ развалинахъ; отъ прежняго времени остались высокіе навѣсы надъ лавками, толстыя желѣзныя двери на всякомъ шагу и гербы Потоцкихъ на всякомъ фасадѣ. Оно было мѣстомъ, гдѣ произошли большая часть этихъ кровавыхъ сценъ, которыя мы имѣли мужество описать довольно подробно. На углу зданія (на планѣ lith. К.), гдѣ теперь лавка купца Беренштейна и его погребъ, по преданіямъ, вырытъ былъ тотъ глубокий колодезь, въ который были брошены тѣла убитыхъ жертвъ. Количество костей человѣческихъ, этотъ памятникъ горькихъ событій послѣдняго столѣтія, такъ здѣсь великъ, что вся земля стараго Уманя ими набита. Одинъ провалившійся Еврейскій погребъ, куды мы заглянули по указанію г. Гросмана, былъ ими наполненъ вмѣстѣ съ гнилою землею до самаго верху.

Лѣсокъ, называемый *Грековъ* и поле, гдѣ стояло лагеремъ искавшее убѣжища дворянство, остаются въ томъ-же видѣ, какъ были въ 1768 году, — даже курганы или могилы не свидѣтельствуютъ о тысячахъ убитыхъ здѣсь гайдамаками людей.

Кромѣ Уманя, самыя живыя преданія о гайдамакахъ находили мы въ Винницѣ, гдѣ еще существуетъ монастырь, въ которомъ дворянство собиралось для совѣщанія, о мѣрахъ противу злополучія Подольской Украины. Видъ укрѣпленій и возвышеннаго зданія или *городу*¹, очень живописенъ. Въ Звенигородкѣ и слѣдовъ нѣтъ, гдѣ стоялъ замокъ, столько разъ защищаемый дворянствомъ и столько разъ сожженный гайдамаками. Въ Лысянкѣ видны остатки вала, укрѣплявшаго нѣкогда домъ князей Яблоновскихъ, и существуетъ донынѣ католическая церковь, въ которой въ 1750 году гайдамаки совершили столько убійствъ. Въ лѣсахъ: *Черномъ*, *Чутъ*, *Лебединскомъ*, *Чернечомъ* и многихъ другихъ, поселяне покажутъ вамъ *могилы* и колодези, которыя были гробомъ жертвъ или убѣжищемъ мучителей. Мы видѣли сами два такія убѣжища, которые въ простонародномъ языкѣ называются *кутоловы*; это родъ огромнаго разрытаго кургана съ колодеземъ внутри и окопомъ вокругъ; средина всегда именуется *майда-*

---

¹ *Grod*, *городъ*, городъ, значить собственно *городокъ*, т. е. укрѣпленное мѣсто; но въ Польшѣ, это слово имѣло еще и переносный смыслъ; оно значило судъ, особенно уголовный и *мадебурню*.

номъ или площадью; къ колодцу ведутъ крытые пути, которыхъ только слѣды остались. Народъ убѣжденъ доселѣ, что гайдамаки были люди не простые, имѣли сношенія съ духами адскими, могли сдѣлаться невредимыми и погибали только тогда, когда время дозволенное имъ по контракту съ дьяволомъ, которому гайдамакъ продалъ свою душу, проходило и должно было квитаться съ искупителемъ.

Наконецъ, вотъ единственная пѣсня, сообщенная мнѣ однимъ старикомъ *лирникомъ*, т. е. бандуристомъ с. Добрянки, на р. Спнхѣ, говорящая о гайдамакахъ и Уманскомъ мятежѣ:

УМАНСКАЯ РЫЗНЯ.

«Свиснувъ витерь, свиснувъ,
Загула¹ холодна хвортуна;
Словце Максимъ пыснувъ —
Зибралась дружина.

Два тысячи бурлакъ,
Лепнули² на Вкраину Польску,
Рушили они изъ байракъ,
Даты Ляхамъ хлосту.

Ой годикъ намъ козаченки,
Рыбу по Днипру и Богови ловыты,

---

¹ Загула, загудѣла; ² лепнули, улетѣли.

Сидайте въ човныки бурлаченьки
Та пидемъ Жидову́ и Ляха палыты¹.

Зибравъ Максимъ, зибравъ бурлактъ,
И всю Украину взбунтовавъ;
Тысячу сѣромахъ, тысячу гайдамакъ,
Въ ватагу свою звербувавъ.

— «Эй батьки, начальники,
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше житье мине
И насъ вызьмутъ зъ вами». —

— «Не тужите мов дити,
Не журитесь² быстрые орлынята,
Ще дамо мы Умакеви крови пыты,
Ще дадутъ намъ горилки Ляхи в Жидынята». —

— «Охъ батьку Максиме просты
Мый забулы що съ тобою;
Кажи, вели, куды йти,
А мы хотъ въ пекло³ съ тобою!

— «Ой, полковнику Железпяку!
Ходимъ-же мы палыты,

---

¹ Палыть, жечь; ² журиться, тосковать, тужить; ³ пекло, съ Польск. адъ.

Кого спершу начнемъ быты,
А кого будемъ полониты». —

«Ляхивъ будемъ быты,
А Жидивъ шаблями христыты,
Ляшина превража дытына,
А Жидовинъ зайцеви дружина.

«Изъ Жидомъ усе втнешь¹,
Куды треба той пошлешъ,
А не хоче то и обдерешъ,
А въ вражаго Ляха того не вжуешъ». —

— «Охъ Максиме Железняку!
Ходимо въ Смилу Ляхивъ гафтоваты²
А писля той пожывы
Пидемъ Умань штурмоваты». —

— «Ой ходимо диты Умань штурмоваты
И свою братцьку кровь видь кагомыка видбиваты.

«Ой братци годничка дорога
Требажъ намъ начинаты
Отъ Нухима до Бороха,
Всімъ головы счипаты!» —

---

¹ Втнешь, буквально срубишь, а адѣсь усиѣшь; ² гафтовать, вышивать.

Въ Умань вже мы пишли,
 Тай пачали штурмоваты,
 Тамъ багато панывъ найшли
 Тай давай имъ нижки розправляты.

Теперичка Ляхи щось починають
*Кондирацію*¹ и панкывъ соби збирають;
 Ходимо до Потоцкаго мосци²,
 До его графской вельможосци.

Що тылько тамъ у ёго найдемо,
 То все у ёго вызьмемо.
 Ой пишовъ Железнякъ до ворить
 Тай здыбавъ три кòпы³ клопить.

Ой пишовъ *Швачка* голкою шиты,
 Ляхивъ, Жидивъ по Умань лупыты;
 А нашъ *Неживый* цокоче⁴,
 Ажъ Умань зубами скрыгоче.

А *Журба* ходячи зажурывся
 Що головко-бидна Умань загорився;
 Та въ бандуру мицно⁵ грае
 Себе козака пьсьнею розважае⁶.

---

¹ *Кондирація*, конфедерація; ² *мосци*, съ Польск. *mości*, его милости; ³ *копà*, шістьдесять; ⁴ *цокотать*, болтать; ⁵ *мицно* крѣпко; ⁶ *розважати*, буквально, рассуждать.

А нашъ сотникъ Гонта папиръ¹ отъ Царыцы давъ
 Тай давши намъ, веимъ въ голосъ сказавъ :
 — «Що Царыця Кошевому звила такъ служиты,
 Щобъ иты въ Польшу Жидову и Ляха палыты.

«И Жидамъ и Ляхамъ ратунку² перобыты,
 А всихъ Жидовъ та Ляхивъ колоты та палыты;
 А добро ихъ и пожитки межъ нами дилыты». —

Тилько сотникъ Мотылица
 Ни къ чорту-батковн не годитця,
 Мабудь онъ хотивъ змылиты³
 И на насъ зализны цяцьки падиты.

— «Знай кобыло де брикаты
 А тутъ тоби вже не фицяты⁴
 О такъ сотнику Мотылиця
 Такъ робыты не годитця».

Каже ему Швачка и Железякъ:
 «Ты хотивъ насъ въ шоры убраты
 Теперь-же тоби свѣта не выдаты». —

— «Слухай Максимѣ, Швачко и Неживый
 Бодай-же кнпець вашъ бувъ нудный⁵, та гирькій!»

---

¹ Папиръ, бумага; ² ратункъ, съ Польскаго помощь;
³ змылиты, съ Польск. обмануть; ⁴ брыкаты и фицяты, гово-
 рится о лошадяхъ, когда они бьютъ ногами. ⁵ нудный, тошнвый.

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,
Покотылася Иванова¹ на землю голова.

Умань до килка спалыли,
Жидовъ и Ляхивъ до ноги² побыли;
А сами кони посидлалы,
Тай за Богъ и Синюху влупылы.

Буде Смила, Чигринъ насъ знаты,
Колы булы мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятаты,
Якъ бувъ въ нашихъ пазурахъ³.

Отъ души желаемъ, чтобы знатоки Украинскихъ древностей сказали намъ: народная-ли это пѣснь, или произведеніе какого нибудь Малороссійскаго поэта, какъ это водится теперь — къ отчаянію археологовъ Днѣпровскихъ и за-Днѣпровскихъ.

---

¹ *Ивана*, вѣрно *Мотылицы*; ² *до килка*, до послѣдней щепки, *до ноги*, польская фраза, значить до полѣдняго; ³ *пазуры*, съ Польск. когти.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

№ 1.

Легенда о козакъ Мамая.

Я думаю, многіе изъ читателей нашихъ видали одну довольно грубой работы картину, изображающую Запорожца въ красной курткѣ, съ огромными усами, обритою головою и длиннымъ *оселедцемъ*, сидящаго въ лѣсу и играющаго на *торбанѣ*. Близъ этого героя, подъ деревомъ стоятъ его вѣрная пика, мушкетъ и висятъ *чересъ* съ патронами. Вдали на деревѣ живописно качается повѣшенный козакъ, съ отрубленными ногами и руками, т. е. изображеніе участи, которая ожидала въ Польшѣ всякаго добраго ватажка. Многократно старался я узнать и у простаго и у просвѣщеннаго народа, значеніе этого Украинскаго мифа, и почти всѣ легенды сходны съ собою. Всѣ увѣряютъ, что это портретъ козака-гайдамака *Мамая*, наказаннаго въ XVI или XVII сто-

лѣтіи, за особенное искусство присвоивать себѣ *Лядское и Жидовское добро*. Поляки распространяли вездѣ эту картину для устрашенія другихъ, Мамаю подобныхъ богатырей. Но вѣроятно это зрѣлище не слишкомъ пугало «пановъ молодцовъ», когда они Мамаю дали торбанъ въ руки и когда на всѣхъ видѣнныхъ мною пзображеніяхъ Мамая, встрѣчаются слѣдующія здѣсь стихи, показывающіе больше хвастовство, нежели смиреніе гайдамакъ:

«Хочь дивись на мене, хочь не дивись, не вгадаешь:
 Видѣль родомъ и якъ зовуть, ни чичиркъ не знаешь.
 Коли трапилось кому въ степахъ буваты,
 То той може произвѣще мое вгадаты.
 Бо умене ния не одно, а есть ихъ до ната;
 Такъ зовуть, якъ набижишъ на якого свата,
 Жиль зъ биды за риднаго батька почитае,
 А Ляхъ «милостивымъ добродіємъ» называе;
 А ты якъ хочь назови, на все позволяю,
 А быбъ лишь не крамаремъ, бо за те полаю.
 Теперь бачу била, що отцуралась отъ мене ридня,
 Не бійсь, якъ бувъ богатъ, то называлы и «нашъ братъ».
 А теперь якъ ни чого не мае,
 То ништо мене и не знае.
 Пехай лишь розживетсь голота, тай загуляе,
 Тоди до смутку роду буде, всякъ признае;
 И всякъ сѣ мѣже скаже: що я зъ рыбы родомъ, —
 Цигъ-бо, съ пугача дидъ мой плодомъ».

«1642 г. Мая 5»¹.

---

¹ Что значить эта дата? рѣшить не умѣемъ.

№ 2.

Молитва Евреевъ, въ память убіенныхъ гайдамаками въ Немировъ и Баръ ихъ братій.

1647.

Говоря о побіеніи Евреевъ гайдамаками, мы долгомъ сочли присовокупить здѣсь еще одно обстоятельство. Несчастные Евреи уже не разъ испытывали подобное пораженіе и подвергались не разъ подобнымъ безчеловѣчнымъ жестокостямъ. Всѣмъ извѣстны тиранства и мученія, которымъ предавали ихъ козаки въ XVII столѣтіи, въ самомъ разгарѣ войны ихъ съ Польшею, за независимость Украины. *Останъ Павлюкъ, Морозенко, Кривоносъ, Нечай и Пулякъ*, рыцаря Запорожскіе (въ 1640 годахъ), цѣлыя тысячи жертвъ, предали смерти и пыткамъ въ пылу ненависти своей къ Полякамъ, Уніятамъ «и всякой нехрести». Въ Барѣ (Подол. губ.) погибло ихъ до 15,000, въ Немировѣ столько-же, безъ различія возраста, пола и состоянія. Младенцы и взрослые, нищіе и богатые, старцы и женщины — все было обречено смерти. Памятникомъ этихъ кровавыхъ событій остались молитвы, до сихъ поръ произносимыя въ Синагогахъ. 20-ое число мѣсяца Сивонъ (17/29 Мая), Евреи проводятъ въ строгомъ постѣ,

постъ помилованія, въ память убіенія козаками Немпровскаго раввина *Эхіеля Михеля*, замученнаго съ многими тысячами Жидовъ въ 5408 (1647) году. Въ этотъ день во всѣхъ молитвенныхъ своихъ домахъ, Евреи съ воплемъ и завываніями, поютъ гимнъ на сей случай сочиненный въ XVII столѣтіи, котораго содержаніе слѣдующее: ¹.

« Молитва за усопшихъ ».

« Господи всемилосердный, сущій въ небесахъ! пріими души мучениковъ, дай имъ насладиться миромъ хотя послѣ смерти! Это души праведныхъ, учителей и пастырей твоего избраннаго народа.

« И вотъ они теперь закланы какъ стадо звѣрей безсловесныхъ; орда проклятыхъ нападаетъ на нихъ, завладѣваетъ ими и заставляетъ ихъ испить всю чашу злополучія.

« Сердца наши раздразнись отъ горести, узнавъ, что въ эти несчастные дни, въ эти злопамятные ночи, погибли отъ меча убійцъ величайшіе изъ нашихъ книжниковъ, толкователей священнаго закона.

« Тѣ, которые день и ночь изучали священный завѣтъ твой, пролили ручьи своей крови; множество учащагося юношества и дѣтей пало отъ

---

¹ Она доставлена намъ г. Іоахимомъ *Гарнополемъ*, бывшимъ питомцемъ Од. Еврейскаго училища, переведшимъ оную по Французски, съ древняго Еврейскаго языка.

ударовъ истребителей. Ихъ стяжанія сдѣлались добычею пламени.

«Глава учителей (раввиновъ), мудрый *Эхель* палъ, простирая руки свои съ молитвою къ единому Богу; мечъ поразилъ главу его и его праведная душа отлетѣла къ Всевышнему.

«Преклонные лѣтами старцы, младенцы у груди матерей своихъ, напрасными воплями наполняли воздухъ.

«Господь отмститъ за неправду! Священная книга (Библия), Божественный законъ, осквернены руками нечестивыхъ; о нѣтъ! они попраны ихъ ногами!

— «Гдѣ вашъ Богъ? — говорили эти варвары, эти страшилища, — «пусть защититъ онъ васъ». О Господи! взгляни на насъ горѣ и всѣ нечестивые разсѣются и падутъ какъ плевела изъ колосьевъ.

«О заповѣди! о Святой Завѣтъ! (Библия) прикройтесь рубищемъ¹ посыпте главу вашу пепломъ! Кто теперь будетъ читать васъ, кто васъ истолкуетъ намъ?

«Излей Милосердный Отче, твои милости на этихъ мучениковъ, да приютятся они подъ сѣню твоихъ крыльевъ и да наслаждаются миромъ, хотя послѣ смерти!»

«Аминь».

¹ Здѣсь намекается на древній обычай Евреевъ, въ горести или троурѣ, надѣвать на себя рождѣ мѣшка и посыпать голову свою пепломъ.

№ 5.

Другая Еврейская молитва о томъ-же предметѣ¹.

1648.

«Господи милосердный! сущій въ небесахъ, успокій души мучениковъ Немцова, Бердичева, Погребищъ, Тульчина, Пулянь, Бара, Умань, Краснаго и 300 другихъ городовъ Руси (Чермной), Украины, Подоліи, Литвы и Волыни. Эти несчастныя жертвы были великіе учителя (равви), писатели, просвѣщенные служители Божества, отличные проповѣдники, посвятившіе всю свою жизнь изученію закона. Раввины: *Эхиль Михель*, сынъ *Эліазара*, *Хаимъ*, сынъ Авраама, *Соломонъ*, сынъ Самуила, *Исаакъ* и *Элезаръ*, сыновья *Экизіеля*, *Азріель*, сынъ Якова, *Моисей*, сынъ *Іонаона*, а также раввины *Лазаръ*, *Яковъ*, *Самсонъ* и другіе благородные мужи погибли! Мужчины, жены, дѣвцы, младенцы, всѣ были умерщвлены. Ихъ кровь текла ручьями въ этомъ злосчастномъ 5,409 (1648 отъ Р. Х.) году. Эти мученики не хотѣли измѣнить своему закону: «Богъ есть одинъ!» восклицали они и пали подъ ножами убійцъ. Разбойники не пощадили ни пола, ни возраста, земля

---

¹ Доставленная мнѣ изъ Чермной Руси.

была усѣяна убіенными; ихъ кровь дымилась какъ
фиміамъ предъ олтаремъ Всемогущаго!

« О господи милосердый! упокой души му-
чениковъ сихъ, награди ихъ за ихъ испытанныя
добродѣтели! »

№ 4.

Народныя пѣсни о Савкѣ Чаломѣ¹.

1734 — 1743.

а). У К Р А И Н С К А Я.

Ой бувъ у Січѣ старый козакъ
Прозваніємъ Чалый,
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

Ой не схотѣвъ та панъ Сава
Козакамъ служити:
Вѣнъ пішовъ до Ляшинькѣвъ,
Славы залучити.

Випъ пішовъ до Ляшинькѣвъ
Службы відправляти,

---

¹ Изъ «Запорожской старины». Часть I. 1833 г., стр. 60
и др.

И зъ Ляхами православну
Церковь руйноваты.

Ой бувъ Сава, та йвѣ сало
Та все паляници;
Не кохавъ Сава молодыхъ дівчатъ,
Та все молодиці.

Не кохавъ Сава панывъ козаківъ
Та все католики.
Загубивъ Сава, протесавъ Сава,
Свою виру на віки.

Отъ и зібралися Запорожци,
Вси у Раду схожали;
За походы, туды-сюды
Про мижъ себе рахували.

Усі прійшли, усі прійшли;
Одного нема.
— Ой чемъ-же тебе, батьку Чалый,
У ради нема? —

— Ой, чёгожъ та мій, Панове,
У Раду ходити?
Що хочете мого сына Саву
На вики згубити.

Хочъ винъ ставъ соби до Ляхівъ,
 Та вжежъ сынку милый,
 Чѣмъ ты ставъ, та до насъ
 Такій ставъ спесивый? —

— Ой спесивый, не спесивый —
 Паны кажуть — Сава;
 Та не д бра, зурпвочна
 Стала его слава.

Що не тилько що панъ Сава
 Церковь та руйнуе:
 И зъ бисами ставъ за право,
 Барзо знахоруе.

Якъ на то обизвется Голый,
 Каже: — «добре знаю;
 Я того папа Саву,
 У руки піймаю».

Отъ и стали та Панове,
 Раду розсучили;
 Коней посидмали,
 Въ походъ выступили.

Ой пѣ Сава въ Немирови
 Въ Ляхивъ на обиди,

Та и не думає и не видає
О своїй горькоїм биди.

Ой пье Сава и гуляє,
Ляхомъ вырубає ;
А до его що до Савы
Гонецъ прїїзжає.

— А що ты тутъ, Хомку ?
Чи все гараздъ дома ? —
— Протоптана, Пане, стежка
До вашого дворка.

Та все гараздъ, та все гараздъ,
Усе хорошенько :
Споглядають гайдамаки
Зъ загоры частенько. —

— Отъ-то лихो ! виглядають !
Яжъ ихъ не боюся.
Хибажъ нема въ мене вїйска ?
Я не забарюся.

Подай хлопку, подай Хомку,
Свого вороного ;
Соби сидлай, соби чухраїї
Старого гвидого. —

Понхавъ Сава зъ Немирова
 На воронымъ коню;
 А прїихавши, гадае
 Та про свою долю.

— Ой, ты-жъ, долё — каже Сава —
 Щербатая долё! —
 Пытаешься челядоньки:
 — Чи все гараздъ дома? —

— Гараздъ, гараздъ, Пане Саво,
 Ще лучше зъ тобою;
 Якъ тебе та побачимо,
 Та на воронимъ коню.

Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
 Усе хорошенько,
 Выглядають изъ за горы
 Козаки частенько. —

Ой сивъ Сава въ конци стола,
 Все листоньки пише;
 А Савиха молодая
 Дитину колыше.

Сава листы пише,
 Сава думку дбае.

Отъ вже Сава, та панъ Сава
Гадку замышляе.

— Та пійди, хлопку, до пивниці
Та вточи горилки.
Нехай-же мы напьемся
За здоровье жинки.

Та пійди, хлопку, до пивниці,
Тай уточи пива.
Нехай-же мы папьемся
За здоровье сына.

Та пійди, хлопку, до пивниці,
Тай уточи меду . . .
Чему-сь минн трудно, пудно . . .
Головки не звезду. —

Сидить Сава въ концѣ стола,
Все листы читае;
А Савиха молодая
Все думає, гадає.

Сидить Сава въ концѣ стола,
Хлопця вызыває;
А Савиха молодая
Плаче, та рыдає.

Тай не вспивъ-же хлопецъ
 Зъ стины ключи зняты ;
 Ставъ *Игнатъ Голый* съ кравчиною,
 Вороты ломаты.

Якъ видсуне та панъ Сава
 Виконце видъ рынку ;
 А вже тїи гайдамаки
 Блукають по сянку.

— Та здоровъ, здоровъ, пане Саво,
 Якъ ты себѣ маешь ?
 Що зъ далека гостей маешь
 Чимъ ихъ привитаешь ?

Ой чи медомъ, ой чї пивомъ,
 Чи горилкою ?
 Та прощайся-жъ съ своимъ сыномъ
 Та изъ жинкою. —

— Ой и чимъ минн васъ пацове,
 Чимъ васъ привитати ?
 Даровавъ минн Господь сына,
 Буду въ кумы брати. —

— Ой мы не того до тебе прїйшли,
 Щобъ въ тебе кумовати ;

А мы съ того до тебе прійшли,
Щобы тебе розсчитати.

Ой vedi-жъ насъ, Пaне Саво,
У нову комору;
Та отдавай намъ папе Саво,
Козацькую зброю.

Та отдавай намъ, пaне Саво,
Сукни, едамашки.
Шо ты наживъ, вражій сыпу,
Съ козацкою ласки.

Ой мы не того до тебе прійшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы съ того до тебе прійшли,
Що-бъ головку изпяти.

Ой було-бъ-тоби, пaне Саво,
Гардъ не руйновати,
Коли ты хотивъ Запорожцивъ
Въ кумы соби брати. —

Ой кинувсь та папъ Сава
За свою ясную зброю;
Та пидняли три гайдамаки
На три списы въ гору.

Шатается, мотается,
Изъ жинкою прощается;

— «Ой, и дайте-жъ минн Панове,
Изъ жинкою попрощатися;
— «Ой и дайтежъ минн, Панове,
Изъ силою собратися». —

Ой не вспивъ-же та панъ Сава
На коника впасти;
У кайданы заковали,
Стали на визъ класти.

— «Ой, Панове Запорожцы,
Хиба-жъ то вамъ слава,
Що въ кайданы та залитый
Лежить у васъ Сава?

«Якъ-бы вы его объ волю,
Зъ кайданивъ пустили,
Славу-бъ соби наибольшую,
Отъ симъ задучили.

«Якъ-бы вы его объ волю
Мижъ себе приняли;
Славу-бъ соби наибольшую,
Отъ симъ даровали».

Шатається, мотається,
 Изъ жинкою прощається,
 На всі чотири сторони
 Панами покланяється.

Ой и дали волю Сави
 Въ похідъ виступали,
 Га богатырю Сави
 Барзо дяковали.

Що не вспивъ-же та панъ Сава
 Свого коника стрясти,
 Тай ставъ Ляхивъ, тай ставъ Ляхивъ,
 Якъ снопики класти.

Ой не вспивъ-же та панъ Сава
 На коника систи;
 Було Ляхивъ сорокъ тисячъ —
 Зосталося двисти.

Ой якъ гляне та панъ Сава,
 На правую руку:
 — Ой вискочи, коню, коню
 Та зъ Ляшського трупу! —

Ой-якъ гляне та панъ Сава
 На правое плече, —
 Позадъ его, попередъ его,
 Кровавая ричка тече.

Примѣчаніе. Четыре послѣдніе куплеты явно взяты изъ пѣсней о Морозенкѣ или о Печаѣ.

6). ЧЕРВОПОРУССКАЯ¹.

«Бувъ панъ Сава въ Цемировѣ въ пана на обиди,
 Ой ще не знавъ тай не чувавъ о стоей тяжкой биди:
 Сидлай хлопче коня мого, соби вороного
 Поидемо до домоньку, бо ту насъ не много.
 Стоить явиръ надъ водою, верхомъ похилився:
 Инде Сава до домоньку чогось зажурився;
 Ой прихавъ до домоньку, тай скрыпнувъ дверима,
 Пытаеся челядонки: «що чуваты въ дома».
 — «Гораздъ, гораздъ, паве Саво, щаслыва година,
 Твоя жинка, наша пани породыла сына» —
 Гей сивъ Сава въ конецъ стола, тяженько думаетъ
 А Савыха молоденька дытыну купаетъ:
 — «Пиды хлопче до пивныцы наточи горилки
 Пай ся напью за здоровле хорошей жинки;
 Пиды хлопче до пивныцы наточи ми вина,
 Пай ся напью за здоровле молодого сына;
 Пиды хлопче до пивныцы наточи ми меду,

¹ Изъ книги: *Pieśni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego id.* (пѣсни Чермной Руси) изд. Карломъ Липинскимъ въ Львовѣ 1833, стр. 502.

Щось ми тяжко, щось ми нудно, головки не зведу. —
Гей сивъ Сава въ конецъ стола, дрибны листы выше,
А Савыха молоденька дитыну колыше:

«Люляйже, люляй, люляй вродливый сыночку!

«Пайся лягну, пай спочину, зложу головочку».

Гей ще хлопець не поспививъ по медъ до пивныци,
Обступили козаченьки до кола свитлыци;

Не вшивъ хлопець ся вернуты съ пивныци до хаты,
Пріихалы козаченьки Саву рабоваты.

«Помагай Богъ! Пане Саво, горьдъ намъ ся маєшь?

Седышь соби въ свитлычоньци, вино попываєшь;

Челомъ, челомъ пане Саво, горьдъ намъ ся маєшь,

Далекіи гости маєшь, чимъ же ихъ пріімаєшь?»

— «Пріімавбы васъ вивомъ, медомъ, не будете пыты,

Певно (дѣрно) вы ся козаченьки прііхали быты....»

Гей пирвався та панъ Сава до своєї зброї

«Почкай, почкай пане Саво, то не въ чистомъ поли!»

Гей пирвався та панъ Сава до яснаго мечя;

Взялы его на три списы видъ праваго плеча.

Втымъ Савиха молоденька безъ викино втикала

Зъ чистыхъ устокъ на словонько кухарци видала:

«Ой кухарко вирна слуго, подай ми дитыну,

Будешъ доси пановаты, доки я не згину». —

— «А дежъ твої пане Саво, сукни, платья) гайдамацки,

Щось въ нихъ ходивъ по Вкраїни, водячи затяжки?

А дежъ твої пане Саво, битые таляры,

Щось ихъ набравъ, по Вкраїни, волячи ватаги?

А дежъ твої пане Саво витайки, атласы,

Щось ихъ набравъ, по Вкраїни, жинци на поясы?

А дежъ твої пане Саво коштовны (дорогіе) дамашки,

Щось ихъ набравъ, по Вкраїни, жинци на запаски?

А дежъ твої пане Саво великая зброя?

Озде виспѣ на килочку але вже не твої!» —

Гей вдарився та панъ Сава по полахъ рукою

Пришложъ минѣ погибаты зъ дитми и женою;

Гей вдарився та панъ Сава по полахъ руками,

Оглянься назадъ себе, тече кровь риками.

«Годи, годи пане Саво, годи воїваты,

Ой не було пане Саво, церковь рабоваты!»!
 Зашумила шабелечка якъ въ лиса притника,
 Ни зисталася по Сави, но молодая жинка.
 Гей бачили многи люде Вкраинску совочку,
 Що принесла пану Сави смертельну сорочку;
 Прилетили къ пану Сави Вкраински вороны,
 Задзвонили пану Сави разомъ во вси дзвоны! *

№ 5.

«LAUDUM BONI ORDINIS», т. е. мѣры принятыя дворянствомъ Брацлавскаго воеводства противу гайдамакъ и къ учрежденію помѣщичьихъ милицій.

1750.

«Laudum boni ordinis» воеводства Брацлавскаго 17 Сентября 1750 года: «Мы члены палатъ (депутаты и сенаторы), государственные сановники, чиновники земскіе, градскіе (полицейскіе) и все рыцарство (дворянство) воеводства Брацлавскаго, возблагодаривъ Бога всемогущаго, за то, что намъ, въ столь злополучное время, по причинѣ разореній чинимыхъ въ краѣ нашемъ гайдамаками, позволилъ безопасно собраться и согласно, умо labio, избрать высокородныхъ господъ депутатовъ

---

* Для Украинскихъ археологовъ весьма любопытно будетъ сравнить обѣ пѣсни, одну поютъ у насъ, а другую на Чермной Руси, отъ того въ сей послѣдней много словъ и оборотовъ Польскихъ.

главнаго короннаго трибунала, для представленія Королю Его Милости, примасу, великому гетману и др. что воеводство наше Брацлавское *in confinio* Россійской, Татарской и Волосской границъ лежащее, представляетъ теперь изъ себя печальный опытъ, что среди всеобщаго мира, *beata tranquillitate sua gaudere* не можетъ, ибо своевольныя заграничныя, (т. е. Запорожскія) ватаги, уже не *furtivo transitu*, но большими дорогами *violente et aperte Marte, dimicando*, на земли воеводства нашего, *tumultuariè* наѣзды дѣлають. Ихъ неукротимое неистовство — стремясь *in depopulationem* нашего края, *in praedium et favillam* городовъ, селъ, замковъ и дворовъ помѣщичьихъ, монастырей и храмовъ *utriusque ritus*, къ жестокому избиенію людей *utriusque sexus*, свѣтскаго и духовнаго чина, которыхъ кровь невинно пролита вопіетъ о мщеніи: — свидѣтельствуешь, что онѣ о конечномъ истребленіи нашемъ помышляютъ. Обращая вниманіе на это несчастное угнетеніе страны нашей, наѣздами своевольныхъ гайдамакъ нѣсколько уже лѣтъ продолжающееся, такъ что не только въ домахъ нашихъ безопасно пребывать, но даже государственной службы исполнять не можемъ, не говоря уже о безпрестанно угрожающей намъ потери имѣній, здоровья и жизни; зная также что всякій имѣетъ природное право думать о своей защитѣ, — мы пожелаемъ *ad normam* другихъ коронныхъ воеводствъ, учредить у себя свою внутреннюю милицію. Въ слѣд-

ствіе сего, со всеобщаго всѣхъ насъ согласія, на защиту воеводства нашего опредѣлили и полагаетъ: учредить *ландмилицію* (земское войско), обязываясь *amore boni publici*, со всѣхъ имѣній нашихъ, королевскихъ (староствъ), земскихъ, дворянскихъ и духовныхъ, въ воеводствѣ нашемъ находящихся, со всякихъ 120 избъ: осѣдлыхъ, тяглыхъ или пѣшихъ, крестьянскихъ, свободныхъ (*gracialskich*), и чиншевыхъ (оброчныхъ), и Филипонскихъ (русскихъ раскольниковъ)¹, съ тою только разницею, что одна изъ раскольниковыхъ избъ за 2 простыхъ считаться будетъ, — давать по одному солдату изъ людей знающихъ уже военную службу, хорошаго поведенія, здоровыхъ и къ службѣ годныхъ. Мундиръ онаго долженъ быть: *катанка*, (т. е. сюртучокъ) и шаравары зеленого или травянаго цвѣта, на доброй лошади не менѣе 100 зл. стоящей, съ хорошимъ кожанымъ сѣдломъ, съ ружьемъ, пиною, бердышемъ, съ запасомъ пуль и пороху на всю кампанію. «Милиція ежегодно 2 Апрѣля должна была собираться для службы». Она подлежала военному суду своихъ ротмистровъ, или отрядныхъ командировъ; сіи послѣдніе обязывались содержать на свой счетъ другихъ офицеровъ т. е. поручиковъ и хорунжихъ и сдѣлать знамя съ гербомъ

---

¹ Филиппонами и прежде и теперь называютъ въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, раскольниковъ, поселившихся тамъ при Петрѣ Великомъ и при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1750 годахъ часть ихъ перешла въ Новую Сербію и поселилась близъ Елисаветграда.

воеводства. Фуражъ и провіантъ доставлялся отъ земства по опредѣленной пропорціи. Главнымъ командиромъ всей лапдмплиціи избранъ князь *Михаилъ Святополкъ-Четвертинскій*, подкоморіи Брацлавскій.

№ 6.

*Молитва Евреевъ сочиненная въ воспоминаніе Графа
Браницкаго ¹,*

1750 или 1768.

«Боже милосердный! Воззри свыше на безчисленныя павшія здѣсь жертвы; такова была твоя всемогущая воля и мы не должны роптать на нее. Большая часть братьевъ нашихъ истреблена; таже участь ожидала жителей Бродъ и другихъ городовъ, еслибъ ты въ своемъ милосердіи, не послалъ для нашего спасенія мужа храбраго и благочестиваго, великодушнаго Браницкаго. Этотъ мужъ превыше всѣхъ похвалъ, мужъ искавшій возмездія въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, поправилъ и уничтожилъ нашего тирана (Гонту? Железняка или Харька?) и спасъ злополучный народъ!

---

¹ Евреи не знаютъ которому Браницкому принадлежитъ эта честь, первому-ли, т. е. І. Клеменсу, или гетману Ксаверію Браницкому, отцу Графини Воронцовой, жившему въ 1768 году и упомянутому въ рассказѣ нашемъ.

«Господи! пошли ему успѣхъ во всѣхъ его начинаніяхъ, благослови его дѣтей и внуковъ, простри на весь родъ его свою благодѣтельную десницу и да будетъ миръ и согласіе между его народомъ и сынами Израйля»!

№ 7.

Распоряженія Коша Запорожскаго противу гайдамакъ.

а). 1756 (отрывокъ)¹.

.... «Какъ Кошевой атаманъ Григорій Федоровъ въ искорененіи шатающихся въ положеніи Сѣчевомъ гайдамакъ (т. е. принадлежащихъ къ войску), прилѣжное стараніе имѣлъ, то гайдамаки (числомъ 40 чел.) написали отъ себя до него Кошеваго Федорова зъ старшиною и атаманами Сѣчевыми, просительное письмо, чтобы ихъ принять въ Сѣчь, и зъ выраженіемъ въ томъ письмѣ и сего: «когда де приняты не будутъ, то они могутъ разойтись въ чужіе краи. Оныже де впредь станутъ жить постоянно, въ чемъ и присягну

¹ Взято изъ объясненій Кошеваго, по случаю взведенныхъ на него въ Малороссійской войсковой канцеляріи обвиненій, что онъ гайдамакъ собиралъ, ихъ уговаривалъ и отъ нихъ деньги получалъ. *Ист. Нов. Сѣчи*, изд. 1841, стр. 238.

имѣють. А отъ когобъ могли бытъ до нихъ претензіи, обовязали себе тѣхъ довольствовать». По якому письму, въ разсужденіи того ихъ гайдамакъ показанія: что они въ чужіе краи разойдутся, и не приключилибъ тѣмъ войску Запорожскому знатной, въ отчаяніи душъ своихъ и злобства притчины (вреда), полагаясь на доброе ихъ обѣщаніе, а паче на милостивые вышедшіе и опубликованные указы о выходѣ всѣмъ Россійскимъ подданнымъ въ отечество, гдѣбъ ни были и что всѣ ихъ вѣны прощены будутъ; ¹ — въ сходкѣ его Кошеваго и всѣхъ старшинъ, куренныхъ атамановъ, такожъ и всего товариства, усогласовали ихъ принять и къ присягѣ привести. А потому, ѣздили къ онымъ гайдамакамъ, которые тогда находились за границею Турецкою, возлѣ рѣчки Громоклен (Бобринецкаго уѣзда), четыре атаманы: Капевскій, *Матвей Шкурай*, Левушковскій *Затковскій*, Минскій *Ядутъ* и Прклеевскій *Андрей Косанъ*, съ напомниманіемъ имъ гайдамакамъ, чтобы они въ чужую сторону отнюдъ не выходили. И за тѣмъ напомниманіемъ тѣ гайдамаки съ оными атаманами въ Сѣчь приѣхавши, каждый въ свой курень явился, и послѣ того, по ихъ какъ выше значить обовязательству и общему же согласію, тогда бывшимъ Сѣчевыхъ церковей начальникомъ *Феодоритомъ Рудкевичемъ*, въ церквѣ, по обыкновенію, о

---

¹ Онъ говоритъ о Высочайшихъ милостивыхъ манифестахъ 1734 г., Марта 16; и 1755 г., Сентября 4.

постоянномъ (добропорядочномъ) ихъ впредъ житіи, приведены къ присягѣ. А до него атамана Кошеваго, ни одинъ изъ тѣхъ гайдамакъ не являлся, якожь они его опасались. А по присягѣ, изъ атаманами куренными нѣкоторые явились у него Кошеваго съ прошеніями объ отдачѣ имъ для прожитія свободнаго, въ добромъ себѣ содержаніи, письменныхъ свидѣтельствъ; и отъ него Кошеваго по тѣмъ ихъ прошеніямъ и по порукамъ атамановъ, о ихъ постоянномъ впредъ житіи, нѣкоторымъ таковыя свидѣтельства и даны и пр.».

в). 1758.

Пиструкція изъ Коша Е. И. В. войска Запорожскаго Низоваго определеннымъ : пану полковнику Дмитру Стягайлу, писарю Якову Дону, асаулу Харьку Ведеркѣ и всей двухъ-сотной при нихъ въ Гарду командѣ.

« Понеже войско Запорожское Низовое чрезъ единыхъ умножившихся бродягъ, вчиненными ими сосѣдственнымъ заграничнымъ людямъ: грабительствомъ, воровствомъ и смертоубійствомъ, такъ весьма въ великое безславіе и вѣдѣность плачежа, разореніемъ пріишло, что безъ нужды и до нынѣ не оставалось; — пачежь приведа во исполненіе, въ силѣ Монаршихъ указовъ, высокія веле-

нія довольно въ Кошъ насланныя, — опредѣлено въ Кошъ войска Запорожскаго Низоваго, ко всекрайниѣйшему ихъ воровъ злого намѣренія истребленію, поставить въ пристойномъ мѣстѣ при Бугу рѣкѣ двусотную команду, выбравъ съ cadaго куреня на то по 5 человѣкъ добросовѣстныхъ. Якое число уже и выбраось, надъ которымъ васъ командиромъ и зъ старшиною для управленія и порядковъ надобныхъ, кои къ вамъ въ наставленіе данны, учреждаетесь,..... и будучи въ той должности съ командою, поступать по ниже написаннымъ пунктамъ неотмѣнно.

1.

«Принявъ вамъ сію инструкцію, имѣете слѣдовать съ имѣющеюся при васъ двусотною командою прямо въ Гардъ и распредѣля оную на нѣсколько *чатей*, отправить до показаннаго мѣста порознь.

2.

«Прибывши туда въ Гардъ, расположась на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде до сего бывшіе полковники стояли лагерами, учинить всей будучей при васъ командѣ перепись, выкликаая cadaго куреня опредѣленныхъ атамановъ, и буди съ какого куреня, полного числа козаковъ не явится, заразъ прислать вѣдомость, — почѣму тотчасъ пошлются.

3.

«Кромѣ васъ, тамо въ Гарду и вездѣ близъ команды вашей бадаться торговыми промыслами а особливо шинкарствомъ, козаковъ и другихъ людей не допускать и во вся имъ тамъ отнюдъ не быть, а для пропитанія добычь имѣть командѣ вашей, кто пожелаетъ, рыбную, въ рѣкѣ Бугу.

4.

«По зимовникамъ въ Ингульцѣ, и въ Великомъ Ингулѣ, козачіе зимовники всѣ объѣхать, и сколько въ какомъ зимовнику у хозяевъ служителей, и кто они по именамъ и прозваніямъ, такожъ сколько чіего скота рогатаго и лошадей будетъ, имѣть на то все для надобности опись; и велѣть имъ отъ Коша годовые пашпорты имѣть.

5.

«Посылать часто вамъ, распредѣляя при добрыхъ приставахъ порознь пристойное число команды за ворами разъѣзды, и ежели гдѣ прощутся, во взятіи оныхъ, кои бы могли оборонно удаляться, поступать такъ какъ съ непріателемъ, и все при нихъ будучее отбивать, а ихъ самыхъ переловливать и подъ карауломъ въ Кошъ присылать при рапортахъ.

6.

«Довольствоваться вамъ полковнику зъ старошиною тѣмъ, ежели что самими вами у воровъ

нихъ собственное отбито будетъ, а что съ командою то на общество. А буди угнатыя какіе лошади, рогатой скотъ, или вещи воровскія у нихъ же воровъ, изъ Татарскихъ или другихъ отымутся, оное все до послѣдняго, присылать въ Кошъ по описи при рапортѣ, для отдачи обидимой сторонѣ.

7.

«Ежели-бы о собраніи и зломъ намѣреніи воровскомъ, гдѣ они быть моглибъ и куда слѣдовать будутъ, увѣдаете, за таковыми съ немалымъ числомъ, командою секретно развѣдывая, за по-длинно идти, прямясь за оными *тясмою*¹ хотя и въ далекое разстояніе на Днѣпръ, или они куда трактовалибъ, въ погонѣ, и ихъ собираемыя чаты разбивать и ловить, и къ тому ихъ злomu намѣренію отнюдъ не допускать, а что при нихъ будетъ отбивать-же. Будыжь во взятіи оныхъ по малосильству явится (препятствіе), тотъ часъ въ Кошъ дать знать, для чего во вспомошествованіе въ скорости пристойная команда отправлена къ вамъ будетъ. За границу, яко за Бугъ и Сянуху, отнюдъ партіями вамъ не въѣздить и не входить.

8.

«Безпашпортныхъ и праздноживущихъ по Пингульцу и по прочимъ мѣстамъ, вездѣ пересма-

---

¹ *Тясма* отъ слова *тесма*, значить *слѣдъ* на степи отъ прохода Татарскихъ или гайдамацкихъ лошадей, слѣдственно и самыхъ Татарскихъ наѣзтниковъ или гайдамакъ.

тривать и ловить, а по поимкѣ какъ воровъ допрашивать, и по допросѣ, буде сумнительнъ явится, прислать въ Кошъ.

9.

«Буды кто безпашпортный или другій сумнительный каковой человѣкъ явится въ передерживаніи, либо что зъ вещей, и скота воровское у него прощется, такожь собственное свое за воровское мѣняль-бы, или куповалъ; съ таковыми поступать какъ съ настоящими ворами и все при ихъ нмущество и скоть арестовать и въ своемъ вѣдомѣ, до резолюціи, по описи содержать и о томъ въ Кошъ давать знать.

10.

«Походной церквѣ Бугогардовой быть всегда съ священникомъ тамо, гдѣ лагеры ваши стоятъ будутъ, а не въ островѣ, а вамъ со всею командою, дьячка и пономаря ничемъ не обижать и за титора зъ добрыхъ человѣкъ себѣ обирать.

11.

«Быть вамъ тамо въ Гарду чрезъ все лѣто до осени, и на зиму со всею своею командою и походною Божіею церквою сойти въ Великій Нигуль и тамъ сѣно на зиму заготовлять, и поступать во всемъ какъ и въ Гарду, и тамо живущимъ зимовниками угрожать и понуждать, чтобъ ни кого зъ воровъ и волочугъ не держали, а кто

держатиметь то карать не послабно, тѣмъ образомъ якъ и въ Самарѣ.

12.

«И сіе порученіе вамъ полковнику зъ старшиною и всею командою исправлять вѣрно и радительно, не чиня и малѣйшей ворами потачки и въ томъ ко всекрайнейшему искорененію неотмѣнное чинить исполненіе, опасаясь за несправку и потачку за сыскомъ въ Кошъ, нашего войскового жесточайшаго штрафа и истязанія. Не въ порученное же дѣло отнюдь не вступать и безвинно добрыхъ и невинныхъ козаковъ, такожъ и ватажанъ¹ съ хлѣбомъ, зъ рыбою и зъ горѣлкою идучимъ и мало не обижать, крѣпко того смотрѣть.

13.

«Атаманамъ отъ куреней опредѣленнымъ, со всѣми козаками, полковника и старшину должно почитать и во всемъ, что поручать слушаться, и команду воздерживать отъ всѣхъ худостей, дракъ, ссоръ и пьянства. И старшину отъ Коша на сходкѣ опредѣленную, ни за что самимъ и командѣ отставлять или обижать, хотя мало чемъ; а хто сіе начнетъ дѣлать, то за сыскомъ въ Кошъ, до смерти кіями бить и у столба привязанъ, а худоба обообрана будутъ, да и куреню всему за

---

¹ *Ватаги*, обозы съ солью, рыбою и хлѣбомъ и др. водимыя чумаками, т. е. *ватажанами*.

него, изъ чьего то сдѣлается, вина и поруганіе учинятся.

14.

«Доходы прежніе полковнику и старшинѣ, яко то: скотные, шинковые и изъ рыбы самимъ получать, а командѣ не мѣшаться отнюдѣ и шинку никому не имѣть. Напротивъ чего и онъ полковникъ съ старшиною имѣютъ вестъ себя честно и постоянно, какъ чести его приличествуетъ и каждого мѣсяца парочныхъ до Коша присылать о состояніи своемъ репортъ, — а по другимъ дѣламъ, когда надобность, тогда безъ откладки особливо присылать».

«Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ,
съ старшиною и товариствомъ».

Марта 9-го 1758.

с). 1759.

«Изъ Коша войска Запорожскаго Низоваго, всѣмъ живущимъ въ Солоной, Базавлукѣ и Саксагани
козакамъ «Крѣпкій Приказъ».

«Понеже въ Кошѣ довольно извѣстно и частыя жалобы приносятся, что проклятые гайдамаки, идущую изъ Малой Россіи въ Запорожскую Сѣчь ватагу, начали опять обдирать и деньги

отнимають и ватажанъ быють и тѣмъ намъ частые хлопоты, а на ваши, по Малороссійской дорогѣ находящіеся, и на всѣ зимовники порокъ наносятъ. Для того отправленъ нынѣ отъ насъ къ вамъ войсковый пушкаръ, и вамъ отъ всего Коша повелѣваемъ: начавъ отъ устья Солоной до вершинъ Базавлука и Саксаганѣ, съ cadaго зимовника, самому хозяину итти съ нимъ пушкаремъ въ партію и къ сыску и въ переловленіи таковыхъ пакосниковъ приложить такое прлежное стараніе, (какъ и прошлаго году, Базавлучане такихъ пакосниковъ переловили), и вы имѣете очищая свои зимовники, неотмѣнно причиняющихъ ватажанамъ пакости воровъ, словить, а въ случаѣ поступать съ ними (въ силѣ многихъ нашихъ приказовъ), такъ какъ съ неприятельми; особливо кто тѣхъ воровъ придерживеть доискавъ, поступать съ ними такъ, какъ и зъ сущими ворами; а наипаче пристани таковыхъ воровъ доискиваться въ тамошнихъ шинкахъ и шинкарей допрашивать: не приѣзжаютъ ли къ нимъ таковыя не добрыя люди горѣлки пить? — (ибо то ихъ по шинкамъ первая пристань), — и кто таковыя пакости дѣлаеть, шинкари могутъ знать. Партіи же отъ Коша съ нимъ пушкаремъ не посыmano за тѣмъ, дабы отъ оной не послѣдовало зимовникамъ вашимъ налоговъ, — но вы сами имѣете вышеписанныхъ шалостниковъ неотмѣнно искоренять и во всемъ поступать съ ними и съ передержа-

тельми такъ, какъ выше объявлено. Данъ въ Кошѣ 1759 году Сентября 29.

«Алексѣй Бѣлицкій Кошевой атаманъ
съ старшиною и товариществомъ»¹.

№ 8.

*Объявленіе о новоучрежденныхъ въ Польскомъ городѣ
Умани ярмаркахъ и свободной въ немъ торговль².*

1761.

«Въ Умани 1761 года 8 Апрѣля (по нашему счисленію 27 Марта), происходилъ церемонія торжественной закладки новаго города, на древнемъ его пепелищѣ, который по распоряженію замковаго начальства (Zwierzchności Zamkowej), былъ совершенъ слѣдующимъ Христіанскимъ порядкомъ.

«Сперва для извѣщенія народа о началѣ торжества, сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ при крѣпости имѣющихся, послѣ сего барабаннымъ боемъ и призывомъ трубъ и литавръ собраны были войска здѣшней милиціи (wojska prezydionalne), которыя стройными рядами въ замокъ

¹ Четвертый примѣръ см. ниже подъ № 13.

² Объясненіе это писано и напечатано по Польски и я счелъ нужнымъ сдѣлать самый подстрочный переводъ онаго.

прибыли. Отсюда все собраніе выступило въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первой линіи шла сотня стрѣлковъ при замкѣ постоянно находящихся, (litznie лизни); далѣе по-эскадронно маршировалъ козацій полкъ, имѣя впереди свои знамена, барабаны, трубы и литавры и всю свою старшину; за нимъ слѣдовалъ собственно гарнизонъ или пѣхота (дворянская), наконецъ, среди многочисленнаго стеченія собравшагося на это торжество народа слѣдовало мѣстное начальство, владѣльцы и арендаторы (possessorowie) сосѣднихъ имѣній, сюда приглашенные и духовенство utriusque ritus (католическое и православное) въ полномъ церковномъ облаченіи. Прибывъ на одинъ бастіонъ основывающейся крѣпости, войска выстроились въ боевой порядокъ, а духовенство обопхъ вѣроисповѣданій, при многихъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ и громѣ военной музыки, отслуживъ приличное молебствіе, благословило мѣсто основанія бастіона, а послѣ 3-хъ другихъ и всей линіи заводилага во кругъ города укрѣпленія и окропило ихъ святою водою. По окончаніи священнаго обряда, всѣ присутствующіе были приглашены въ замокъ, гдѣ было приготовлено для нихъ богатое угощеніе.

«Причиною столь великолѣпнаго торжества была истинная любовь къ отечеству и своимъ согражданамъ Е. С. *пана Франца Салезія*, на Кристинополѣ, Тартаковѣ, Струсовѣ, Могилевѣ, Брагилевѣ, Тульчинѣ, Умани, *Потоцкаго*, воеводы

и генерала земель Кіевскихъ, Рубѣшовскаго, Каломійскаго, Ропчицкаго, Яблоновскаго и др старосты. Онъ зная очень хорошо что Уманская вотчина, со всею здѣшнею околицею ему принадлежащая, находится на самой границѣ трехъ государствъ: Россійскаго, Турецкаго и Татарскаго, и по близости важнѣйшихъ дорогъ, съ этими странами соединенная, для торговли и слѣдственно для пользы здѣшняго народа весьма снособна. Городъ Умань съ давнихъ уже временъ, своею торговлею, какъ въ Польшѣ, такъ и за границею былъ извѣстенъ, такъ что многіе географы называли его, одни столицею всей Украины, другіе предверіемъ пограничнымъ. Онъ многими преимуществами, отъ Польскихъ монарховъ обогащенъ, — по всѣхъ такихъ выгодъ своихъ лишился со временемъ, какъ отъ внутреннихъ въ королевствѣ смятеній, такъ и отъ частыхъ наѣздовъ разныхъ заграничныхъ негодяевъ (гайдамакъ и Ногайцевъ), отъ чего этотъ городъ многократно былъ разграбленъ, сожженъ, разоренъ и почти съ землею сравненъ, къ крайнему для сего края вреду и опустошенію. Желая слѣдственно воскресить помертвѣвшую въ немъ дѣятельность, владѣлецъ его, рѣшившись, собственнымъ иждивеніемъ, эти развалины въ такое привести положеніе, которое-бы для отечества славу, для здѣшняго края защиту, для народа Польскаго и здѣшнихъ жителей безопасность, пользу и разныя выгоды приносило. Съ тою цѣлью весь городъ будетъ окруженъ такимъ

укрѣпленіемъ, какое болѣе всего его мѣстности свойственно. Онъ будетъ обнесенъ высокимъ и крѣпкимъ палисадомъ и на 3-хъ углахъ онаго будутъ возведены пентагономъ бастіоны. Внутри города всѣ улицы и дома такъ будутъ расположены, что всѣ онѣ отъ упомянутыхъ бастіоновъ и батарей защиту получаютъ, ибо зъ задн палисадомъ, а со стороны улицъ, рогатками будутъ укрѣплены. На площади или рынкѣ устроена *гльда* (gielda, ратуша), съ 20 лавками, для склада и продаж товаровъ, такъ устроенными, что онѣ и внутри хорошо запираются, а извнѣ, новаго рода укрѣпленіемъ *адъ погтамъ*, 4 среди города находящихся бастіоновъ, защищаться могутъ. Всѣ эти постройки, на счетъ помѣщика, а нѣсколько домовъ съ его пособіемъ, нынѣшній-же день начаты.

«Кромѣ сего владѣлецъ города Уманн, желая искреннее свое о пользахъ края попеченіе, всему государству сообщить, даруетъ оному слѣдующія, интересамъ даже владѣльца противныя свободы, облегченія и преимущества :

1. Всѣмъ городскимъ обывателямъ, въ Умани дома имѣющимъ, всякій родъ торговли, закономъ не запрещенной и продажъ напитковъ, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, позволяется безъ заплаты какихъ-бы то ни было податей и сборовъ. По истеченіи сего срока, хотя таковой платежъ учредится, но будетъ гораздо меньше противу другихъ городовъ.

2. Для вѣщшей городу и его жителямъ безопасности, число такъ иностранной, какъ и козацкой милиціи, будетъ значительно умножено.

3. Учреждаются ярмарки въ праздники ниже сего поименованные, для свободной, безъ всякихъ пошлинъ торговли, такъ для своихъ, какъ и для приѣзжихъ людей: медомъ, воскомъ, хлѣбомъ, саломъ, водкою, мѣхами, кожами, рыбою, сукнами, мануфактурными издѣліями и всѣми другими предметами, равно какъ и лошадьми, скотомъ и овцами.

4. Для поощренія такой торговли и умноженія дружескихъ сношеній съ сосѣдними государствами, позволяется всѣмъ поселянамъ и жителямъ Уманской волости, уже не однимъ откупщикамъ (*arendarzom*, продавцамъ питей), какъ это до сихъ поръ водилось, но свободно торговать въ Умани на ярмаркахъ медомъ, воскомъ и другими сельскими произведеніями.

5. Всѣ ярмарки будутъ трехъ-дневныя, одна только на Св. Іоанна Крестителя будетъ двухъ-недѣльная. Въ это-же время будетъ въ первый разъ открыта свободная винная продажа.

6. На всѣхъ такихъ ярмаркахъ, а особенно упомянутой двухъ-недѣльной, для совершенной купечества и покупателей безопасности, къ обыкновенному въ городѣ гарнизону, еще военная сила прибавлена будетъ.

7. Всѣмъ на ярмарки ѣдущимъ, въ особенности-же заграничнымъ купцамъ, какъ Русскимъ,

такъ Турецкимъ и Татарскимъ подданнымъ, для вящей ихъ безопасности, по требованію ихъ, посланному въ Уманскій замокъ: что они къ Польскимъ границамъ приближаются, надлежащій конвой немедленно данъ будетъ. Равный конвой сопровождать ихъ будетъ и при отъѣздѣ во своясп.

8. Иностранные гости какъ восточныхъ народовъ, такъ и Русско-подданные, чрезъ рѣку Бугъ безденежно будутъ перевозимы, а въ Умани квартиры и сѣно для лошадей получать.

9. Приговяющимъ для продажи: стада овецъ, лошадей и рогатаго скота, нужныя и выгодныя пастбища, а на ярмаркахъ рынки, отведены будутъ.

10. Для пріохоченія иностранныхъ торговцевъ и усиленія репутаціи самыхъ ярмарокъ, владѣлецъ изъ своихъ доходовъ, нѣсколько тысячъ злотыхъ отпустить будетъ.

11. Иностранцамъ, имѣющимъ свойственныя своей земли товары, какъ то: сукна, мануфактуры, бакалію, соль, рыбу, кожи, медъ, воскъ, сало, вино горячее и пр., — еслибъ таковыхъ на ярмаркѣ не продали или на другіе товары не промѣняли, дозволяется въ городѣ безъ всякой за то платы складывать и хранить до слѣдующей продажи.

12. Сверхъ того, всѣмъ иностраннымъ подданнымъ: Русскимъ, Турецкимъ, Татарскимъ, Молдавскимъ и др. государствъ, такожъ всѣмъ къ Уманской волости принадлежащимъ и внутри

королевства живущимъ всякаго званія людямъ, всеобщее дается позволеніе, основывать себѣ жилища въ Умани, строить тамъ дома, заниматься торговыми и др. промыслами, винною продажею и пр., подѣ защитою и покровительствомъ самаго владѣльца».

Слѣдуетъ исчисленіе дней, пазначенныхъ на ярмарки.

Подписали: «Енеральный Полковникъ, Комендантъ Уманскій, оберъ-штеръ-кригсъ-комисаръ *Горжесвскій*».

«*Яковъ Квяткевичъ*, комендантъ пограничный Тарговицкій».

№ 9.

Паспортъ, данный Железнякомъ.

1768.

«Объявители сего *Останъ Поломанный* и *Останъ Бочка* съ своими товарищами, слѣдуютъ съ горѣлкою въ возы девятнадцать, въ Сѣчь, которымъ явившимся въ лагерь войска Запорожскаго, зѣ канцеляріи дано сіе свидѣтельство, дабы свободный былъ пропускъ вездѣ, такъ отъ проезжающихъ войска Запорожскаго козаковъ, яко и на границѣ, до уроченнаго имъ мѣста сюда и

туда обратно былъ чинепъ, по силѣ Высочайшихъ указовъ. Въ которыхъ при возахъ находится еще 6 коней, для перемѣны случающагося несчастія, въ которыхъ свидѣтельствуя, не дѣлать и малѣйшей обиды просимъ. А для лучшаго вѣроятія и подтвержденія, собственною своею рукою подписуюсь.

«Пок: Максимъ Железнякъ».

Помѣта. «По сему билету, означенные въ немъ Польскіе жители, слѣдующіе до Сѣчи Запорожской чрезъ форпостъ Орловскій з'Польщ, съ указнымъ досмотромъ пропущены. 1768 году Іюня 19.

«Маіоръ Владиміръ Вульфъ».

№ 10.

Ордеръ Румянцова.

1768.

«По секрету».

«Господину Атаману Кошевому Сѣчи Запорожской *Калнишевскому*, съ войсковою старшиною и товариствомъ.

«Въ прибавокъ прежнимъ извѣстіямъ объ азарничествахъ Запорожскихъ гайдамакъ, проис-

ходящихъ въ Польшѣ, о чемъ я послалъ къ вамъ ордеръ Іюня отъ 30 дня¹. Теперь меня рапортуетъ пѣхотнаго Козловскаго полку, состоящаго въ крѣпости Св. Елисаветы, полковникъ *Корфъ*, что сіи злодѣи не только умножаютъ лютости свои въ Польшѣ, но пускаясь уже нападать и на области Хайскія, какъ купцы крѣпости Св. Елисаветы дали сказки, — что 18 числа прошлаго Іюня, въ бытность ихъ въ Польскомъ мѣстечкѣ *Пальевомъ озерѣ*, приѣхало туды человекъ до 300 Запорожскихъ козаковъ, и бывшихъ тамо Поляковъ и Жидовъ умертвили, и когда де нѣкоторые изъ нихъ спаслись бѣгствомъ въ Ханское мѣстечко Балту, то они и оттудова требовали ихъ выдачи и получа отъ тамошняго каймакана въ томъ, отказъ, оныя гайдамаки, подкрѣплены будучи прибывшею къ нимъ еще партіею, въ нѣсколько сотъ человекъ съ 4 пушками, произвели съ Турками сраженіе, и напавъ на самое мѣстечко Балту, убили тамъ многихъ жидовъ и Поляковъ укрывшихся, и принудили оттуду Турковъ бѣжать, чиня погоню за ними. Вездѣ-же сіи злодѣи, такъ въ Польшѣ, яко и по границѣ Турецкой разглашаютъ, якобы они посланы по Е. И. В. Указу. — А находячейся въ Гарду Запорожскій писарь *Быстрицкий* объявлялъ маіору *Вульффу*, что онъ чаетъ, яко тѣ нападатели изъ числа команды Запорож-

---

¹ Къ сожалѣнію, этого одного ордера, въ дѣлахъ Запорожскихъ мы не отыскали.

ской, отправленной въ Умань. Вы съ симъ парочнымъ безъ малѣйшаго замедленія дайте мнѣ отвѣтъ: какая и для чего отъ васъ команда отправлена въ Умань, какъ означенный писарь показалъ? И извѣстны-ли вы кто сія Запорожскіе козаки, учинившіе вышеписанныя паглости въ областяхъ Польской и Турецкой? И для чего вы столько слабое смотрѣніе имѣете, что могутъ свободно изъ вашихъ подчиненныхъ выходить такіа разбойническія партіи, которыхъ своевольства, въ разсужденіи сосѣдственныхъ державъ, раждаютъ самыя худыя слѣдствія? И для того возьмите самыя строгія мѣры къ наказанію повинныхъ и къ истребленію всѣхъ подобныхъ своевольствъ, ибо вся тягость сихъ важныхъ происшествій, непременно ляжетъ на вашемъ отвѣтѣ».

«Генераль Графъ Румянцовъ».

«1768 года Іюля 2-го дня.

«Глуховъ».

№ 11.

Свѣденія о Железнякѣ и Уманской рѣзнь.

1768.

1. «1768 года Іюля 4, войска Запорожскаго Низоваго, козакъ куреня Донскаго, *Лавринъ Кантаржей*, въ канцеляріи онаго войска показалъ:

«Когда онъ по купечеству Польской области въ разныхъ дальнихъ городахъ былъ и слѣдовалъ уже обратно въ Сѣчь Запорожскую, *натоварясь* разными товарами, чрезъ Польскій городъ Умань 9-го числа, то засталъ подъ Уманию стоящаго въ двухъ тысячахъ войска, называющаго себя Запорожцами, при 30 прапорахъ и 15 пушкахъ, подъ командою полковника Максима Железняка; къ которому какъ онъ явилъ себя и просилъ его, чтобъ отъ его команды, какъ тамъ въ простойкѣ, такъ и въ пути ему не учинилось какого худа и на товаръ-бы его, который стоялъ подъ селомъ Березною нападенья небыло, — то оный Железнякъ созвалъ своихъ сотниковъ двухъ человекъ и далъ ему Кантаржею отъ себя свидѣтельство, чтобъ вездѣ отъ его команды свободный проходъ, даже до границы Россійской былъ. При чемъ онъ Железнякъ ему Кантаржею хвалился, что де: «состоящій съ дивизіею въ Польшѣ Русскій генералъ Кречетниковъ, его благодарилъ чрезъ письмо, что онъ Умань въ конецъ разорилъ и всѣхъ въ ономъ Уманн Ляховъ и Жидовъ вырѣзалъ». Самъ же онъ Кантаржей вѣдѣлъ, что многіе зъ тамошнихъ Польскихъ подданныхъ католическаго, (т. е. православнаго) закона¹ люде, приѣзжаютъ къ нему съ разныхъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ уже есть Ляхи и Жиды въ конецъ разорены, прося въ него Железняка начальства, и онъ Железнякъ всякого съ

---

¹ Ибо Поляковъ они называли *Латинцами*.

ихъ по достоинству жалую, и даетъ отъ себѣ всѣмъ людямъ письменный приказъ, чтобы въ точномъ его всѣ смотрѣніи были и всѣ происходящіе отъ него порядки оставались бы въ его власти, а ослушника жестокимъ штрафомъ страшая».

2. «1768 года Іюля 11, козакъ куреня Звоневскаго *Максимъ Высоцкій* сказкою показалъ:

«Въ бытность его сего году въ Польшѣ, по купечеству, чрезъ все весняное время, истекшаго Іюня 28, подъ Польскимъ мѣстечкомъ Уманию впаѣлъ, что имѣющуюся по Украинѣ своевольствующую партію, состоящую въ немаломъ числѣ гайдамаковъ, между кою сказывался полковникомъ *Максимъ Железнякъ* (кои де по рѣчамъ отъ нихъ слышаннымъ, вышли съ монастыря Мотронинскаго, т. е. Лебединскаго въ 30 чел. и набраны тамо (?), жгли зъ мужиковъ разоренія и умерщвленія чинили), — прибывши подъ Умань, паходящегося въ Польшѣ Россійскаго войска, Каргопольскаго карабинернаго полку полковникъ Гурьевъ зъ Донскимъ полковникомъ, а какъ его зовутъ не упомнить, съ командою его атаковалъ и подъ караулъ взявши, всѣхъ въ колодки позабивалъ» (и пр.).

№ 12.

Ордеръ Воейкова.

1768.

«Высокоблагородный и Высокопочтенный господинъ войска Запорожскаго Кошевой атаманъ, съ старшиною.

«Прежнямыи моими отъ 24 числа прошедшаго мѣсяца ордеромъ В. В. предписано: о проявившейся въ Польской Украинѣ вдругъ разбойнической, тако называемой, подъ именемъ Запорожскихъ козаковъ, гайдамацкой шайки, справку въ подчиненномъ вамъ войскѣ сдѣлать: не отлучился-ли кто изъ какого куреня, на такое Богу противное и безчеловѣчное злодѣйство и стараніе употребить, такое въ Кошѣ сдѣлать распоряженіе, чтобъ никто къ той шайкѣ не только явнымъ, но и тайнымъ образомъ пристать не могъ; но какъ между тѣмъ отъ находящагося при Орловскомъ форпостѣ маіора *Вульфа* миѣ рапортовано, что 21 числа прошедшаго мѣсяца, помянутой злодѣйской шайки приѣхавъ въ пограничную Ханскую слободу Голту, нѣсколько человѣкъ, якобы Запорожскихъ козаковъ, съ крайнею продерзостью и звѣрскою яростью напали на оную слободу и укрывшихся отъ тиранства ихъ въ оной, нѣсколько человѣкъ Польскихъ шляхтичей и жидовъ, безчеловѣчнымъ образомъ пзмуча покололи и убили, между коими

и три Голтянскіе жида находились, а другихъ въ рѣку Бугъ потопили. Почему Голтянскій каймаканъ, опасаясь своего живота прибѣжище взялъ въ Орловскую слободу; и что при Гардѣ 24 числа минувшаго перешло чрезъ Бугъ рѣку до 30 чел. пѣшихъ и до 20 конныхъ Запорожскихъ козаковъ, кои въ урочищѣ Романковой, разстояніемъ отъ Голты въ 15 верстахъ, расположились и что главный начальникъ реченной злодѣйской шайки, Максимъ Железнякъ, называющійся полковникомъ, имѣетъ при себѣ асаула съ перначемъ, одну хороговъ и 8 прапоровъ. То за необходимо признаваю В. В. чрезъ сіе, силу прежняго моего ордера подтверждая, найпрплежнѣйше препоручить, удобовозможное съ вашей стороны распоряженіе и предосторожность употребить, чтобъ никто изъ подчиненнаго вамъ войска Запорожскаго козаковъ, отъ своихъ мѣстъ отнюдѣ отлучаться и къ сей шайкѣ пристать не осмѣлился, подѣ опасеніемъ жесточайшаго по обыкновеннымъ войска Запорожскаго правамъ наказанія. Впрочемъ предаю сіе попеченію и благоразсмотрительному вашему распоряженію, о исполненіи, ожидать имѣю вашего обстоятельнаго рапорта.

« Вашего Высокоблагородія,

« охотный слуга

«Федоръ Воейковъ».

Кіевъ, 2-го Іюля 1768.

№ 15.

*Инструкція, данная Кошемъ Запорожскимъ для
поймки гайдамакъ.*

1768.

« Изъ Коша войска Запорожскаго Нпзоваго,
высокоблагородному господину войсковому стар-
шинѣ, *Андрею Лукьянову,*

« Ордеръ ».

« Многими ордерами отъ Е. С. г. генералъ-
аншефа и кав. графа Румянцова и г. генералъ-
аншефа, губернатора Кіевскаго Воейкова, Кошу
предлагано: дабы къ збунтовавшимся въ Польской
области на Украинѣ, тамошнимъ подданнымъ на-
родамъ, во сообщество, зъ здѣшнихъ подчиненныхъ
никто уходить и оттуда, зъ нихъ-же бунтовщи-
ковъ въ сіи границы убѣгать не могли, къ сыску
и переловленію таковыхъ, взять отъ Коша всевоз-
можныя средства. О чемъ и Высочайшею Е. И. В.
граммотою, съ нарочнымъ оберъ-офицеромъ при-
сланною, войску Запорожскому Нпзовому стро-
жайше подтверждено. И хотя ко истребленію та-
ковыхъ злочинцевъ изъ войска Запорожскаго Нп-
зоваго, отправлены съ командами господа войско-
вые старшины: *Макаръ Нагай* и *Алексій Черный*,
но что и нынѣ полученнымъ въ Кошѣ отъ высо-
кихъ генералитетовъ повелѣніями, строго при-

тверждается, означенныхъ шалостниковъ пересматривать и переловлять, для того въ Кошѣ определено: къ опымъ гг. старшинамъ еще команды приумножить и къ оной, съ довольнымъ наставленіемъ, опредѣлить васъ да полковника *Андрея Кѣйнаша*. Которую команду вы принявъ, имѣете слѣдовать въ Бугогардовое вѣдомство и по прибытіи туда, съ оными старшинами Нагаемъ и Чернымъ съѣхаться въ одно мѣсто, со всѣми командами. Гдѣ взявъ: Алексѣй Черный зъ 10—Кейнашъ зъ 9—Нагай зъ 9—а вы зъ 10 куреней козаковъ всякъ себѣ въ команду, зъ оными расположиться ставками имѣете. А именно: Алексѣю Чорному зъ низу въ р. Еланцѣ въ *Одерицахъ*, Андрею Кѣйнашу въ р. Чорномъ Ташлыкѣ въ *Робленой могилѣ*; Макару Нагаю въ *Бешбайракахъ*, а вамъ въ Мертвоводѣ въ закрытыхъ здѣшняго вѣдомства мѣстахъ; а имѣете вездѣ по границѣ, ставка отъ ставки, тамо непрерывные дѣлать разъѣзды и всепривлежно: — не будутъ-ли убѣгать зъ Польши въ здѣшніе мѣста, или не отважится-ли кто зъ ту-тейшихъ подвластныхъ въ Польскую Украину въ единомысліе къ тамошнимъ бунтовщикамъ уходить, пересматривать и переловлять. А по переловленіи присылать со всѣмъ, что при нихъ будетъ до Коша, къ поступленію съ ними по надлежащему.

«Если-бы надѣ чаяніе, зъ сихъ злочинцевъ, за многимъ ихъ зборищемъ, гдѣ либо кому изъ васъ взять неудобно могло казаться, при такомъ случаѣ, одинъ къ другому въ ставки ваши нарочными

о дачѣ вамъ вспоможенія, давать знать; во времяжъ сопротивленія ихъ, поступать съ ними примѣрно, какъ съ разбойниками и нарушителями общаго блага.

«Ежели вамъ при разъѣздѣ по границѣ, въ какомъ мѣстѣ случится съѣхаться съ Крымскими Татарами и оныя васъ спрашивать будутъ: зачѣмъ вы съ командами ѣздите? — вы имъ имѣете съ учтивостью, не оказывая ни чего суровости, объявить, что вы для переловленія, разсѣянныхъ Россійскими командами въ Польшѣ, гайдамацкихъ шаекъ находитесь; однакожъ того остерегаясь, чтобъ при случити́ся могущей иногда встрѣчѣ съ Татарскими разъѣздами, отнюдѣ ни какой причины къ раздору не подавать, хотябъ иногда отъ Татаръ къ тому и поводъ подавъ былъ; но всѣми мѣрами отъ ссоръ убѣгать и уклоняться, отговариваясь, что такіе поступки зъ сосѣдственною дружбою ни мало ни сходственны, и если имъ какія обиды причинены, то должно жаловаться начальникамъ, отъ коихъ и справедливаго удовольствія ожидать имѣютъ. Въ Крымскіежъ границы отнюдѣ и малѣйше вамъ не въѣздить.

«При семъ вашему при границѣ разъѣзду, присматривать: нѣтъ-ли гдѣ Татарскихъ собраній, и ежели есть, то въ какомъ они обращеніи и войсковой исправности и намѣреніи, секретнѣйше развѣдать и, по достовѣрному увѣдомленіи, Кошъ рапортовать; между тѣмъ въ своей дистанціи и въ разъѣздахъ будучи, имѣть крѣпкую и недре-

мательную предосторожность зъ денными и ночными отводными караулами. Въ сей командировкѣ будучи, такъ у чабановъ Крымскихъ, яко и ни въ кого, заграничныхъ и здѣшнихъ народовъ, отнюдъ ни чего не брать и не обижать и команды не распускать и не сходить зъ степу, а быть всегда въ разъѣздахъ, до нашего особаго къ вамъ веленія и что будетъ происходить, о томъ имѣете по часту Кошъ рапортовать.

«Атаманъ Кошевой *Петръ Калнишевскій*,
войсковая старшина и товариство».

1768 году Сентября 13.

НВ. Такія-же инструкціи даны старшинамъ:
Алексѣю Черному, Макару Нагаю и полковнику
Кѣйнашу.

№ 14.

Показаніи при допросѣ гайдамаковъ.

1768.

1. «1768 года Іюля 25 содержащійся въ войсковомъ секвестрѣ колодникъ, Польской области, Чигринской губерніи, села Чаплинецъ житель *Федоръ Бондаренко*, показалъ:

«Родился онъ полку Лубенскаго (Малой Россіи) Чигринъ-Дубровской сотни, въ с. Мочулевцѣ, отъ отца Василя Бондаря, нынѣ уже умершаго, званія посполитаго, а до смерти его, будущему ему еще малолѣтну невѣдаетъ для чего, по переходѣ отъ туду, находились жительствовавъ Пол. области Чигринской губ. въ с. Чаплинцахъ, гдѣ и по смерти отцовской онъ Бондаренко, оставшись съ матерью, проживалъ сего году до Петрова поста. А въ Петровъ постъ, какъ за прибытіемъ, началъ объѣздить всѣ тамошнія околичныя села, въ томъ числѣ и въ Чаплынцы прибылъ, называющій себя Запорожскимъ козакомъ, Уманскимъ куреннымъ, нѣкакъ *Семенъ Неживый*, и при томъ объявлялъ что у него есть нѣкакъ *дозволеніе*, — а отъ кого? онъ Бондаренко, по своей простотѣ, не доискивался, — збирать *чату* (шайку), при коей быть ему командиромъ, и идти съ оною въ Лядщину, на искорененіе Ляховъ и Жидовъ; — то будучи тѣмъ дозволеніемъ, отъ него объявленнымъ увѣренъ, и при томъ смотрячи, что многіе тамошніе жители оставя свои жилища и въ нихъ не малыя имуществва, вдаются ему въ команду, и онъ вдався и съ нимъ вмѣстѣ идти, куда прикажетъ польстился. И такъ оставя мать свою въ домѣ тамошъ въ Чаплынцахъ и все свое имущество, къ нему Неживому въ тую чату, коей всей въ собраніи было до 100 чел. конныхъ и пѣшихъ, иныхъ съ ратищами, а иныхъ съ мушкетами, иныхъ же единственно только при шабляхъ, присовокупился.

За собраніемъ-же той чаты онъ Неживый, по вышеписанному въ Лядщину и нпкуда не ходилъ, но стоялъ съ оною въ тамошнемъ-же селѣ Медведовцѣ, около двухъ недѣль, и стоячи объѣздилъ околпчныя Чигринской губерніи села и по онымъ гдѣ скотъ самый только жидовскій находилъ, оный весь забравъ, не причиняя при томъ больше никакого грабительства, бою и обпдъ, продавалъ разнымъ Мало и Велпкороссійскимъ и Лядскимъ купцамъ, а деньги отъ нихъ, по договоренной цѣнѣ отбпрая, въ дуванъ (дѣлежъ) пускалъ, по своему разсмотрѣнію, кому что дать; коего дувану, и ему Бондаренку довелось разными числами собрать сто рублей. Какъ же полковникъ гусарскій, а какъ его зовутъ не знаетъ (*Чорба*), прибылъ въ пограничное село Галагановку съ командою и началъ многожды письменно требовать его Неживаго, съ тою собранною чатою къ нему приѣзду, подманомъ, для нѣякогось якобы съ нпмъ Неживымъ уговору и совѣту. То онъ Неживой, съ тою своею чатою, въ коей и онъ Бондаренко считался, отъ того села Медвѣдовки отпавившись совокупно, и поѣхавъ подъ тую Галагановку, тую свою чату оставилъ подъ Чигриномъ; а самъ взявъ при томъ зъ собою, зъ числа тоей чаты бывшихъ сотника Каневского и писаря Медведовскаго, а какъ ихъ зовутъ, знать не можетъ, поѣхалъ къ оному Сербскому полковнику, для того совѣту; куды вслѣдъ за нпмъ, для провѣданья, что тамо съ нпмъ Не-

живымъ и прочими дѣлаться будетъ, съ тоей чаты и нарочный отправился. И какъ спустя нѣсколько времени поворотясь оттуду, (нарочный), извѣстилъ онъ, что онаго Неживаго и съ нимъ отправившихся, полковникъ Сербскій побралъ подъ караулъ, — то вся тая чата собравшаяся подъ Чигриномъ, тогдажь разбѣглась по разнымъ мѣстамъ. Онъ же будучи подговоренъ назвавшимъ себя козакомъ Запорожскимъ куреня Коренивскаго Павломъ, а прозванія его не вѣдаетъ, пдти до Сѣчи, — до оной вмѣстѣ съ нимъ вшолъ и за доходомъ до хутора полковничьяго *Щербины*, коимъ владѣеть, какъ онъ слыхалъ, нѣякись Сербинъ Шорба (Чорба), онъ Павло тамошними жителями пойманъ. Онъ же Бондаренко бѣгомъ оттуду спасшись, дошелъ до Запорожскаго степу, на коемъ полковымъ старшиною Павломъ *Попатенкомъ* знайденъ, взятъ и представленъ въ войсковую пушкарню».

2. 1768 года Сентября 13 войска Запорожскаго Низоваго, козакъ Минскаго куреня *Савка Таранъ*, въ войсковомъ секвестрѣ допрашиванъ, показалъ:

«Родомъ Малороссійскаго Лубенскаго полку, села Загуля, отъ отца *Иштата Сухопара* и матки Ефросиньи, званія козачьяго, лѣтъ отъ роду 30; при отцу жилъ годовъ зъ 18. Отъ отца будетъ годовъ 10 зашелъ съ чумаками Малороссійскими на Запорожье и прибывъ до Сѣчи, явился въ ку-

рень Минскій, за атамана уже умершаго, *Товкачевскаго*, къ численію его тамъ куреннымъ.

«Отъ времени приходу на Запороже, при разныхъ козакахъ служилъ, чумаковалъ и по рѣкѣ Бугу въ рыбной добычѣ находовался, безъ всякаго поткновенія, до Петро-Павлова поста сего году.

«Въ тотъ постъ на другой недѣлѣ, въ прожительствѣ его въ рѣчкѣ Грузкой, въ зимовнику куреннаго Минскаго, *Левка Рабошапки*, когда туды въ зимовникъ зъ Новосербскихъ селеній, отставный гусаръ Чернаго гусарскаго полку 4 роты (сел. Надлокъ) *Семенъ Саражинъ* прѣѣхалъ и его Тарана, да жительствовавшихъ тамъ же у Рабошапки, въ зимовнику куреня Минскаго козаковъ: *Остана Дона*, да *Ивана Вовка* и Платнеревскаго кур. *Олексу Дейнека*, совѣтомъ къ ходу въ Польшу на грабительство побудилъ, то онъ Таранъ, съ Дономъ, Вовкомъ и Дейнекомъ на то согласились. Къ прпведенію чего въ дѣйство, изъ Грузкой отъ Рабошапки, въ предводительствѣ обозвавашагося межъ ими *ватажкомъ* оного Саражина, 5 ихъ человекъ ходило конно въ Польшу, подаваясь къ городу Бѣлой-Церкви, въ состоящее не вдалѣ оного города село, зовемое *Жидовская-Гребля*, тамо по неимѣнію никого изъ жителей, не доставши въ грабежъ ничего, постигли однихъ ѣдущихъ въ Польской городъ Умань подъ защиту, отъ проходящихъ по тамошнимъ мѣстамъ гайдамацкихъ партій, Ляховъ, которые бросили возы-

и лошади и у нихъ 25 руб. денегъ¹ и разные фанты (вещи) заграбили».

Съ того села вернулись къ *Найденовымъ байракамъ* и въ балкѣ, тому грабежному чинили дуванъ. Послѣ ограбили какой-то хуторъ и въ Запорожье возвратились. Таранъ остался у рѣчки Черного Ташлыка, у козака Кушовскаго куреня *Максима Рота*. Оттуда еще нѣсколько разъ пускался на грабительство, наконецъ одинъ разъ когда съ добычи воротились они въ свое жилище — «по таковомъ возвращеніи, говоритъ, извѣстясь, что за поимкою таковыхъ какъ и онъ Таранъ гайдамакъ, разъѣздныя команды ходятъ, опасаясь тѣхъ командъ, найдовался по разнымъ рѣчкамъ на степу, довольствуясь харчами (пищею), прозьбою съ зимовниковъ достаячими. Напоследокъ его, совокупившагося съ другимъ, съ имъ Тараномъ въ Польшѣ на грабительствѣ бывалымы: Дономъ, Кравцемъ и Пваномъ Пастридою, на устьѣ рѣчки Плетенаго Ташлыка, находячаясь при войсковыхъ старшинахъ: Макару Нагаю и Олексею Черномъ команда, сыскавъ, забрала; а отъ ихъ старшинъ присланы они до Коша»².

---

¹ Исчисленіе заграбленнаго имущества мы пропускаемъ, какъ вовсе не интересное; остальной допросъ представляемъ тоже сокращенно.

² Эти два показанія взяты на удачу, изъ слишкомъ 50 подобныхъ-же документовъ.

№ 13.

Краткое описаніе убійствъ (Rzezi), произведенныхъ въ городъ Умани Украинскою чернью, ²⁰/₈ числа Юня мѣсяца 1768 года¹.

1. «Изъ актовъ (архива) Уманскаго монастыря Оо. Базиліановъ, извлечено слѣдующее повѣствованіе»:

«Откуда-бы произошло это ужасное событіе? трудно постигнуть и источникъ онаго отыскать; полагаю однакожь, соглашаясь и съ лѣтописцами объ этомъ писавшими, что оно было послѣдствіемъ ненависти, распространившейся въ Украинѣ, къ присоединенію церкви Греческой къ Римской, (т. е. къ Уніи).

«Съ одной стороны, помѣщики (Польскіе) Украинскихъ имѣній, а еще болѣе епископы и митрополиты (Уніятскіе) пылая усердіемъ къ единству церкви, и прежде и въ послѣдніе годы въ особенности, поощряли къ Уніи людей свѣтскаго и духовнаго чина. Съ другой же, уже не тайно, но открыто, вѣроятно по приказанію своего духовнаго начальства, *Мельхиседекъ Яворскій*, дизу-

---

¹ Буквальный переводъ съ Польскаго полуоффиціального и полусхоластическаго подлинника. Должно помнить, что это пишетъ Уніятскій монахъ и въ XVIII столѣтіи. Мы просимъ извиненія за слогъ перевода.

нить (православный) игуменъ Мотронинскаго монастыря, началъ уговаривать жителей всей Украины, а преимущественно Смилянскоі, Черкасскоі, Жаботинскоі и другихъ губерній, — простой народъ и духовенство, — къ сохраненію или къ принятію схизмы, (т. е. православія) и удаленію отъ повиновенія Уніятскому митрополиту. Кажется даже, что съ особаго дозволенія православнаго епископа Переяславскаго *Гервасія Липовскаго*, онъ рѣшился давать благословеніе на постройку новыхъ Русскихъ церквей, посвящать оныя и народъ всегда Уніи сопротивлявшійся, къ себѣ прिवлекать. Вскорѣ Смилянская, Жаботинская и другія сосѣднія волости, къ этому образу мыслей были преклонены и тѣмъ легче, что многіе изъ чужестранцевъ, (т. е. Русскихъ Запорожцевъ) были съ ними въ родствѣ. Это было причиною, что чернь Украинская начала возмущаться и осмѣливалась изгонять, бить и наносить раны Уніятскимъ священникамъ, съ явнымъ непослушаніемъ митрополиту (Уніятскому), своему духовному пастырю, съ большимъ неуваженіемъ не только къ храмамъ господнимъ, но даже и Св. его тайнамъ.

«*Фелиціянь Володковичъ*, тогдашній митрополитъ, видя пораженіе своего стада, какъ добрый и чуткій пастырь, не престалъ изыскивать средства, какъ-бы спасти заблудшія свои овцы. Поэтому прежде всего онъ рѣшился схватить упомянутаго Мельхиседека, какъ незаконно въ его управленіе вмѣшавшагося человѣка. Что исполнивъ

удачно, содержалъ его сперва въ Радомыслѣ, а послѣ въ Дерманѣ на Волыни, — гдѣ сей послѣдній добровольно далъ сознаніе: кто его къ такимъ дѣйствіямъ побуждалъ и посылалъ; о чемъ мы уже сказали выше. Но ушедъ изъ заточенія извѣстными ему средствами, возвратился опять въ свой монастырь.

«Въ это время (кажется 1766 года), взволнованная однимъ козакомъ (Запорожскимъ) чернь, вооружилась было въ Смѣлянщинѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но разбитая Польскими войсками, за мятежъ противу церкви и своихъ помѣщиковъ наказана: козакъ и нѣсколько другихъ смертию, остальные тюремнымъ заключеніемъ и пр. Но этотъ бунтъ усмирень былъ не надолго. Въ 1767 году Россійскій Дворъ заключилъ съ Польшею договоръ, на сеймѣ 1768 г. въ Варшавѣ утвержденный, на счетъ *гваранцій*, т. е. обезпеченія цѣлости и неприкосновенности королевства. Исполненію этого договора, нѣкоторые Поляки противились и на тотъ конецъ, въ томъ же году составили въ Барѣ (мѣстечкѣ Подольск. воеводства) конфедерацію, которой маршалами были: *Красинскій*, подкоморій *Рожанскій* и *Пулавскій*, староста Варецкій. Въ слѣдствіе сего всѣ Польскія войска, бывшія въ Украинѣ подъ командою *Воронича*, региментаря партіи Украинской, собрались въ Подолѣ. Но козаки Украинскіе изъ помѣщичьихъ милцій: Смѣлянскіе, Черкаскіе, Жаботинскіе, Уманскіе и др. не были призваны

къ оружію, ибо и они сами тому противились, да и помѣщики ихъ неповиновенію способствовали, ожидая дальнѣйшихъ событій. Это подало явный поводъ къ нашему бѣдствію, особенно когда нѣсколько сотъ Запорожцевъ явились въ Польшу, съ вымышленнымъ указомъ Императрицы Всероссійской, утверждая, что Русское правительство намѣрено: истребивъ Поляковъ, Жидовъ и Русь уніятскую, освободить остальныхъ (жителей Украины) отъ Польскаго ига и присоединивъ къ Россіи, сдѣлать ихъ совершенно свободными.

«Всеобщее на Украинѣ мнѣніе было, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ упомянутый Мельхиседекъ, который благословлялъ поселянъ (?), на эту ужасную рѣзню, угрожая имъ страхомъ отлученія отъ церкви, или не разрѣшенія на исповѣди, въ случаѣ сопротивленія. Въ томъ-же сознавались и сами преступники приговоренные къ смерти. И вотъ истинное начало этого ужаснаго для Умани событія.

«Возмущаемая такимъ образомъ Украинская чернь, всегда питавшая ненависть къ Полякамъ, отказавъ въ повиновеніи своимъ владѣльцамъ, въ большомъ числѣ присоединилась къ Запорожскимъ козакамъ, которыхъ главою былъ Запорожецъ *Железнякъ*. Сей послѣдній избранъ былъ къ этому дѣлу самимъ Мельхиседекомъ, знавшимъ, что онъ будучи еще Запорожскимъ сотникомъ (?), произвелъ уже многія убійства и грабежи, въ наѣздахъ на пограничныя мѣста. Послѣ какъ-бы отъ упре-

ковъ совѣсти, Железнякъ отошелъ для покаянія въ Кіево-Печерскій монастырь. Мельхиседекъ вмѣстѣ съ другими монахами употребилъ всѣ усилія, чтобы Железняка, какъ извѣстнаго уже и опытнаго разбойника, къ себѣ преклонить и къ принятію начальства надъ другими негодяями уговорить. Извѣстіе о появленіи этихъ шаякъ такъ напугало помѣщиковъ и Евреевъ, что они въ большомъ числѣ, со всѣмъ имуществомъ въ Умань уходили, гдѣ ихъ столько собралось, что этотъ городъ, хотя довольно обширный, всѣхъ помѣстити не могъ. Потому всѣ улицы, предмѣстія, даже площадь наполнились обозами; однихъ поссесоровъ (откупщиковъ имѣній), считали тогда до 226, а студентовъ (учениковъ Базиліанской школы), которые почти всѣ погибли въ послѣдствіи, до 400 человекъ.

«Вскорѣ вѣсть, что гайдамаки къ городу приближаются, наполнила всѣхъ невыразимымъ ужасомъ. Католики начали готовиться къ смерти, а всѣ вообще спѣшили скрывать и зарывать въ землю всѣ драгоценности, которыя и до сихъ поръ откапываютъ. *Оо. Пракій Костецкій* ректоръ, *Епифаній Сахоцкій*, второй миссіонеръ¹, *Либерій Очаскій*, третій миссіонеръ, всѣ 3 монахи Базиліанскаго ордена и др. рѣшились остаться въ

---

¹ Мы уже сказали выше, что католическое высшее духовенство, называло Украину *partes infidelium*, а потому и поручало Базиліанамъ, какъ знающимъ Русскій языкъ, быть

монастырѣ, другіе-же монахи-учители числомъ 6, съ позволенія своего ректора, уѣхали на Волинь. Оставшіеся въ городѣ, въ теченіи трехъ дней: Пятницу, Субботу и Воскресенье, т. е. $17\frac{1}{8}$, $18\frac{1}{8}$, и $19\frac{1}{8}$ число Іюня, до 8 часовъ утра, всѣхъ къ нимъ прибѣгающихъ исполненныхъ ужаса обывателей утѣшали, въ вѣрѣ святой утверждали, исповѣдывали и причащали, а въ 4 й день $20\frac{1}{8}$ Іюня въ Понедѣльникъ, и они вмѣстѣ съ другими, ужасной смерти были преданы.

«Прежде нежелп началась эта ужасная сцена, Младановичъ, губернаторъ Уманской волости, получилъ извѣстіе о подозрѣніяхъ, которыя имѣлись на Уманскихъ козаковъ, бывшихъ съ полковникомъ ихъ *Обухомъ*, на Новосербской границѣ. А потому Младановичъ призвавъ ихъ въ Умань, приказалъ сотника *Гонту* съ другими *началами* или офицерами козачьими, привести къ присягѣ на вѣрность своему помѣщику и городу; что Гонта и выполнилъ на ратушѣ предъ мѣщанами, обѣщавъ всѣми возможными клятвами, никогда имъ не взмѣнить. Вскорѣ получено достовѣрное извѣстіе, что болѣе 500 гайдамакъ находятся въ с. Соколовѣ близъ Умани и что они уже и къ этому городу пробираются; посему приказано было

миссіонерами, т. е. проповѣдниками и охранителями католицизма. Въ XVII вѣкѣ тоже дѣлами Іезуиты, и теперь еще находили мы поставленные ими, въ нѣкоторыхъ городахъ, близъ церквей и на улицахъ, высокіе каменные столбы, съ крестомъ наверху, — которые называются *миссіями*.

козачьему полку, оставя въ городѣ пѣхоту, со всѣми конными, конхъ до 700 было, идти на *подъездъ* (поиски) противу гайдамакъ. Вся надежда была на Гонта.

« Въ этой экспедиціи командовали оба полковника: *Обухъ* и *Мамушевскій*, но Гонта немедленно по отбытіи изъ Умани, подговорилъ козаковъ отрѣшиться ихъ отъ должности, но изъ уваженія къ давней ихъ къ нему дружбѣ и заслугамъ, далъ имъ средства уйти за границу. Но и тамъ нѣсколько козаковъ ихъ преслѣдовало, изъ опасенія чтобы они Умани не предупредили, и чтобы городъ вполне положившійся на Гонта, легче было захватить въ свои руки. Тогда соединясь съ гайдамаками, вѣроятно по прежнему уже уговору, козакъ бросился къ городу, атакуя палисады и убивая защищавшихъ оные христіанъ и жидовъ. Начальство заперло ворота, подняло мосты — и призвало къ оружію: капитана *Ленарта* съ надворною (т. е. дворянскою) пѣхотою въ числѣ 100 человекъ, дворянъ, жидовъ, пѣхотныхъ козаковъ и находившихся въ Умани конфедератовъ до 200 человекъ. Защищаться было легко, ибо имѣлись пушки осадныя и полевые, множество оружія и довольно пороху, картечи и пуль.

« Къ защитѣ поощряли ихъ и Прусакъ, прибывшіе туда въ числѣ 50 чел. за ремонтомъ лошадей, но сами видя явныя приготовленія къ битвѣ, не имѣя къ участию въ ней приказаній (отъ своего начальства), спокойно ретировались въ

тѣ самыя ворота, которые атакованы были гайдамаками. Легко было намъ надѣяться, что еслибы не измѣна (podstep), никогда-бы Умань не подверглась такому бѣдствію. Гайдамаки начавъ съ 7 часовъ вечера (19/7 Іюня), цѣлую ночь атаковали безпрестанно, стрѣляя изъ ружей и побуждая толпы поселянъ къ истребленію палисадъ; но поражаемые картечью и ядрами, потерявъ многихъ ранеными (которыхъ сей часъ уносили), — отступили.

«Видя такимъ образомъ, что силою ничего сдѣлать не могутъ, гайдамаки рѣшились употребить хитрость. Сотникъ Гонта съ своими началами подошелъ къ воротамъ со стороны лѣска *Грекова* и сидя на лошади, въ знакъ мира и безопасности для города, показывалъ осажденнымъ бѣлый платокъ на пикѣ, а другой такой-же послалъ къ губернатору Младановичу, приказавъ сказать ему, что такъ какъ онъ обѣщалъ вѣрность помѣщику и городу, такъ и теперь никакого имъ вреда сдѣлать не намѣренъ, лишь-бы онъ его съ козаками впустилъ; угрожая въ противномъ случаѣ самымъ жестокимъ мщеніемъ.

«Посланные отъ гайдамакъ хотя говорили просто, но такъ хитро, что убѣжденный губернаторъ, не позволивъ, или какъ другіе говорятъ, воспретивъ защищать городъ. Изъ чего, предчувствуя свою гибель, осажденные не надѣясь спасти жизни, тщились о спасеніи души, а потому одни въ Базиліанской церкви, другіе въ приходской исповѣдывались и получили полное разрѣше-

ніе. Другіе-же не помѣщаясь въ церквяхъ, приобщены были Св. тайнамъ чрезъ Базиліановъ на рынкѣ или на улицахъ. Ужасъ объялъ всѣхъ, страхъ извлекалъ слезы и стоны, всѣ другъ съ другомъ прощались, какъ-бы разставаясь на вѣки.

«Капитанъ *Ленартъ* и хорунжій *Марковский*, не соглашались съ Младановичемъ (на сдачу города) и хотѣли изъ пушекъ и ружей стрѣлять по идущимъ къ воротамъ гайдамакамъ, — но губернаторъ на то не позволилъ. Послѣ недолгаго спору ворота были отперты. Для встрѣчи Гонта и Железняка, высланы были почетнѣйшіе граждане съ хлѣбомъ и солью, по древнему обычаю, въ сопровожденіи старшихъ городскихъ чиновниковъ. Немедленно большая толпа негодяевъ ворвалась въ городъ, поставила караулы у обѣихъ церквей (католическихъ) и у Еврейской синагоги и окружила ратушу со всѣхъ сторонъ. Губернаторъ со всѣмъ семействомъ былъ взятъ и отведенъ въ домъ одного мѣщанина, гдѣ и оставался подъ строгимъ карауломъ. Гонта посовѣтовавшись съ Железнякомъ, закричалъ козакамъ: «нуте братцы пора начинаты діло». Тогда-то совершились жестокости, которыхъ и описать трудно. Первыми жертвами гайдамакъ были тѣ, которые попались на площади: кололи, рѣзали, убивали на улицахъ и по домамъ, безъ всякаго вниманія на лица, на ихъ прозьбы и слезы. Несчастныхъ дѣтей подкидывали вверхъ, или съ крышъ бросали на пшки и такъ пробитыхъ если оставались еще живы, до-

бивали чѣмъ попало. Плачь, крики и моленія наполняли воздухъ; тамъ стонали беременныя женщины, которымъ поролъ животы чтобы вырванный плодъ убивать жестокимъ образомъ. Остальная, неизмѣнившая мнѣнія и конфедераты защищались еще но не долго, бывъ лишены предводителей; ибо Лепартъ сей часъ послѣ открытія воротъ ушелъ изъ города. Они убивъ и ранивъ многихъ гайдамакъ, всѣ безъ исключенія были истреблены.

«Когда уже не осталось никакого сопротивленія, гайдамаки бросились одни въ Базиліанскую, другіе въ приходскую (католическую) церковь. Въ сей послѣдней одинъ изъ атамановъ взбѣжалъ на амвонъ и тамъ ругая безстыднымъ образомъ присутствующихъ дворянъ, осмѣивая обряды и литургію, богохульствуя, ругаясь Св. тайнами, иконами и вѣрою Латинскою, — когда закричалъ на своихъ: «пуге убывайте», — тогда всѣ гайдамаки какъ бѣшеные ринулись на самыхъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей. Настоятель церкви *Вадовскій* проколотъ копьями у самага олтара; другихъ обнажали, топорами рубили, пныхъ пиками, ножами, дубинами смерти предавали. Старцевъ за волосы вытаскивали, женщинъ публично безчестили и убивали, дѣтей въ куски раздирали. Тоже происходило въ церкви Базиліанской: ранивъ ружейнымъ выстрѣломъ о. ректора *Костецкаго*, когда онъ раскинутые по землѣ для поруганія Св. дары (hostia) собиралъ и съѣдалъ,

пиками добили и въ канаву бросили. Другихъ Базиліановъ: *Ивана Левицкаго*, вице-ректора; *Илію Магеровскаго*, *Либерія Очаскаго* и *Маевского*; вывлекши изъ церкви и раздѣвъ, жестоко били, требуя чтобы они показали, гдѣ скрыты вещи церковныя и дворянами имъ отданныя на сохраненіе, но не нашедъ ихъ въ показанномъ погребѣ, ибо уже другіе грабители все утащили, привязавъ къ большимъ палкамъ, били ихъ по лицу, по головѣ и плечамъ нагайками, древками пикъ, палками, кололи ихъ, ведя съ насмѣшками и ругательствами вокругъ ратуши и уже полумертвыхъ отдали подѣ стражу въ домъ мѣщанина *Игнатія Богатаго*. Но вскорѣ по просьбѣ православнаго священника Св. Михайловской церкви (?) эти несчастные были выведены на улицу и близь этой церкви умерщвлены и брошены на поруганіе черни¹.

«Не меньшимъ жестокостямъ подверглись и Жиды, которыхъ въ одной спнагогѣ перерѣзали до 3,000 душъ об. п. Страшно было видѣть ихъ плавающихъ въ собственной крови, безъ рукъ, безъ ушей, обнаженныхъ, которыхъ добывали собравшіеся изъ ближайшихъ селъ поселяне. Многихъ изъ погребовъ, рововъ и другихъ мѣстъ, гдѣ они скрывались, вытаскивали, хватали и какъ стадо животныхъ въ одно мѣсто сгоняли. Тутъ ихъ самыя даже женщины, ожесточенныя при-

---

¹ Не должно забыть, что это писали враги православія, Базиліане, т. е. Уніаты.

мѣромъ мужей, дубинами, ножами, лопатами; серпами рѣзали и убивали, даже дѣтей своихъ къ этой жестокости принуждая. Не только дворянскіе дома со всѣмъ въ нихъ бывшимъ имуществомъ, но мертвыхъ съ одеждъ обдирали, и даже церкви (католическія) были разграблены; вся безъ пзъятія добыча къ Гонтѣ была приносима. Одни снявъ съ убитыхъ одежду, немедленно скидывали свои лохмотья и въ нее наряжались; другіе сядя на олтарѣ, лапти скидали и захваченные сапоги надѣвали. Одинъ изъ атамановъ именемъ *Тытыкъ*, сохранившій еще немного уваженія къ святынѣ, схватилъ было чашу съ дарами, завернутую въ *воздухи*, уносилъ ее въ церковь православную, — но гайдамаки отобравъ ее, бросили Св. дары, топтали ихъ ногами въ крови наполнявшей помостъ церковной. Одни ломали кресты и ругались ими, другіе въ церковныхъ облаченіяхъ пускались на безчистства, третіе завладѣвъ дисками (*patena*), дыравили ихъ и носили на лентахъ вмѣсто орденовъ, или изъ священныхъ сосудовъ пили горячіе напитки.

«Упитанные кровью своихъ соотечественниковъ и помѣщиковъ, гайдамаки истребивъ въ теченіи 7-ми часовъ болѣе 18,000 душъ (??) разнаго сословія, начали смиряться и желая пощадить остальныхъ жителей, постановили окрестить или обратить ихъ въ православіе, посредствомъ прежде употреблявшагося обряда трикратнаго погруженія въ Св. купели. Такимъ образомъ при-

гнаны были оставшіеся въ живыхъ католики въ Св. Михайловскую церковь, гдѣ было назначено крещеніе. Священникъ этой церкви, считавшій тайну крещенія совершенную Уніятами неважною, охотно на то согласился. Не смотря на сопротивленіе малаго числа, обрядъ былъ совершенъ. Три только лица предпочли смерть вторичному крещенію; остальные обращенные, были разобраны гайдамаками.

«Того дни уже подъ ночь, нѣсколько козаковъ изъ любопытства начали добывать одну запертую башню, находящуюся на западной сторонѣ замка. Тамъ скрывался землемѣръ Потоцкаго *Шафранскій*, который немедленно пистолетнымъ выстрѣломъ убилъ одного изъ нападателей. Испуганные гайдамаки, пригнали къ дверямъ поселянъ, вооруженныхъ топорами, чтобы изрубить ихъ, другіе направили туды пушку и сдѣланнымъ выстрѣломъ убили слугу Шафранскаго, скрывавшагося подъ крышею. Не смотря на защиту Шафранскаго и смерть нѣсколькихъ гайдамакъ имъ застрѣленныхъ, онъ былъ схваченъ и изрубленъ.

« Ожесточенная душа Гонты бывшаго причиною столькихъ жестокостей и толикихъ бѣдствій, могла-бы кажется уже успокоиться, но разъяренный жестокостію и жаждою мщенія онъ не могъ забыть о Младановичѣ, котораго онъ несправедливо по слѣдующей причинѣ. Покойный воевода (графъ Францъ Потоцкій) узнавъ о безпокойствахъ на Украинѣ, желая обезопасить свои Уманскія по-

мѣстья, за нѣсколько недѣль до настоящаго произшествія, написалъ ласковое письмо къ Гонтѣ, обѣщая ему хутора, уже имъ владѣемые, передать въ собственность, а двѣ деревни въ пожизненное владѣніе (dożywocie) оставить, лишь-бы онъ защищалъ его Украинскія имѣнія, а преимущественно Умань. Младановичъ изъ зависти или изъ презрѣнія къ Гонтѣ, или по другимъ причинамъ, письмо это ему не отдалъ и даже не показалъ. О чемъ онъ прежде еще кое-какъ узнавши, когда въ имуществѣ Младановича ему доставшемся, нашелъ и самое письмо, приказалъ привести его къ себѣ и съ гнѣвомъ ему сказалъ: «измѣнникъ! ты «далъ поводъ ко всѣмъ этимъ жестокостямъ, ты, «(показывая на мертвыхъ) причиною разлитія «этой крови! Чему ты не показалъ мнѣ письма «нашего пана? Что ты выигралъ скрывши его»? и ударилъ его по головѣ саблею. Младановичъ, окровавленный упалъ къ его ногамъ и тутъ-же былъ изрубленъ козаками. Его жена и дѣти¹ не смотря на ихъ просьбы и горькія слезы, были обнажены и среди безстыдныхъ ругательствъ и насмѣшекъ исколоты пиками.

«Въ то же время привели въ рубище одѣтаго и босаго *Скаржинскаго*, эконома Уманскаго, и не смотря на защиту Гонты, по требованію поселянъ

---

¹ Сочинитель вѣрно не зналъ о спасеніи дочери и 2 сыновей Младановича.

которыхъ онъ по своей должности долженъ былъ иногда наказывать, ружейнымъ выстрѣломъ убили.

«Ужасное зрѣлище! множество мертвыхъ тѣлъ вездѣ валявшихся и потоковъ крови, которою земля и даже стѣны домовъ были обагрены, и ожиданіе смраду отъ ихъ гніенія (ибо никого не погребали, считая ихъ недостойными преданія земли), не давали покоя душамъ убійцъ и не позволяли имъ долго оставаться въ городѣ. А потому всѣ они съ добычею перешли въ поле, къ югу отъ Умани лежащее и называемое *Карповка*; тамъ они устроили себѣ таборъ, укрѣпленный валомъ и пушками. Тамъ уже приступили къ раздѣленію и устройству гайдамацкой толпы на *громады*, или сотни и назначенію всему ихъ войску начальниковъ. Прежде всего при громѣ пушекъ и ружейной пальбы провозглашены: Максимъ Железнякъ гетманомъ, а Гонта полковникомъ, оба съ титуломъ князей; Железнякъ назвалъ себя княземъ Смилянскимъ. Другимъ гайдамакамъ назначены другія должности, тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе кто отличался жестокостью и числомъ убійствъ. Управление Умани поручено козаку *Власенку*, но тотъ собравъ довольно значительную сумму изъ податей Уманской волости и предугадывая судьбу гайдамацтва, ушелъ съ деньгами въ Молдавію.

«Новонзбранные чиновники начали дѣлать богатые пиршества; припасы доставлялись со всей околицы въ большомъ изобиліи, меду, вина и водки забрали до 160 бочекъ. Такимъ образомъ

всякій день, въ теченіи почти двухъ недѣль, пѣяствовали и веселились гайдамаки среди восклицаній, музыки, танцевъ и разврата. Только Гонта не участвовалъ въ банкетахъ; его видѣли въ вѣчномъ безпокойствѣ, замѣшательствѣ и тревогѣ; не разъ онъ говорилъ своимъ: «братцы, сомнѣваюсь, чтобы мы выпили все то пиво, которое наварили».

«Въ то-же время приступили къ дѣлежу награбленной добычи: изъ суконъ, шелковыхъ одеждъ, мѣховъ, парчей и разныхъ другихъ вещей, уложили нѣсколько грудъ (mogi). Кромѣ немалаго количества денегъ и часовъ, одного серебра въ ломъ было 6-ть сундуковъ. Железняку кромѣ множества разныхъ дорогихъ вещей, досталось три сундука серебра, которое сейчасъ-же продалъ за 10,000 (злотыхъ) одному Кіевскому купцу, хотя оно стоило гораздо дороже. Остальное серебро и драгоценности достались Гонтѣ; прочее имущество раздѣлено гайдамакамъ, сообразно съ заслугами всякого во время убійствъ.

«Мертвыя тѣла, среди лѣтняго зноя, три дни лежавшія безъ погребенія, ужаснымъ зловоніемъ наполняли городъ и принудили оставшихся мѣщанъ просить Железняка и Гонту, чтобы трупы были прибраны. Но какъ столько ямъ трудно было выкопать, рѣшился бросить ихъ въ колодезь, вырытый на самомъ рынкѣ между восточною и сѣверною частью пынѣшней (1787) площади у ратуши. Колодезь, хотя часть мертвыхъ тѣлъ

была пожрана собаками, былъ однакожь совершенно ими наполненъ.

«Опомнившись послѣ пьянства какъ отъ омертвенія, гайдамаки вмѣсто того, чтобы смириться и прекратить убійства, составили совѣтъ, на которомъ положили разсылать въ ближайшія мѣстечка и села свои отряды на разбой и грабежи и для набора новыхъ ватагъ, которыя и такъ уже увеличивались наплывомъ крестьянъ. Тому изъ нихъ, кто больше убивалъ Поляковъ или Жидовъ обѣщано было высшее званіе. Такимъ образомъ въ мѣстечкахъ: Грановѣ¹, Тепликѣ, Дашовѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Босовкѣ, Ладыжинѣ и ближайшихъ селахъ, Поляки и Жиды, равнымъ какъ и въ Уманн подверглись жестокостямъ. Отъ того большая добыча ежедневно была привозима въ Гайдамацкій таборъ. Сотникъ Шило съ 50 конными козаками хорошо вооруженными и двумя пушками, бросился на Балту, мѣстечко лежащее на самой Турецкой границѣ, чтобы умертвить тѣхъ изъ Поляковъ и Жидовъ, которые еще тамъ оставались и которые забравъ свое имущество, ушли за р. Кодыму (въ Турецкія владѣнія). Гайдамаки требовали у Турецкаго пашы, (т. е. каймакана), ихъ выдачи. Получивъ его

---

¹ Показаніе о Грановѣ несправедливо; мы сказали выше, что Грановскіе козаки остались вѣрны кн. Чарторійскому и защищали его волости. Въ этомъ мы убѣдились лично во время поѣздки въ 1843 году, ибо это преданіе сохранилось до нынѣ.

отказъ, хотѣли было уже воротиться въ свой таборъ, но неизвѣстно почему одинъ Турокъ убилъ Грека (?) изъ гайдамацкаго отряда. Сотникъ, разгнѣванный этою потерей, собравъ вдвое больше пегодяевъ, такъ сильно ударилъ на Турокъ, что они не смотря на храбрую защиту, ушли изъ города, захвативъ изъ своего имущества только то, что было дороже. Шло хотя потерялъ одного изъ своихъ атамановъ и нѣсколько гайдамакъ убитыми, но до тѣхъ поръ своей атаки не прекратилъ, пока всю Турецкою стороною г. Балты не завладѣлъ¹ и пока всѣхъ въ городѣ не умертвилъ. Вскорѣ прибыл на помощь городу Татаре (Буджацкіе Ногайцы), но поздно, ибо гайдамаки захвата что могли лучшаго въ городѣ, живо убѣжали.

«Когда этотъ сотникъ или другіе гайдамаки возвращались съ экспедиціей съ добычею и новобранцами, въ таборѣ встрѣчали ихъ пушечною и ружейною пальбою, восклицали и богатыми въ ихъ вкусѣ пиршествами угощали. Но скорѣ эти утѣхи превратились въ горестъ для гайдамакъ, а въ утѣшеніе для государства. Среди самаго разгара пировъ и шалостей, донесли Железняку и Гонтѣ, что Русскій поручикъ *Кривой* съ 60-ю казаками въ городъ прибылъ. Сильно испугались разбойники, и положили было вести себя осторожно и избѣгать сношеній съ Русскими солда-

---

¹ Въ 1750-хъ годахъ одна половина города Балты принадлежала Польшѣ, а другая Турціи, т. е. хану Крымскому.

тамъ, но умный поручикъ такъ ловко умѣлъ увѣрить гайдамакъ въ своей искренности дружбѣ, что убѣжденные Железнякъ и Гонта не только его къ себѣ на банкеты приглашали и подарки ему дѣлали, но даже согласились чтобы онъ свои вмѣстѣ съ разбойничими поставилъ караулы. Чтобы однакожь оправдать свои дѣйствія предъ Русскимъ офицеромъ и тѣмъ болѣе съ нимъ сблизиться, гайдамаки показали ему упомянутый выше указъ Императрицы, Мельхиседекомъ изобрѣтенный, изъявляя ему готовность исполнить всѣ повелѣнія Ея И. В. и въ Ея службѣ и послѣднюю каплю крови пролить. Для того они предлагали вмѣстѣ съ козаками (Донскими) идти въ Бердичевъ, для уничтоженія тамъ конфедератовъ. Все это похвалялъ поручикъ, обѣщая, что имъ будетъ сопутствовать цѣлый полкъ карabinеръ, который уже приближался къ Умани. Но онъ требовалъ прежде, чтобы тѣ изъ поселянъ (вооруженныхъ), которые имѣютъ свое хозяйство и семейства были оставлены въ домахъ, ибо они не могутъ выдержать военныхъ трудовъ и невыгодъ, а привязанность ихъ къ своему достоянію и семействамъ, кромѣ замѣшательства и непорядка, ничего другаго принести не можетъ. Между тѣмъ край опустѣеть не имѣя рукъ для занятія хлѣбопашествомъ.

«Мнѣніе его одобрено и сдѣлано обвѣщеніе, что всѣ вышеупомянутые люди, равно какъ и тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ довольно мужества къ перенесенію трудовъ и приключеній, свойствен-

ныхъ военному быту, особенно во время походу, могутъ оставить войско (гайдамацтво) и въ дома свои возвратиться. Въ самомъ дѣлѣ многіе крестьяне этого приказу послушались, но гораздо большее число осталось на мѣстѣ. Наконецъ отданъ приказъ, чтобы всѣ готовились въ походъ вмѣстѣ съ Русскими войсками къ Бердичеву. Тогда поручикъ посоветовалъ гайдамакамъ приготовить пиръ для всей шайки, какъ-бы для возбужденія въ нихъ охоты и отваги. Тамъ всѣ гайдамаки такъ водкою и медомъ уподчивались, что едва-ли кто нѣбудь остался въ силахъ или при здоровомъ умѣ. Русскіе солдаты побуждали къ пьянству, но сами совершенно трезвы остались.

«Когда уже Железнякъ и Гонта хорошо опьянѣли, поручикъ притворясь пьянымъ, вмѣстѣ съ Железнякомъ и Гонтою поѣхали на свою квартиру въ городъ. Когда они пробыли тамъ нѣсколько времени, среди дружеской бесѣды, — получаетъ онъ наконецъ свѣденіе, что карабинеры уже не далеко отъ гайдамацкаго табора; — тогда приказалъ онъ Гонту, Железняка и еще нѣкоторыхъ къ нему пришедшихъ гайдамакъ крѣпко заковать въ желѣза. Оцѣпѣнѣли отъ ужаса Железнякъ и Гонта, когда Дошцы бросились на нихъ, и изъ опасенія чтобы крѣпомъ не возмутели другихъ, забили имъ рты кляпами, а послѣ били ихъ по лицу и крѣпкими цѣпями связали. Сидя въ одномъ углу

комнаты, только кивая головою они могли оплакивать горькую участь, которую вмѣстѣ заслужили.¹

«Когда это происходило съ Гонтою и Железнякомъ, Донцы и карабинеры окружили таборъ. Это еще не испугало гайдамакъ, прпнявшихъ ихъ за союзниковъ, — но когда услышали приказъ немедленно положить оружіе, *Оома* эсаулъ, закричалъ: *измѣна! измѣна!* и схвативъ оружіе, нѣсколькихъ Донцевъ убилъ, пока окруженный другими не погибъ и самъ. Другіе гайдамаки тоже хотѣли защищаться, но панпческій страхъ, съ похмѣлья и безъ предводителя, объялъ всѣхъ такъ, что они сейчасъ-же покорились. Большая часть пьяныхъ или во снѣ не знали даже о своей участи. Русскіе солдаты начали немедленно однихъ вязать веревками, другихъ забивать въ колодки, въ чемъ помогали имъ поселяне, призванные изъ села Городецкаго, какъ ближайшаго къ Умані. Но какъ все это происходило ночью, то нѣкоторые подъ брюхомъ лошадей прошедши, убѣжали, но и тѣ послѣ схвачены. А когда и веревокъ и колодокъ не стало, карабинеры окружа разбойниковъ со всѣхъ сторонъ, до утра продержали, а послѣ уже въ погреба и ямы запирали.

«Съ начала забраны у гайдамакъ лошади, оружіе, аммуниція и все заграбленное имущество и

---

¹ Г-жа Кребсъ говоритъ, что Железнякъ ушелъ прежде арестованія Гонты; мы послѣдовали этому рассказу какъ болѣе сходному съ Запорожскими документами.

передано къ полковнику Нолкуну (не Гурьеву ли?) Послѣ цѣлыми десятками приводили негодяевъ для переписи, помѣшая въ одномъ регистрѣ заграничныхъ (Русско-подд.) разбойниковъ, а въ другомъ Украинскихъ, съ изложеніемъ ихъ преступленій. Всѣхъ-же со всего обдввали. Железнякъ съ его соотечественниками отправлены въ Москву, гдѣ его били кнутомъ на площади, а послѣ сослали въ Сибирь. Туды-же былъ посланъ и упомянутый Мельхиседекъ, но сего послѣдняго вскорѣ простили, воротили въ Кіевъ и сдѣлали архимандритомъ. Польскихъ-же подданныхъ привели въ село *Сербь*, близъ пограничнаго города Могилева лежащее и отдали Обозному (коропному) Бранцкому, который во все это время стоялъ тамъ съ своею дивизіею.

«По окончаніи слѣдствія, въ томъ-же селѣ съ Гонты живаго содрали кожу, отрубили руки и ноги и вырвали сердце, а послѣ четверовали. Эту праведную казнь переносилъ онъ очень терпѣливо, ибо къ смерти онъ весьма прилично приготовился. Другихъ гайдамакъ казнили другимъ образомъ: рубили имъ головы, вѣшали, рубали одну ногу и одну руку, били розгами. Свидѣтели этихъ наказаній были Каменецъ и Львовъ, гдѣ повѣсили 200 негодяевъ, Кременецъ, Винница, Житомиръ, Летичевъ и др. города, гдѣ по 5, 7 и 8 разбойниковъ казнили. И это было событіе 1768 года и конецъ мятежа Украинской черни, которая навлекши себѣ и другимъ соотечественникамъ гибель,

тѣмъ еще не мало свое отечество обидѣло, что край этотъ понесъ нѣсколько миллионовъ убытка потерей имущества, перешедшаго въ чужіе руки, (къ Донцамъ)».

Приписка: «Какъ это описаніе *Ръзни*, выписано вѣрно изъ актовъ Уманскаго монастыря, въ томъ своею подписью и приложеніемъ печати свидѣтельствуемъ: въ Уманн 2-го числа Декабря, 1787 года.

«Ксепдзъ *Іосифъ Моргулецъ*,
ректоръ Уманскаго Монастыря».
«*Мацевичъ*, В. Р. З. С. В. В.
(кажется Вице-Ректоръ Закона
Св. Василія Великаго?)»

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
1. Введеніе вмѣсто предисловія	7.
2. Глава I.	19.
3. Глава II.	39.
4. Глава III.	61.
5. Глава IV.	104.
6. Глава V.	128.
7. ПРИЛОЖЕНІЯ.	
№ 1. Легенда о козакѣ Мамаѣ 1642	153.
№ 2. Молитва Евреевъ въ память убіенныхъ отъ гайдамакъ Немировскихъ, Барскихъ и другихъ братьевъ 1647 года	155.
№ 3. Другая такая-же молитва 1648 г.	158.
№ 4. Народныя пѣсни о Савкѣ Чаломъ 1730-1743 г.	159.
№ 5. «Laudum boni ordinis» и пр. или мѣры, при- нятыя дворянствомъ Брацлавскаго воеводства, противу гайдамакъ и къ учрежденію помѣ- щичьихъ милицій 1750 г.	171.
№ 6. Молитва Евреевъ въ память Графа Браницкаго (1750 или 1768)	174.
№ 7. Распоряженія Коша Запорожскаго противу гайдамакъ:	
а). въ 1756 году	175.
б). « 1758 »	177.
с). « 1759 »	183.
№ 8. «Объявленіе о повоучрежденныхъ въ Польскомъ городѣ Умани ярмаркахъ и свободной въ немъ торговлѣ» 1761 г.	175.
№ 9. Паспортъ, данный Железнякомъ 1768 г.	191.
№ 10. Ордеръ Румянцова 1768 г.	192.
№ 11. Свѣденія о Железнякѣ и Уманской рѣзвѣ 1768 г.	194.

- № 12. Ордеръ Воейкова 1768 г. . . . . 197.
- № 13. Инструкція, данная Кошемъ Запорожскимъ
для поимки гайдамакъ 1768 г. . . . . 199.
- № 14. Показанія при допросѣ гайдамаковъ . . . . . 202.
- № 15. «Краткое описаніе убійствъ, произведенныхъ
въ городѣ Умани Украинскою чернью ²⁰/₉
числа мѣсяца Іюня 1768 года, сочиненное
въ 1787 году . . . . . 208.

ИМЕНА ЛИЦЪ,

подписавшихся на книгу подъ заглавіемъ: «НАВЗДЫ
ГАЙДАМАКЪ НА ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ», съ 1-го Января
по 6-е Февраля 1845 года.

Число
листомъ.

Е. С. Г. Намѣстникъ Кавказскій, Новороссійскій и Бессарабскій Генералъ-Губернаторъ, Графъ М. С. Воронцовъ.	
Е. С. Двора Ея И. В. Статсъ-Дама Графиня Е. К. Воронцова.	5.
Е. В. » » » » Оберъ-Егермейстерша М. А. Нарышкина	5.
Е. П. Кіевскій Гражданскій Губернаторъ И. П. Фундуклей .	150.
Е. П. Г. В. Нефть (въ Ст.-Петербургѣ)	1.
Е. С. Дѣйс. Ст. Сов. Графъ М. Д. Толстой	2.
» » Гвардіи полковникъ Князь Р. Н. Кантакузенъ	1.
» » Князь Шаликовъ	1.
Стат. Сов. А. М. Золотаревъ	1.
» » М. П. Щербининъ	1.
Л. Н. Кирьякова	1.
Г-жа Шеміотъ	1.
Е. П. Наказной Атаманъ Дунайскаго козачьяго войска ген.-маіоръ Василевскій	1.
Колл. Сов. Евдокимовъ	1.
» » Д. А. Вороновскій	1.
Полковникъ Абаза	1.
ГГ. П. Ф. Золотаревъ	1.
» А. П. Тихоцкій	3.
» Бибииковъ	1.
» Джидай	9.
» Куриловъ	1.
» Афанасьевъ	1.
Полковникъ Каменскій	1.
Гвардіи штабсъ-капитанъ Павловъ	1.
Члены Од. Отд. Коммерціи Совѣта: Джемсъ Кортанци . . .	3.
» » » Почет. Гражд. Ф. Л. Родоканаки	5.
» » » » » Н. Ст. Ралли	5.
» » » Купецъ Деазарта	1.
» » » Иностр. гость Порро	1.

Почетные Граждане: Я. Гари	2.
» » С. Потаповъ	1.
Студенты Ришельевского Лицея: Кузницъ	2.
» » » Ганъ	1.
» » » В. Хоментовскій	1.
Г. Черни	1.
» Волоховъ	1.
» Портновъ	1.
Протоіерей Н. Соколовъ	1.
Одесскіе купцы: М. Лучичъ	1.
» » И. Ващенко	1.
Одесскіе Болгаре: Ст. М. Тошковъ	7.
» » Ст. Д. Тошковичъ	2.
» » В. Е. Априловъ	5.
» » Н. Палаузовъ	2.
» » Д. М. Тошковъ	1.
» » Н. М. Тошковъ	1.
Одесскіе купцы: Х. Эфруси	3.
» » Б. Трахтенбергъ	2.
» » Гальперсонъ	1.
» » А. Трахтенбергъ	1.
» » Е. Трахтенбергъ	1.
» » П. Бернштейнъ	1.
» » Е. Эбенштрейтъ	1.
» » С. Дерблихъ	1.
» » Л. Дерблихъ	1.
» » С. Рехельсъ	1.
» » С. Тейберъ	1.
» » Л. Штейнфинкель	1.
» » Г. Рейнгерцъ	1.
» » С. Кацинъ	1.
» » О. Френкель	1.
» » В. Гольдъ	1.
» » М. С. Эйгеръ	1.
Одесскій книгопродавецъ Григорьевъ	50.
» » Вильетти	50.
Г. Викторъ Бернацкій (въ Дубоссарахъ)	1.

2007080485